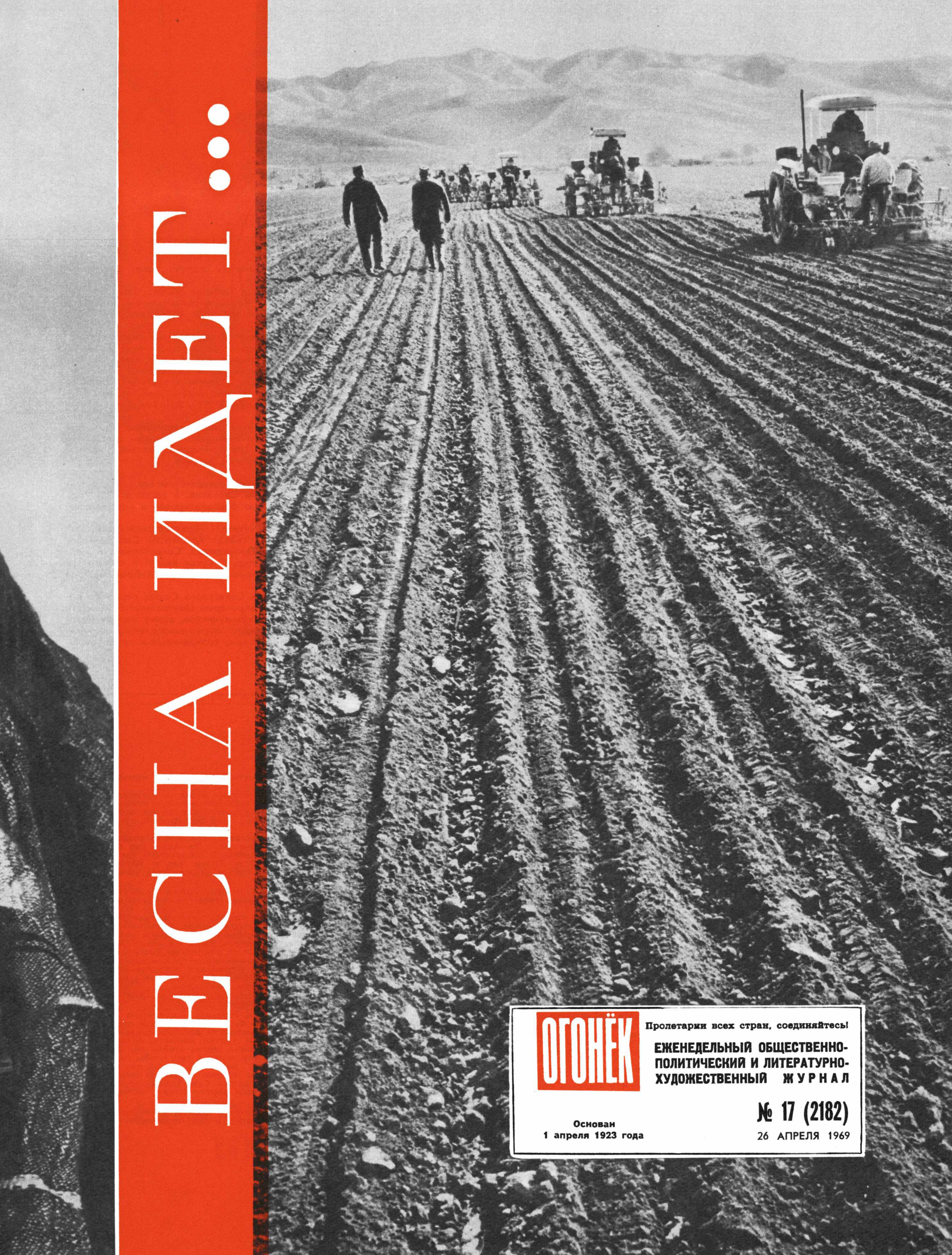

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Солнце Таджикистана! Оно заставило забыть о холодах небывалой зимы. Чабан Олоназар Назаров из Даганакийского племзавода рад, что в его отаре не было потерь. А в долине пушистые комочки семян хлопчатника легли в теплые борозды на земле Курган-тюбинского колхоза имени Карла Маркса. Весна идет от южных гор, весна идет по стране!

Фото М. САВИНА.

ВЕСНА ИДЕТ...
ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 17 (2182)
Основан
1 апреля 1923 года
26 АПРЕЛЯ 1969

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПЧ Г. ГУСАК.

17 апреля в Праге состоялся пленум ЦК КПЧ.

В связи с исключительным положением в стране на пленуме были обсуждены принципиальные организационные и кадровые вопросы.

Пленум ЦК КПЧ удовлетворил просьбу товарища Дубчека об освобождении его от обязанностей Первого секретаря. Пленум ЦК КПЧ тайным голосованием подавляющим большинством голосов избрал Первым секретарем ЦК КПЧ доктора Густава Гусака и новый Президиум.

В обращении ЦК КПЧ ко всем гражданам, принятом на пленуме, говорится, что «принципиальная и последовательная борьба Г. Гусака за осуществление политики партии, верность принципам пролетарского интернационализма соответствуют тем требованиям, которые партия предъявляет к своим руководящим деятелям».

Доктор Густав Гусак родился 10 января 1913 года в Братиславе в семье бедного крестьянина. С 16 лет Г. Гусак принимает активное участие в коммунистическом движении. В 1929 году вступил в комсомол, а в 1933 году — в КПЧ. За коммунистическую деятельность неоднократно заключался в тюрьму.

Во время Словацкого народного восстания Г. Гусак был заместителем Председателя Словацкого Национального Совета и уполномоченным по вопросам внутренних дел. На объединенном съезде был избран членом ЦК Компартии Словакии, членом Президиума ЦК и заместителем Председателя Компартии Словакии.

В апреле 1945 года Г. Гусак стал членом ЦК КПЧ.

В 1950 году Г. Гусак был по необоснованным обвинениям выведен из состава ЦК КПЧ, Президиума и Секретариата ЦК Компартии Словакии, а затем в 1951 году репрессирован. В 1963 году Г. Гусак был полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

С апреля 1968 года Г. Гусак занимал пост заместителя Председателя Правительства ЧССР. В августе 1968 года на Чрезвычайном съезде Компартии Словакии его избрали членом ЦК Компартии Словакии, членом Президиума, Секретариата и Первым секретарем ЦК Компартии Словакии. С 1968 года Г. Гусак является членом ЦК КПЧ, его Президиума, а затем и Исполкома Президиума ЦК КПЧ. В сентябре 1968 года избран депутатом Словацкого Национального Совета.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза сердечно поздравил Густава Гусака с избранием его Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и пожелал коммунистам, всему народу Чехословакии успешного решения важных и сложных задач современного этапа социалистического строительства, больших побед в творческом, созидательном труде, дальнейшего подъема народного хозяйства страны.

На улице Мари-Роз

...Южная окраина Парижа. Четырнадцатый округ с его узкими, извилистыми улочками, загороженными от солнца серыми домами, в которых живет рабочий люд парижского «красного пояса» — улицы Монсури, Сарретт, Боньe, Мари-Роз. Последние две вам укажет любой прохожий, и не только потому, что парижане хорошо знают свой город. Эти улицы стали гордостью всего пролетарского Парижа. Здесь, сначала на Боньe, в доме № 24, а затем, полгода спустя, с лета 1909 года, на улице Мари-Роз, 4, жил Владимир Ильич Ленин. Именно здесь был в то время подлинный штаб русской революции, в котором шла напряженная работа по укреплению нелегальной марксистской партии, по подготовке к свержению царизма.

Улица Мари-Роз — всего несколько десятков метров в длину и пять метров в ширину. На доме № 4 между вторым и третьим этажами мраморная мемориальная доска. На ней надпись:

Ленин
22 апреля 1870—21 января 1924
жил в этом здании
с июля 1909 по июнь 1912.

В этом доме Владимир Ильич Ленин, говоря словами писателя-коммуниста Анри Барбюса, «посвятил себя телом и душой подготовке... самого потрясающего события современности — переворота, который изменил лицо мира и ход истории».

Я не раз уже бывал в этой скромной ленинской квартире, поднимался на третий этаж по узкой и скрипучей деревянной лестнице. В расположении квартиры, как утверждают старожилы, ничего не изменилось с тех пор, как отсюда уехал Ильич. Две скромные комнаты, окна одной выходят на улицу Мари-Роз. Кухня когда-то служила столовой и была своего рода приемной, где Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной Крупской принимал друзей, жадно расспрашивал тех, кто приезжал из России, о последних новостях на родине. Об этих годах эмиграции Ильича мне рассказывает один из ветеранов Французской компартии, хранитель музея-квартиры Антуан Лежандр. Седой как лунь, уже в довольно преклонном возрасте (ему под 70), товарищ Лежандр сохранил юношескую пылкость и большую живость ума. Он ходячая энциклопедия всего, что касается пребывания Ленина во Франции, и может часами рассказывать об этом. Мой первый вопрос товарищу Лежандру:

— Когда был создан музей на улице Мари-Роз?

— Только в 1955 году,— отвечает он.— Не раз и раньше пытались мы, французские коммунисты, купить эту квартиру, но владелец наотрез отказывался. Поэтому в течение нескольких десятков лет наши товарищи снимали ее, и только после того, как дом перешел к другому хозяину, Французская коммунистическая партия приобрела комнаты на третьем этаже.

— Что нового появилось в экспозиции музея за последнее время?

— К нам поступили,— говорит мой собеседник,— новые документы, собранные во Франции. Чтобы посетители музея могли почувствовать дух эпохи, мы экспонировали ряд фотографий, рассказывающих о Франции начала века.

Отдельный стенд посвящен большевистской школе, созданной Владимиром Ильичем в парижском пригороде Лонжюмо для подготовки кадров революции. Вот снимки столярной мастерской, где временно помещалась школа, и дома № 91 по Гранд рю, в котором некоторое время жил Ленин. На доме сейчас установлена мемориальная доска.

Еще одна пожелтевшая от времени фотография. Тоже Париж, дом на улице Алезия. Здесь в начале января 1909 года проходила V Общероссийская конференция РСДРП.

— Здесь, на улице Мари-Роз,— рассказывает Антуан Лежандр,— Ленин продолжал работу над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Эта книга, ознаменовавшая собой новую эпоху в развитии философии диалектического материализма, была написана Лениным в Женеве, а корректуру ее он получал от родных из России. Как раз в это время во Франции бастовали почтовики, и гранки книги задерживались. Вот несколько фотографий парижских вокзалов той эпохи с мешками неотправленной почты. Может быть, именно в них лежали письма Ленину из России и листы его новой книги.

— Как музей собирается отметить столетие со дня рождения Ильича? — спросил я Антуана Лежандра.

— Возможно,— говорит товарищ Лежандр,— я открою вам наш небольшой секрет, но мне хотелось бы, чтобы советские люди узнали о нем первыми. Мы намерены приобрести дополнительные помещения на этом же этаже с тем, чтобы третья комната, которая также входила в квартиру Владимира Ильича, могла отойти под музей. Мы собираемся также купить мебель той эпохи с тем, чтобы гость музея, переступая порог квартиры, увидел ее такой, какой она была при Ильиче. Я надеюсь, что к столетию со дня рождения вождя трудящихся всего мира мы сможем это сделать. Само собой разумеется, мы примем активнейшее участие во всех мероприятиях, которые будет проводить к юбилею наша партия.

Я желаю успеха товарищу Лежандру, французским коммунистам в благородном деле сохранения этого места паломничества трудящихся со всех концов земли.

Л. КОРОЛЕВ

Париж, по телефону.

После вручения правительственных наград пограничникам — героям боев за остров Даманский.

Фото А. Устинова и Е. Халдея.

РОДИНА НАГРАЖДАЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ

17 апреля в Московском Кремле состоялось вручение высоких правительственных наград отважным советским пограничникам — защитникам острова Даманский.

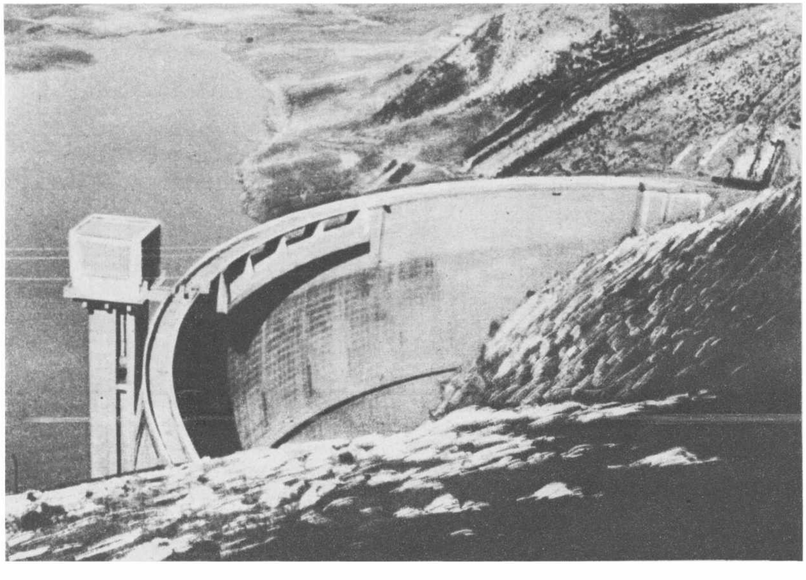
Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил ордена Ленина и медали Золотая Звезда старшему сержанту Ю. В. Бабанскому и капитану В. Д. Бубенину, которым за героизм и отвагу, проявленные при защите государственной границы СССР, присвоено звание Героя Советского Союза.

Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза старшему лейтенанту И. И. Стрельникову, павшему смертью храбрых при защите священных рубежей Родины, вручена его жене Л. Ф. Стрельниковой.

Орденами Ленина награждены подполковник А. Д. Константинов и сержант В. М. Каныгин. Ордена и медали вручены также другим героям-пограничникам.

Начальник Главного управления пограничных войск Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР генерал-полковник П. И. Зырянов от имени всего личного состава пограничных войск поблагодарил Коммунистическую партию Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство за внимание и заботу о пограничниках. Он заверил, что советские пограничники всегда будут зорко охранять рубежи социалистической Родины.

Н. В. Подгорный сердечно поздравил награжденных, пожелал им новых успехов в боевой и политической подготовке, крепкого здоровья, счастья.

Плотина в долине Кассеба.

ПО СОВМЕСТНОМУ ПРОЕКТУ

Есть в Тунисе небольшая река Кассеб. Долину ее тунисцы называли «кладовой богатств», однако капризы климата привели к тому, что уже давно долина Кассеба не оправдывает своего имени. Сильно обмелевшая речушка не в силах напоить ни людей, ни выжженные солнцем каменистые холмы, окружающие ее.

Но скоро все изменится: на Кассебе закончилось сооружение плотины. Ее проект разработали советские специалисты совместно с тунисскими, СССР поставил Тунису все механизмы и материалы, необходимые для строительства. Вековую тишину Кассебской долины взорвал динамит; понадобилось вынуть 250 тысяч кубометров скальной породы и грунта, уложить 70 тысяч кубических метров бетона. Арочная плотина, перегородившая реку, достигает почти шестидесятиметровой высоты. Объем водохранилища, по расчетным данным, составит более 42 миллионов кубических метров.

Мы попросили посла Тунисской республики в СССР господина Неджиба Бузири рассказать о значении плотины для тунисской экономики, о работе советских специалистов на Кассебе.

— Сооружение Кассебской плотины,— сказал он,— это одна из мер по подъему национальной экономики, предпринимаемых тунисским правительством. Пресная вода — вещь очень дорогая для Туниса, и Кассебская плотина во многом будет способствовать решению проблемы водоснабжения в стране. Основная цель строительства — снабдить питьевой водой жителей нашей столицы — города Туниса. Кроме этого, она даст электроэнергию и поможет долине Кассеба возродить былую славу «кладовой богатств».

Недавно я побывал на строительстве. Плотина совершенна не только с технической точки зрения, но и в эстетическом плане. Это — подлинное произведение искусства.. Я встречался и говорил с советскими специалистами, которые продолжают работать на Кассебе. Я нашел в них подлинный энтузиазм и преданность своему делу. Впрочем, это не только моя точка зрения, а мнение всех тунисцев, в том числе и руководителей страны. Высокую оценку работе советских экспертов дал Президент Тунисской республики Хабиб Бургиба на торжественном открытии плотины. Строительство Кассебской плотины велось в атмосфере тесного сотрудничества между тунисскими и советскими специалистами, и мы можем сказать, что качество работы ваших товарищей соответствует их высокой репутации.

Президент Бургиба,— сказал в заключение Неджиб Бузири,— неоднократно подчеркивал — и мы еще раз присоединяемся к его высказываниям,— что в Тунисе всегда рады видеть советских специалистов. Такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран.

«ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ ВЕКА»

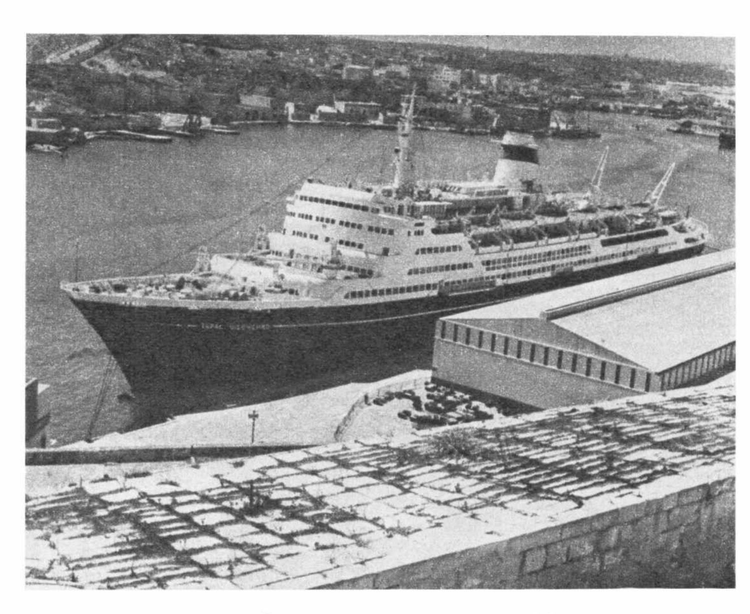
Академия киноискусства Америки признала лучшим иностранным фильмом, показанным в США в 1968 году, киноэпопею «Война и мир», созданную на студии «Мосфильм».

Приз «Оскар» приняла молодая киноактриса Людмила Савельева, о которой газета «Нью-Йорк пост» писала: «Эту Наташу, несомненно, полюбят везде в мире». О том, как прошел фильм в США, красноречиво говорят и другие выдержки из газет и журналов: «Бомба крупного калибра!», «Война и мир» — великий фильм... Венец достижений мирового киноискусства!», «Если бы можно было назвать лучший фильм двадцатого века, это был бы этот фильм! Ослепительно. Головокружительно. Настоящий шедевр!», «Обязательно посмотрите этот фильм! Он должен получить пригоршню премий «Оскара» и охапку обычных призов», «Новая экранизация произведений Льва Толстого «Война и мир» представляет собой художественную классику, триумф Сергея Бондарчука...»

Работа советских кинематографистов над киноэпопеей «Война и мир» вызвала огромный интерес во всем мире. Более 80 стран приобрели картину для своих экранов.

Н. ЗЫБИНА

Людмила Савельева с премией «Оскар».

Советское судно «Тарас Шевченко» в мальтийском порту Ла-Валетта. На его борту большая группа французских туристов. Вот уже несколько лет наш корабль пользуется успехом у иностранных туристских компаний, которые фрахтуют его для круизных рейсов по Средиземному морю и Атлантике.

Протестуя против продолжения агрессии во Вьетнаме, десятки тысяч американцев от Нью-Йорка до Сан-Франциско выходят на улицы. Стотысячная демонстрация запрудила Манхэттен; в первых рядах ее — молодежь с плакатами: «С тех пор как начались переговоры, погибло десять тысяч человек», «Прекратите геноцид сейчас же», «Конец военным налогам», «Немедленно верните домой солдат».

А так расправляется американская полиция с протестующими. Этот снимок сделан в Кембридже, штат Массачусетс, где помещается одно из самых известных в стране высших учебных заведений — Гарвардский университет.

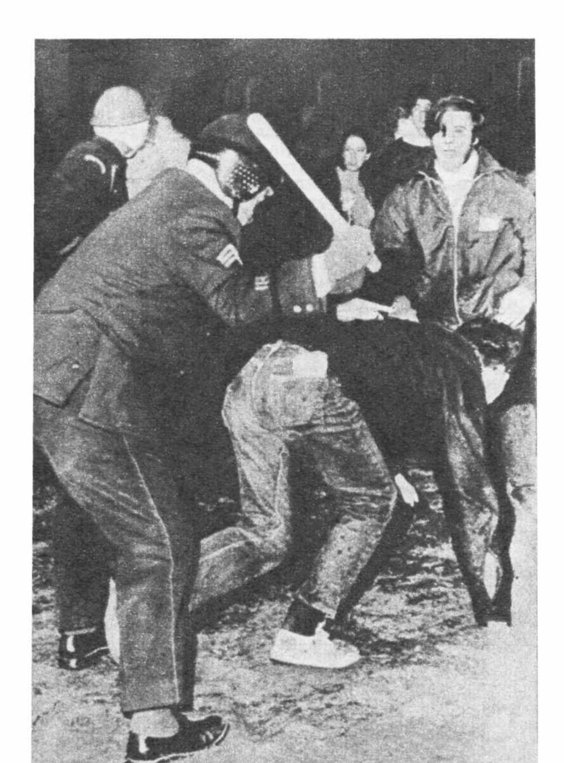

Фото ЮПИ и журнала «Тайм».

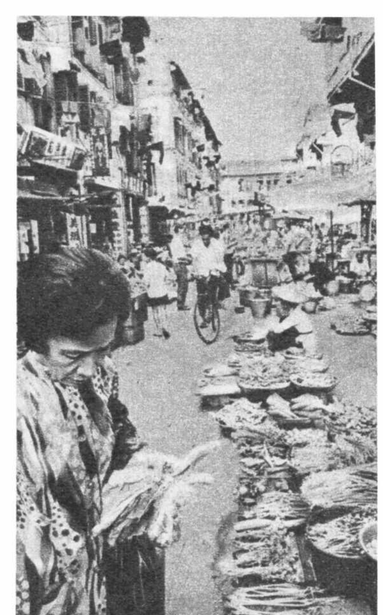
Сингапур... Овеянный романтической дымкой для одних, знаменитый центр сомнительных развлечений для других, место легкой наживы, символизирующее британское колониальное господство, для третьих. Ныне Сингапур — независимое государство. Перед молодой страной множество проблем: экономических — город не обеспечен ни водой, ни продуктами питания, ввозимыми из-за границы; национальных — его население состоит из малайцев, китайцев, индийцев.

В последние годы Советский Союз и Сингапур установили и успешно развивают торговые и экономические связи.

Река Сингапур проходит через самый центр города, впадая в огромную бухту — отличную естественную стоянку для судов многих стран.

Рынок в китайской части Сингапура.

Национальный малайский танец привлекает многих гостей Сингапура.

Магнитка!.. Романтическая юность нашей страны. Немеркнущий символ народного подвига, яркий пример социалистических темпов развития. За неполных четыре десятилетия она стала самым большим в мире металлургическим комбинатом: по производству стали превосходит крупнейшие в США заводы концерна «Бедлехем стил корпорейшн». Отсюда идет металл 6 500 заводам и стройкам...

НОВЬ ГОРЫ МАГНИТНОЙ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

«НАШ, ДОМОРОЩЕННЫЙ...»

Признаться, замысел был у меня такой: написать очерк о директоре комбината. Об Андрее Дмитриевиче Филатове я была уже наслышана: «Энергичен, смел, особенно когда дело касается новой техники, способен на риск. Взять его тенденцию насытить все производства новейшими агрегатами, машинами и приборами, такими, например, как в цехе электролитического лужения. Больше таких нигде не встретите. Или его наступление на серу. Кому не известно, что для чугуна она враг № 1? Но все привыкли смотреть на нее сквозь пальцы, как на неизбежное зло, с которым бесполезно бороться. Филатов же объявил сере войну повсеместно. На аглофабриках, на домнах, мартенах...» Так одни отдавали должное ему как эрудированному инженеру, другие ценили в нем качества организатора и администратора: командовать ста управлениями, цехами и отделами от карьера до вычислительного центра нелегко. Что же касается биографии, то: «...Он насквозь нашенский, магнитогорский,— рассказывал мне первый секретарь горкома партии В. И. Дмитриев.— Одиннадцать директоров до него было. Но все из других городов, а Филатов прошел тут все ступени: от аппаратчика до главного инженера и директора комбината. В 1931 году окончил школу ФЗУ, а наш горно-металлургический институт — уже в войну. Доморощенный, так сказать, специалист». «Характером,— добавляли люди, близко знающие Филатова,— требовательный, неподатливый и крутоват. Однако к рабочему человеку чуток. Издалека видит, если что не так».

И вот идет по улице человек. Немолодой. Выше среднего роста. В темном пальто и в шапке-ушанке. Живет он в Европе, то есть на правом берегу Урала, а комбинат расположен в Азии, на левом берегу, в пятидесяти минутах ходьбы. Рубеж двух континентов расположен как раз недалеко от его дома, что по Октябрьской улице. Каждый день ровно в 7 часов 20 минут утра он выходит из дому и пересекает этот рубеж. На длиннющем мосту обгоняют его битком набитые трамваи и автобусы. Пешеходов не видно и вовсе. Кому охота в сорокаградусный мороз шагать? А он, облепленный инеем, упрямо сворачивает от моста налево, навстречу трубам и дымам, подрумянившим утреннюю синь. Идет, словно испытывает на себе: а каково в такую вот стужу паровозникам? И распоряжается: «Подвезти машинистам горячий обед, одеть людей в полушубки».

К назначенному часу я пришла в большую, прямо-таки министерскую, приемную. Низкие мягкие кресла, гордые белые каллы на полированном столике... Не было еще и девяти, но работа уже шла полным ходом. Нетерпеливо поглядывали на массивную дверь ожидающие, звонили телефоны, кто-то тормошил секретаря: «Валя, вы не забыли заказать Осечкина?» Девушка принялась наводить справки у междугородной. Наконец из кабинета вышли диспетчеры — участники утреннего рапорта.

Светловолосый человек, что сидел за совещательным столом, разговаривал по телефону.

— Докладывай, Андрей Сергеевич,— говорил он кому-то глуховатым голосом.— Говоришь, четвертую вертушку угнали в Караганду? Завтра еще обещают? Давай тереби. Ясно? У нас потеплело. Ну все... Вот так и живем,— это уже ко мне.— Вам, конечно, не ясно. Осечкин — наш старший диспетчер. Сидит в Рудном, на Соколовско-Сарбайском горно-обогатительном комбинате и «выколачивает» оттуда железорудные концентраты и окатыши. Вы, вероятно, думаете: что за чертовщина? Магнитная под боком, и вдруг Соколовка? Все, кончается наша руда. В войну каждый второй танк был из нее. А теперь переходим на привозную.

Я поинтересовалась рентабельностью производства: не пошатнулась ли?

Директор усмехнулся:

— Четыреста тридцать один миллион чистой прибыли дали государству за прошлый год. На наши доходы за трехлетку можно было бы построить такой же комбинат. Череповецкий завод, помните, начинал с нуля. Руда — кольская, уголь — воркутинский. Одно время пророчили ему убыточность, полный крах. К счастью, не подтвердились мрачные предсказания. Жизнь показала: чем мощнее, лучше оснащено и организовано предприятие, тем оно рентабельнее.

Тут наш разговор пошел на тему, которая и привела меня сюда: о техническом прогрессе, знамя которого Магнитка в эту пору подготовки к столетию со дня рождения В. И. Ленина подняла всенародно. Андрей Дмитриевич всего лишь год назад был еще главным инженером, задавал тон в технической политике и сейчас в курсе всех дел. Он раскрыл альбом, где фотографии показывают, что было и как стало. Приводил цифры, примеры, называл фамилии. Посоветовал познакомиться с приказом № 1. Приказ № 1 оказался объемистой, набранной в типографии книгой в сто с лишним страниц. Она содержала все, что касалось новой техники, автоматизации и механизации, планов НОТ, проектно-конструкторских и научных исследований. Приказ был утвержден директором в первый рабочий день нового года — 2 января. Сам этот факт говорит за себя.

— Начали мы новый год трудно. С перебоями работали. Лютовали морозы, валил людей грипп. Что же касается техники...— Он помолчал.— Видите ли, наш комбинат и старый и новый, и в этом наша специфика и наша беда. Техника тридцатых годов рядом с современной. Нужда, говорят, заставит и пряники есть. Изменяем, совершенствуем, иногда до такой степени, что немецкие конструкторы, увидев, к примеру, свои станы «250 № 1» и «250 № 2» в проволочно-штрипсовом цехе, в котором я начинал когда-то инженерствовать, вряд ли опознали бы их. Помолодели старые станы. Магнитке скоро сорок лет.— Филатов посмотрел на портрет Орджоникидзе, что висел на стене, точно сверял эту дату с Серго.— Пора полнокровной зрелости, расцвета. Оно так и есть. И вот параллельно с процессом «омоложения» идет другой — непрекращающегося роста. Пускаем стан «2500» холодной прокатки. Пока он единственный по ширине листа такого типа в Советском Союзе даст, так сказать, материал, из которого «сошьют» кузов нового легкового автомобиля. Строится новый кислородный цех, в перспективе — цех гнутых профилей, будет построен цех покрытий белой жести, равных которому не имеется в стране. Вот это и есть прогресс!

На пульте у письменного стола зажглась лампочка.

— Да,— кому-то ответил Филатов, сняв трубку.— Представляя тебя в отделе Центрального Комитета, я говорил: «Это потомственный металлург, сын рабочего Катав-Ивановского завода». Твой отец никогда не выискивал объективные причины. Вот-вот...— Голос директора окреп, неожиданно стал густым, звонким.— Помощь? Отчего же, пожалуйста. Но я тебе буду помогать тогда и только тогда, когда ты исчерпаешь все свои внутренние резервы. Ясно?

— Кого это вы так отчитали?

— Носова. Только что назначили начальником цеха. Молод. Но должен стать металлургом высокого класса. Все имеет для этого. Побывайте у него, у прокатчиков, у доменщиков...

ВПЕРЕД!

Мы едем по комбинату. Сворачиваем то налево, то направо, пересекаем железные дороги, стоим у шлагбаумов и ждем, пока проползут составы с пышущими жаром изложницами. Едем потому, что иначе здесь ничего и не увидишь. Комбинат раскинулся под стать городу — на сотни гектаров. Вытянулся вдоль Урала на семнадцать километров. И еще одна цифра: протяженность железнодорожных путей тут больше расстояния от Москвы до Горького или до Тамбова. Здесь свои станции со своими собственными названиями, полустанки и посты. И вообще здесь многое измеряется километрами: длина цехов, составов, прокатанных листов. Словом, без путеводителя в этом городе черного металла не обойтись. Своеобразный путеводитель, вот он, передо мной — директорский приказ № 1. Что в нем записано доменщикам по новой технике? Страница 26, пункт 1. Ба, да это же про знакомые нам окатыши: «Использовать в шихте доменных печей офлюсованные окатыши Соколовско-Сарбайского ГОКа».

...Седьмая печь, говорили мне, с ними первой и познакомилась, с ними ставила, так сказать, эксперименты...

Но где же седьмая?

...Из-за цеховых корпусов «выплыли» наконец этакие древнерусские боярыни в кокошниках — колошниках. Сначала маленькие, едва видные над эстакадами и газопроводом, потом все выше и выше, одна статнее другой. Десять печей. Домну № 1 пускали в 1932 году. Тогда шла XVII партконференция, и Магнитка самолетом послала в Москву чушку чугуна из первой плавки. На ней был отлит барельеф Ленина. Печь № 10 с двумя летками задута тридцать четыре года спустя. А седьмая, послевоенная,— средненькая среди сестер. И ростом и возрастом: ей всего семнадцать. Выиграв сражение с серой, она бесстрашно пошла на штурм окатышей. Именно ей первой доверили эти твердые, как гальки, небольшие черные шарики, скатанные из пудры концентрата,— обогащенной руды и пластификатора. Для доменных печей окатыши — сущее лакомство, шоколадное драже, кстати, они и внешне его напоминают. Окатыши содержат до шестидесяти трех процентов железа, что намного больше, чем в агломерате, не разрушаются, как агломерат, при перевозке, активны в процессе получения чугуна. Офлюсованные, то есть с добавлением известняка, окатыши впервые в мире стали приготавливать из сернистых концентратов на Соколовско-Сарбайском горнообогатительном комбинате. Первым потребителем их стала Магнитка. А на Магнитке—домна № 7. Сначала окатыши составляли треть рудной части, потом половину, потом три четверти. Доводили даже до ста процентов. Печь тренировали, она сопротивлялась новым режимам, болела, но люди не давали ей нежиться. По их следам шли другие бригады, с других печей. На Земле иссякли запасы богатых железом руд. Окатышам принадлежит, вероятно, будущее — их можно получать из самых бедных руд. Они станут главным «блюдом» в рационе домен. После Магнитки на окатыши стал переходить Кривой Рог. В такой межконтинентальной пересадке идей приоритет был за Магниткой.

События на седьмой печи развивались дальше так. Она снова рванулась вперед. Недаром девизом Магнитки всегда было стремительное, как бросок, слово «Вперед!». Правофланговая доменного цеха решила освоить новую технику, которая облегчит труд у горна и повысит производительность труда. Так седьмая стала на комбинате знаменосцем похода за технический прогресс.

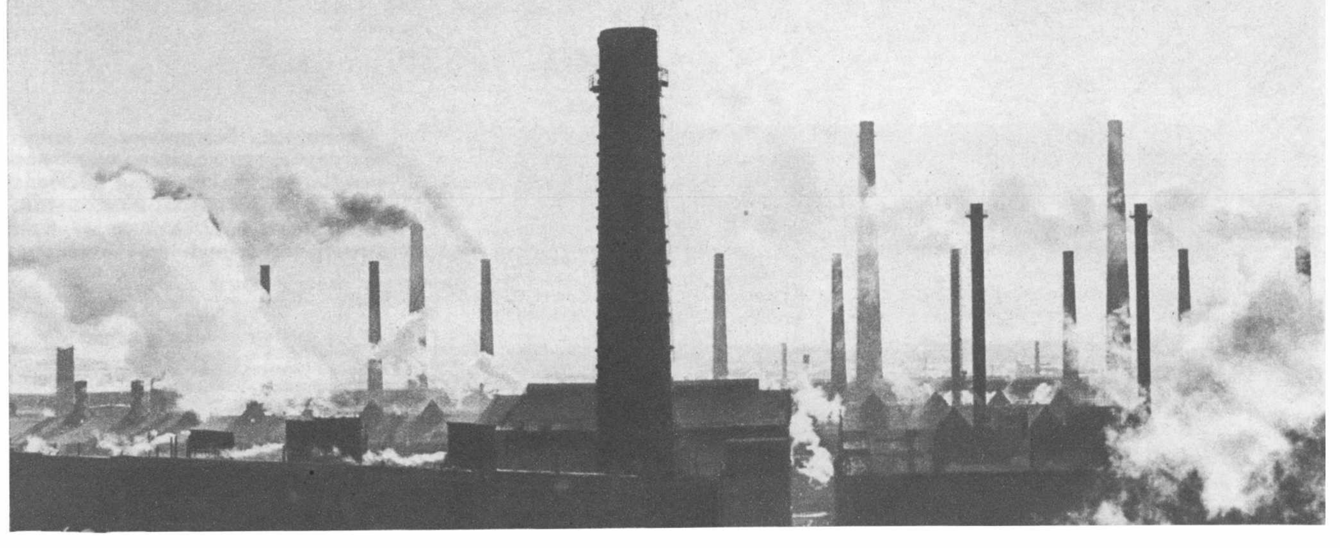
«Прогресс» в магнитогорском толковании — понятие очень емкое. Оно вбирает в себя усилия больших коллективов и отдельных энтузиастов. В литейном дворе на четвертой печи мне показали желоб необычной формы: «Труниловский, пока есть только у нас. Ни одна капелька чугуна теперь не упадет мимо».

...Начальник отдела кадров Нижне-Тагильского комбината в доменный цех Юрия Трунилова не пустил. «Чтоб в очках, да к печи? Такого у нас еще не было»,— заартачился он, иронически поглядывая на круглые стекла в черной оправе. «У меня всего минус два с половиной. Я могу даже и без очков. Не верите?» — убеждал Трунилов. Но начальник был неумолим. Юра затаил обиду, но не сдался. Недаром он из казаков, да еще уральских. После службы в армии в Нижний Тагил не вернулся, пошел сразу на Магнитку. Юрий Павлович Волков, теперь он начальник цеха, как доброго старого знакомого принял своего тезку. Трунилов, будучи еще студентом техникума, проходил у него практику на четвертой печи. Тут мастеров не смутило, что человек в очках. Поставили горновым. Сначала, как положено на Магнитке, четвертым был, или, иначе говоря, чернорабочим. Поработал, перевели в третьи, потом — во вторые. Сейчас Юрий стоит на самом верху «доменной карьеры» — первый горновой. Но он не только горновой. «Крановщик еще,— подсказали мне,— тут все первые второй профессией овладели». К тому же он сам изобретатель. Внешне Юрий не такой, как все. Лицо раздумчивое. Из кармана куртки торчат логарифмическая линейка, блокноты, ручки. Чуть выдалась свободная минута между плавками, забежит в будку, станет что-то подсчитывать. Однажды Трунилов принес эскиз, который набросал на миллиметровке. Собрал ребят, мастера позвал, стал советоваться: как, мол, не будете меня потом ругать? А за что тут его ругать, спасибо надо говорить было! Горновой дельное предлагал — желоб нового типа. Всем надоело спускаться вниз, в дождь и снег и чистить «габарит» — полотно железной дороги, заляпанное чугуном. Его «штаны», как окрестили горновые новый желоб, избавляли от этого.

Волков, начальник цеха, поддержал Трунилова, но дело застопорилось. Тот, кто должен был сделать желоб, вовсе не хотел этим заниматься. В критический момент горновой пришел в партком комбината, к заместителю секретаря В. А. Щербинину. И тогда все сдвинулось с мертвой точки.

К Октябрьским праздникам желоб был сделан, и можно было его испытать. Обер-мастер Константин Филиппович Хабаров и горновой Володя Лисянский помогли Трунилову все подготовить. Наступил торжественный момент: из лётки вырвалась, побежала в желоб, а по нему в ковш слепящая река. Три выпуска провели нормально. Юрий, счастливый, пошел отсыпаться.

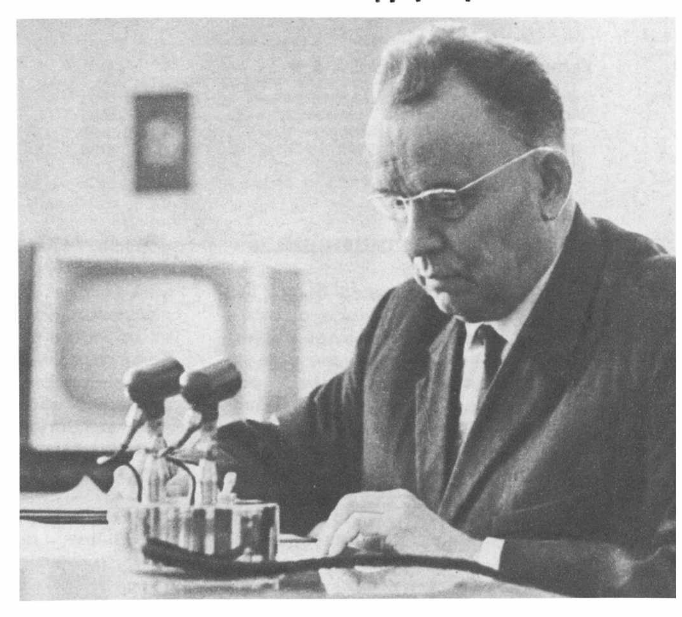
В этом году технический совет предложил установить новый желоб еще на трех печах — пятой, шестой и девятой. В приказе № 1 по новой технике это так и записано.

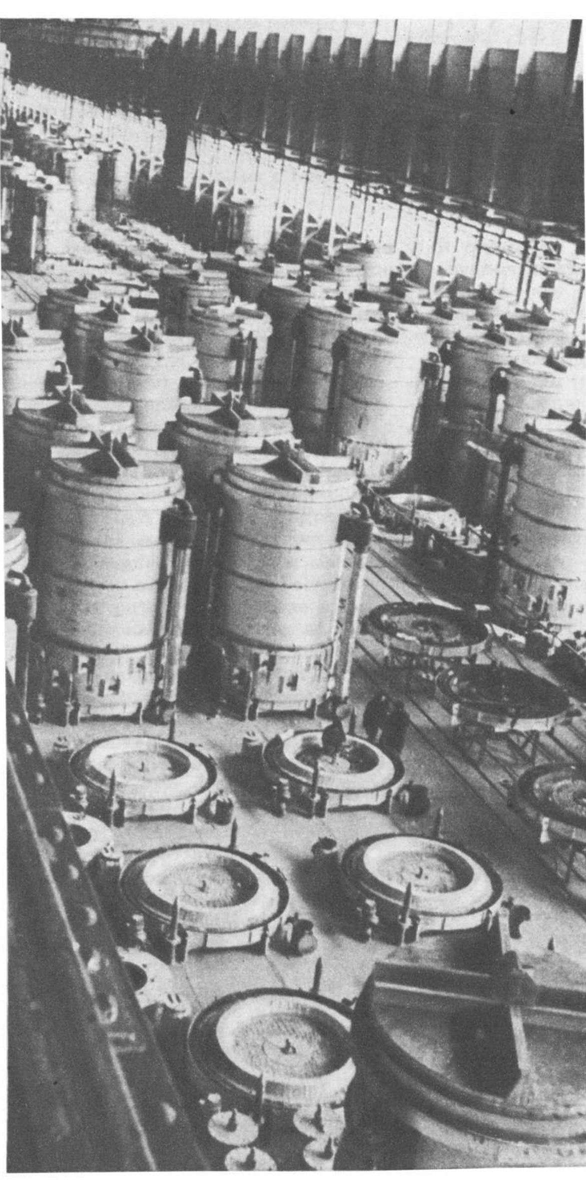

Силуэт Магнитки.

Директор комбината Андрей Дмитриевич Филатов принимает по селектору рапорт.

Стан «2500» холодной прокатки — термическое отделение накануне пуска.

Фото К. КАСПИЕВА.

Горновые Геннадий Иванов и Юрий Трунилов.

СЫН

Следующий адрес, первый мартеновский цех, тоже подсказал путеводитель. Правда, я вспомнила, что известен он был мне и раньше. Года три назад, когда я была на Череповецком заводе, мне показывали новенькую мартеновскую печь № 12. Она еще не работала, готовилась к первой плавке. «Двухванная,— объясняли мне,— пока есть только на Маг-

нитке». И вот сейчас начальник первого мартеновского должен был показать мне ту, которая «только на Магнитке» — № 29.

Солнце мигало сквозь клочья пара распахнутому настежь, в мороз, окну. Огромный, широкий в плечах молодой человек, что стоя разговаривал по телефону, щурился, и все его лицо, очень подвижное, с правильными крупными чертами, светилось. Но лучше всего была на этом лице улыбка, искренняя и располагающая, которой он встретил меня. А разговор у него шел не из легких.

— Опять напахал, Геннадий Елизарович. День какой-то тяжелый получается, задержки с чугуном...

На нем черная кепка, заляпанная куртка на «молнии», сапожищи на толстой подошве, как у мастерового. Так вот он какой, Носов-младший!

...У входа в заводоуправление — позолоченная мемориальная доска:

«Здесь работал
с 1939 по 1951 гг.
выдающийся
советский металлург
НОСОВ
Григорий Иванович».

Носов. Сын кузнеца, ученик слесаря Катав-Ивановского завода. Студент Томского политехнического института. Главный инженер Кузнецкого металлургического комбината. Директор Магнитки. В городском музее под стеклом хранятся его документы, личные вещи, подарки. На комбинате Носова помнят, чтут и уважают. Помнят как крупного сталеплавильщика, наделенного тонкой интуицией исследователя, чтут как волевого организатора и наставника молодых инженеров.

Прошли годы. В первом мартеновском цехе его сын Костя — Константин Григорьевич. Когда неожиданно в санатории скончался отец, Косте было всего тринадцать лет. Мальчик не задумывался над выбором профессии. Перед ним не стояла проблема: кем быть? Он чувствовал, знал, что обязан идти дорогой отца. После окончания Магнитогорского института пришел на завод. Начинал, как все: с низов, подручным сталевара. Совсем недавно его назначили начальником цеха. Вспомнился разговор Филатова с Носовым по телефону. Когда-то Григорий Иванович Носов вот так же натаскивал своих молодых командиров. Сегодня один из его преемников, Андрей Дмитриевич Филатов, по-отцовски строго и бескомпромиссно, так , что кости трещат, «обкатывает» и Константина и его сверстников. Спрашивает с молодых много, но и доверяет им.

Я стала расспрашивать Носова о цехе.

— Второй в Союзе по объему производства,— не без гордости говорил он.— Десять печей. Переходим на выпуск легированных сталей. Все они должны быть особой чистоты, без вредных примесей. Для этого предстоит освоить разлив стали через слой шлака из так называемых экзотермических смесей. Что это такое? Синтетические вещества, способные обволакивать нежелательные включения и уносить их с собой наверх, в шлак. А тут еще задумали поднять своды в нескольких печах. Приказом № 1 это не предусмотрено, придется пробивать в этом году. Пробьем,— упрямо повторил он.

...По цеху, изгибаясь, полз неоглядной величины состав с металлоломом. А навстречу ему двигался заливочный кран. Он подошел как раз к 29-й печи, к раскрывшемуся в ней окну, и аккуратненько подал ковш с жидким чугуном. В то время как вторая половина печи еще только загружалась, первая ее половина, вернее, первая ее ванна, готовилась к выпуску стали. Первая ванна, вторая... Сколько же их у нее? Всего две. И в этом своеобразие печи. Что собой представляет обычный мартен? Грубо говоря: рабочую камеру или ванну, в которой чугун и металлический лом переплавляются в сталь. А тут две камеры — две ванны, и выдают они сталь по очереди, непрерывно друг за дружкой. Кто-нибудь спросит: «Печь-то не резиновая, одну ванну разделили перегородкой надвое, значит, и «порции» металла она должна выпускать вроде бы поменьше». Так-то оно так, да вовсе и не так! Все дело в том, что колоссальное тепло, которое накопилось в первой ванне при выгорании углерода из чугуна, направляется во второй отсек, туда, где только происходит загрузка материалами. Дополнительно вдувается кислород. Процесс окисления идет очень интенсивно, быстро. Потом первый и второй отсеки меняются ролями. В этом и есть весь «фокус» печи № 29. А вот результат: печь № 29, до того как ее разделили надвое, давала в год 400 тысяч тонн стали, и это было ее пределом. В прошлом году сняли с нее 830 тысяч тонн. Но и это не потолок.

— В шестьдесят девятом надеемся на девятьсот тысяч.— Носов поднес к глазам синие очки.— Скоро выпуск. Раньше плавка была через десять-одиннадцать часов, теперь сталеварам приходится быстренько поворачиваться — через каждые два, два с половиной часа. Своеобразный стационарный конвертер! А сколько топлива экономится благодаря регенерации тепла! В обычной печи на одну тонну стали расходуется сто двадцать килограммов условного топлива. В этой — в четыре раза меньше. Вот вам и арифметика.

По чьей инициативе это сделано?

— Народу работало много, а предложение было Воронова, заместителя министра, тогда он был директором комбината, осуществлял Филатов.

ОГНЕВАЯ МАШИНА

Новое... На Магнитке оно кажется неохватным. В различных прокатных цехах мне показывали его буквально на каждом шагу. Но ничто не запечатлелось так, как огнезачистная, или огневая, машина. Вот только что из рабочей клети прокатного стана вырвался раскаленный до красноты сляб — массивная прямоугольная многотонная заготовка, которую можно превратить в стальной лист любой толщины. Сляб широк и неповоротлив, весь в царапинах и ссадинах, трещинах и заусенцах, «заработанных» в «схватке» с обжимными валками. Теперь его надо «причесать» и «пригладить». Или, говоря техническим языком, убрать все пороки, которые образовались на его поверхности. Очень часто это делается вручную, после того, как, «подстриженный» по концам, усмиренный и поостывший, он появляется в конце корпуса. Люди полулежа, в неудобных позах, пневматическими долотами удаляют пороки. Более усовершенствованный способ — газозачистка. Но и она производится вручную, медленно. Рабочие не справляются с заданиями. Листопрокатные цеха сидят на голодном пайке, ждут.

И вот — огневая машина... Поразили ее размеры — высота с одноэтажный дом. Маневренность — удивительно легко передвигается. Мощь — четырнадцать резаков одновременно зачищают поверхность только что прокатанного сляба со всех четырех сторон. Полная автоматизация. Из кабины оператора наверху (у пульта сидит всего один человек) сквозь синее стекло видно, как обрушиваются на сляб «ножи» кислорода и газа и молниеносно «чистят» его, на глубину до трех миллиметров. Сорок секунд гудит ослепительно белый смерч, и вот уже заготовка едет по рольгангам...

Родилась огневая здесь, на Магнитке. Опытный образец, созданный еще «при Антонове» — на комбинате не говорят в таком-то году, а «при Носове», «при Борисове», «при Воронове», «при Антонове»,— не удовлетворил. Тогда навалились на нее всем скопом, вместе с сотрудниками Челябинского института. Первой в коллективе соавторов стоит фамилия Алфеева. «Иван Иванович Алфеев у нас Кулибин не Кулибин, но самородок, бесспорно» — так отзываются о нем. Это он предложил идею главной, механической, части машины...

— Но если бы не Филатов,— добавляет Алфеев, — мы бы с ней возились до сих пор. Он был у нас тогда главным инженером. Каждый день приходил на стан, чтобы посмотреть, как идет монтаж, узнать, в чем задержка, какая нужна помощь. Опекал он ее, как собственное детище.

Я не прерывала Алфеева.

— Или вот эпизод: третья по счету машина на блюминг № 2 не ставилась, не проходила по размерам. Я пошел к Филатову на прием, доложил.— Это вспоминает уже второй соавтор, старший инженер А. В. Поварич.— Андрей Дмитриевич страшно рассердился: «Что же вы ко мне раньше не пришли?» Потребовал чертежи, сам проверил и изменил расчеты — ведь он прокатчик по образованию. Принял какое-то решение и назначил специальное совещание. Предложил изменить сечение проката и перестроить технологию других цехов. Оказалось, что даже при такой ломке выгодно ставить машину, что эффект она даст огромный, превзойдет все затраты. Словом, поступил точно так же, как и с первой машиной.

— А с первой было вот что,— рассказывал мне позже, уже в министерстве, главный инженер Главного управления металлургической промышленности Сергей Павлович Антонов.— Начальник обжимного цеха никак не пускал ее — и все. Бездействовала. Тогда Филатов приказал остановить блюминг. Представляете, что это такое? Это же график, план. Жестко? Может быть. Резко? Да! Но иного выхода не было. Начальнику цеха пришлось включить машину в поток, он сам очень скоро убедился в ее силе: в первый же год первая в СССР огневая сэкономила около двух миллионов рублей и освободила от тяжкого труда десятки вырубщиков.

Да, очерк о директоре у меня не сложился. Увели в сторону другие люди, увлекли проблемы, волнующие их. Но так уж получилось, что почти каждый из них вспоминал директора, невольно раскрывая черты его характера.

ЖИТЬ И ЖИТЬ!

Ветераны Магнитки помнят, как тогда было: широкая, синеватая на горизонте гора с мягкими, сглаженными очертаниями, трава по пояс и речка-слеза. Все точно так, как на той фотографии, которую как зеницу ока приказывал беречь и показывать потомкам Серго: незатейливый пейзаж, одинокий всадник на лошади по колено в ковыле.

Летом гору понемножку ковыряли, в Белорецк тащились подводы с рудой, а зимой — сани. Но все это не беспокоило гору, казалось, что она погружена в глубокий сон.

К тому времени, когда из Ленинграда приехал молодой горный инженер Василий Котов, рудник уже работал. А вскоре Котов стал начальником этого рудника и всего того, что связано с ним,— агломерационных фабрик, заводов, мастерских, словом, настоящим хозяином Магнитной горы.

С тех пор прошло тридцать лет. Изменился изъеденный карьерами профиль горы, стал неровным, с провалами. Мы на «котовской» дороге, плавным пандусом идущей наверх. И вот наконец стоим на краю грандиозной чаши с волнистыми краями, разверзшейся перед нами. Так выглядят, вероятно, кратеры потухших вулканов. Пустынны и молчаливы, как фараоновы гробницы, рыже-пепельные террасы, спускающиеся все ниже и ниже. Десять метров — терраса. По одной террасе в год. Там, в самом низу, на 340-метровой глубине, рукотворное плато. Ползут игрушечно-неправдоподобные электровозики с вагончиками, и где-нигде муравьями неслышно копошатся экскаваторы.

Герой Социалистического Труда Василий Никитович Котов показал нам в геологическом музее горного управления макет Магнитной. Гора эта, оказывается, не простая — шестиглавая. Шесть вершин было у нее, во главе с Атачем, отметка которого — 615,8 метра. Тут, на самой макушке Магнитной, пирамида. К ней почти вплотную подобрался карьер.

Когда-то, в бесконечно далекие от нас геологические эпохи, из глубин земли выдавливалась по трещинам магма. Руда разлилась, скатилась линзой по бокам горы и застыла. Справа, в верхнем горизонте западного склона, оказались самые богатые руды, мартитовые, с самым высоким содержанием железа.

— Но все это в прошлом. Смотрите, что осталось от горы.— Котов обвел неправильной формы угловатый контур, зеленым рваным листом, нахлобученный на Магнитную.— Тут нет ничего. Пусто! Запасы, исчислявшиеся без малого полумиллиардом тонн руды, исчерпаны. Одряхлела наша старушка, не прослужит нам и десяти лет.

Гора, родившая не мышь, а красавца великана и город под стать ему у подножия, умирала. Теперь уже сам великан тревожил, вызывал к жизни нетронутые недра. Так одно порождает другое, и это неизбежно, потому что сокровища Земли неисчерпаемы. Неиссякаема и энергия и талант людей, овладевших тайнами обновления самой Земли и всего того, что они воздвигли на ней — и городов и таких вот заводов, как Магнитка.

— Для нас руды хватит.— Василий Никитович подошел к образцам пород, доставленных с разных месторождений и разложенных по столам.— Есть еще кое-что в древних уральских горах. Я не говорю уже о Соколовке — нашей главной сырьевой базе. Громко голос подал и Качар. Это нам геологи просигналили.

Великану жить и жить!

Десятый источник

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ и Г. ХАМАШУРИДЗЕ.

В Южной Грузии, недалеко от местечка Бакуриани, есть горный перевал Цхра-Цкаро, что в переводе означает девять источников. Но мы хотим рассказать о десятом источнике. Он струится не из-под земли, а из космоса и незаметен невооруженным глазом.

На вершине горы стоит некое строение не самого изысканного архитектурного стиля (до того ли было!), в этом строении — огромный зал, в котором заключен уникальный тысячетонный электромагнит, и автоматическая установка типа электронно-счетных машин, которая управляет большими приборами; средних же и маленьких приборов не счесть.

Но главное — люди. Физики. Еще точнее — те, кто изучает космические лучи. Это Дэви Гарибашвили, Евгения Шерер, Юрий Громов, Омар Бердзенишвили, Лейла Чиковани, Этери Микадзе. Всех не перечесть. Старший над ними Давид Котляревский. Люди как люди. Но увы... мы, филологи и прочие гуманитарии, все меньше и меньше понимаем язык физиков.

Однако из разговоров с учеными мы что-то все же вынесли. Прежде всего, что это славные, умные и смелые молодые люди. Лежал глубокий снег вокруг — ни жилья, ни дорог. Почти зимовка с ноября по май.

Второе. Работа, в сущности, очень нудная. Наблюдай, оценивай, что делают приборы. Зато цели ослепительные. Познать, как устроен окружающий мир, из каких он сложен кирпичиков, пробиться в глубь атомного ядра, выяснить, какая же сила удерживает внутри него частицы. А что для этого нужно? Энергичное оружие. На Цхра-Цкаро — это элементы микромира, разгоняемые на больших скоростях, где-то там, во Вселенной, космические гонцы. Каждое появление такого гонца, каждый взрыв атомного ядра — Событие. Три года действия на горе — масса Событий. Их-то и сопоставляют ученые, над ними размышляют.

Выясняем также, что изучение космических лучей в Грузии ведет свое летосчисление с давних времен. «Обратитесь к ветеранам»,— сказали нам. И мы обратились к **директору ордена Трудового Красного Знамени Института физики действительному члену Академии наук ГрузССР Элевтеру Луарсабовичу Андроникашвили.**

— Начнем с того,— сказал он,— что я не ветеран изучения космических лучей: занимался физикой низких температур. Но, приехав из Москвы в Тбилиси в 1949 году с задачей заложить основы современных экспериментальных физических исследований в республике, я встретил здесь молодежь, буквально загипнотизированную физикой космических лучей. И мне пришлось вместе со своими сотрудниками, которые в ту пору знали о лучах больше, чем я, сесть за учебу и даже пройти в Москве практикум для того, чтобы разобраться в совершенно неведомых для меня явлениях. Но я не сожалею о таком длительном зигзаге в своей научной жизни потому, что с ним связано очень много впечатлений, сковавших нас с молодежью навсегда. И вот в продолжение уже долгих лет мы работаем бок о бок.

Мы спросили Элевтера Луарсабовича, где шла эта работа.

— Эльбрус. Теперь это почти научная гора. Тогда же там вела исследования только небольшая группа московских геофизиков и мы.

Для станции избрали высоту 3 950 метров над уровнем моря и собственными руками построили лабораторию, всего 50 квадратных метров. В одной части — небольшой магнит и приборы, в другой — общежитие с койками в три яруса.

Работать было трудно: высота. Два взмаха рукой — и вы чувствуете, что сердце отказывает. Взмах киркой — и никакого следа от ее удара на замерзшей земле. Лом отскакивал от вечной мерзлоты, как резиновый мяч. Помню, как однажды вместе с тремя научными сотрудниками мы поднялись машиной до отметки в три тысячи метров. Дальше дорога была покрыта глубоким снегом. Поворачивать руль? Ни за что! И мы семь километров расчищали руками путь, чтоб подняться на высоту еще в один километр.

Первая зимовка — монтаж. Вторая — начало исследовательских работ. Что же делают мои ученики, совсем юные ученые? Обнаруживают нейтральные частицы, нестабильные, распадающиеся на две заряженные частицы. Это были первые «странные» частицы, наблюденные советскими учеными.

— Работали в то время другие высокогорные космические станции в нашей стране?— спрашиваем мы.

— Да. Была уже сильная станция на Алагезе, действующая лет десять. Была памирская станция. Вообще физика космических лучей — довольно традиционная область для советских ученых.

Но вернемся к Эльбрусу. Одна из тех частиц, о которых я вам сообщил, ка-мезон, как оказалось, принадлежала к группе «странных» частиц, называемых так благодаря своему поведению, не укладывающемуся в рамки законов, известных в ту пору физикам. Впоследствии ка-мезону было суждено сыграть большую роль в жизни наших теоретиков. В частности, Сергей Матинян, ныне профессор нашего института и Тбилисского университета, провел теоретические исследования, которые легли в основу экспериментов, поставленных в СССР и в США. Что касается эльбрусцев, то, не ограничившись богатой статистикой «странных» частиц, зарегистрированных на станции и мастерски обработанных под руководством Нины Ройнишвили, наша молодежь совместно с дубнинскими физиками продолжила исследования на ускорителе в Дубне. Результаты исследований завоевали прочное признание физиков всех стран.

Постепенно на Эльбрусе нам становилось тесно. Первая наша камера Вильсона (это прибор, «ловящий» космические лучи) обладала объемом полтора литра. Потом мы построили у подножия Эльбруса вторую станцию и камеру емкостью четырнадцать литров. Для работы в Дубне сконструировали уже трехсотлитровую камеру, а сейчас на Цхра-Цкаро стоят две камеры по тысяче литров каждая.

— Но ведь были интересные результаты, полученные с помощью маленькой, почти игрушечной камеры, зачем понадобились большие?— спросите вы. Отвечу. Основную роль в физике высоких энергий играет сейчас большая статистика и большая точность, которая достигается большими приборами.

И все же не это главное. Главное, с моей точки зрения, заключается в том, что каждый серьезный экспериментатор должен стремиться создать свой метод исследования. Именно в этом направлении я ориентировал сотрудников. И вот Георгию Чиковани, Владимиру Ройнишвили и Владимиру Михайлову удалось открыть новый принцип детектирования частиц высоких энергий, который невообразимо проще, чем камера Вильсона. Для того, чтобы понять, как прост этот новый метод, получивший название «стримерная искровая камера», надо представить себе шесть стеклянных пластин, склеенных друг с другом в виде прямоугольной коробки, заполненной газообразным неоном. По существу, это и есть прибор, с помощью которого можно проникнуть в интимные тайны элементарных частиц, если только добавить, что вслед за прохождением частицы на камеру надо подать кратковременный высоковольтный импульс. Прибор во многих отношениях превосходит камеру Вильсона хотя бы потому, что след частицы, прошедшей через камеру, не искажается потоками газа. Кроме того, между срабатываниями она требует времени отдыха не больше десятой доли секунды. И это ее самое основное преимущество.

— Вы уже работаете с этой камерой на Цхра-Цкаро?

— Ее легче применять на ускорителях. И она уже установлена, в частности, на Стенфордском ускорителе в США и на Гамбургском ускорителе в ФРГ. А для Цхра-Цкаро эти камеры имеют принципиальное значение. С их помощью делается возможным развить исследования столкновений пи-мезонов, обладающих энергиями в сотни миллиардов электрон-вольт, с нуклонами и атомными ядрами. Мезоны таких энергий будут получены искусственно, то есть на ускорителях, еще очень не скоро.

Наши ученые работают не только в пределах Грузии. Несколько лет назад Георгий Евгеньевич Чиковани был приглашен в Женеву, в европейский центр ядерных исследований, где конструировал свою искровую камеру с автоматическим объемом информации. Там он включился в работу интернациональной группы физиков (французов, немцев, швейцарцев, итальянцев) и в короткое время стал ее душой и лидером. За полтора-два года работы этой группе удалось открыть четыре новые элементарные частицы, принадлежащие к типу тяжелых резонансов. Это очень крупный вклад в современную физику.

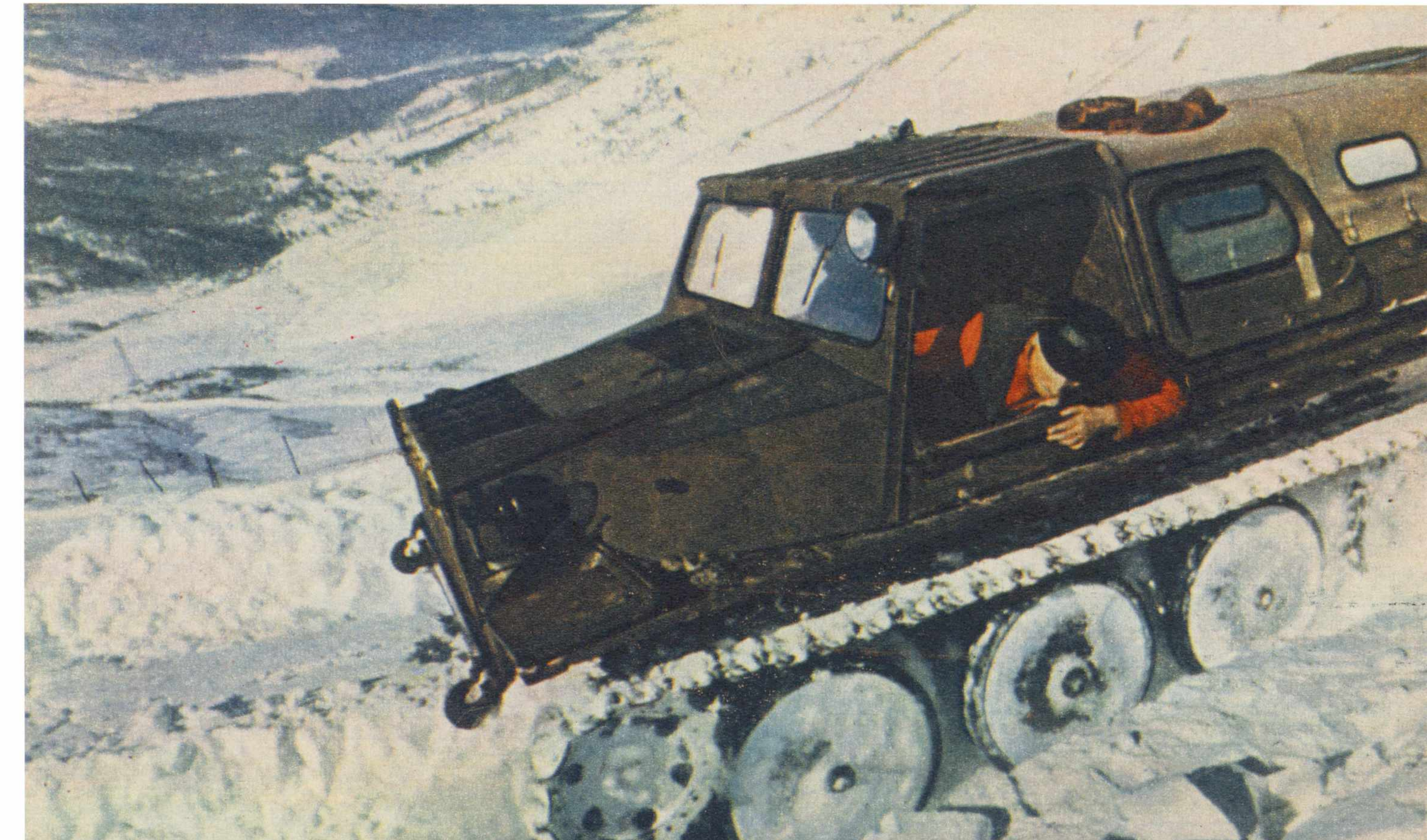
Учитывая огромный вклад Г. Е. Чиковани в науку, высшая аттестационная комиссия (ВАК) в виде исключения присудила ему степень доктора физико-математических наук посмертно.

Да, Георгия Евгеньевича Чиковани, выдающегося советского физика, не стало в прошлом году. Мы дали его имя нашей космической станции на Цхра-Цкаро. Недавно у нас состоялась конференция, посвященная его памяти. Старые товарищи и ученики Гоги — Нина Ройнишвили, Давид Котляревский и Владимир Ройнишвили — сделали доклады о его научной деятельности, обсудили результаты последних работ, проведенных на высокогорной станции, носящей теперь имя талантливого физика.

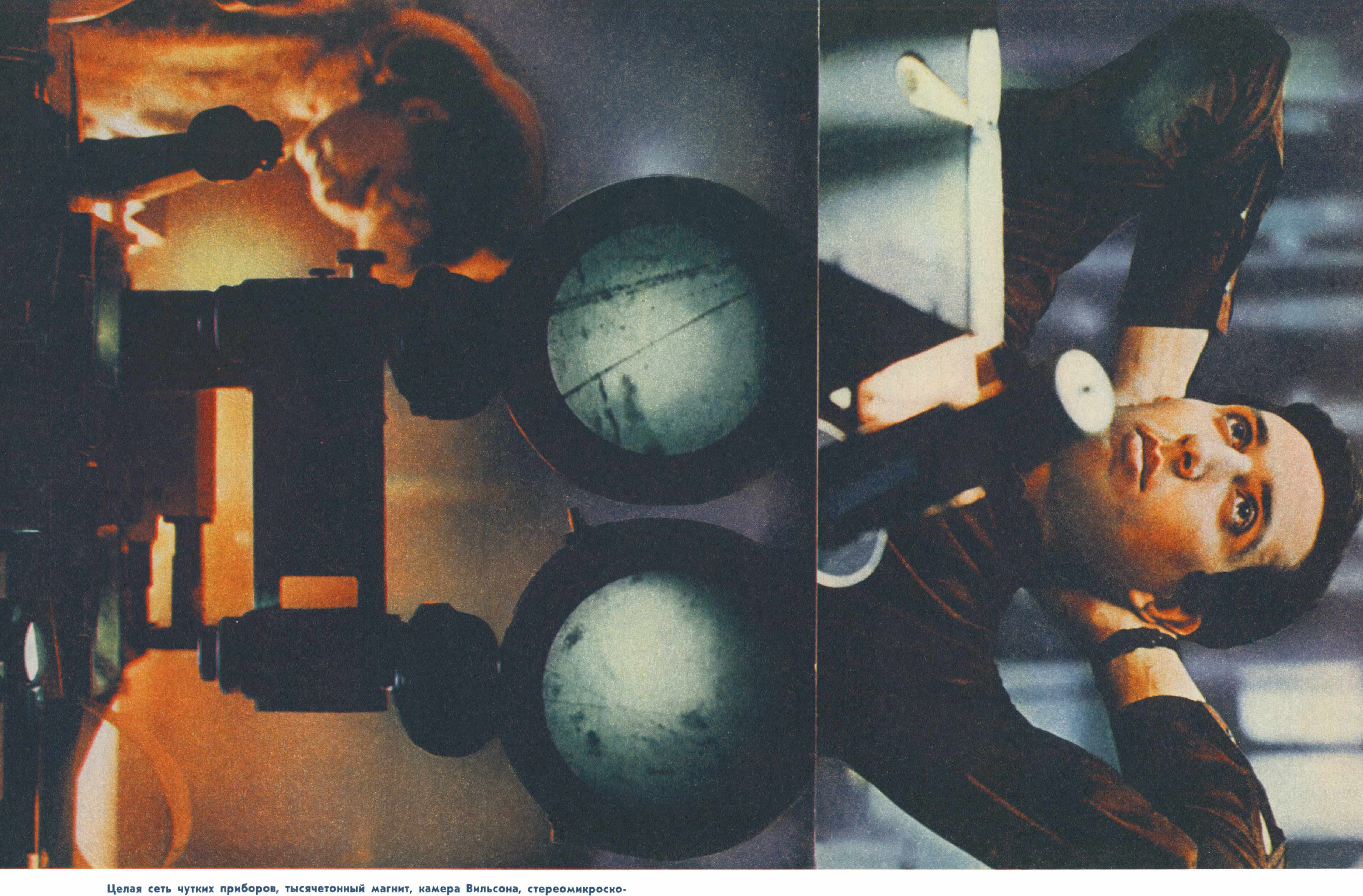
Изучение физики высоких энергий в Грузии сильно продвинулось за эти годы. А началось все на Эльбрусе, с маленькой горстки энтузиастов, готовых рисковать жизнью ради научного результата.

Нелегок путь на станцию наблюдения за космическими лучами Института физики Грузинской Академии наук. Она расположилась высоко в горах, на склоне Цхра-Цкаро...

Целая сеть чутких приборов, тысячетонный магнит, камера Вильсона, стереомикроскопы помогают ученым проследить пути и поведение космических ливней, изучить взаимодействие невидимых частиц, обрушивающихся из глубин Вселенной на нашу планету.

Тайны микромира исследует младший научный сотрудник Иосиф Манджавидзе.

Иван КЫЧАКОВ

НЕВСКИЙ ЛЕД

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

* * *

Форточка с треском распахнулась, и в светлом квадратике появилось худощавое, морщинистое лицо надзирателя.

— Ты чего шумишь, господин хороший? — спросил он, лениво шевеля губами.

— Я требую немедленно предоставить мне карандаш и бумагу.

Надзиратель хмыкнул.

— Ишь ты, а райских яблочков не желаешь?

За его спиной послышался смешок — смеялся, очевидно, сменщик.

— Ты не шуми,— нагло подмигивая, продолжал тюремщик.— Тут шумом не возьмешь. Тут по-тихому надо. А не то у нас карцер недалеко. Понял?

И, смачно зевнув, он захлопнул форточку.

Вскоре подали котелок с едой, ложку и кусок черного хлеба.

Есть не хотелось.

Внимательно осмотрел ложку, протер ее платком и осторожно попробовал зеленовато-коричневую жижу. Она была изрядно солона и пахла паленой картошкой и еще неизвестно чем. Только от хлеба шел добрый дух русской печки.

После завтрака по всему телу прокатилась какая-то непривычная тяжесть, и опять где-то под ложечкой появилась настороженная тупая боль. Захотелось прилечь. Но в коридоре послышалось сразу несколько голосов — звали на прогулку.

Ульянов оживился. Быстро накинул пальто, встал возле двери.

— Что ж, после такого шикарного завтрака моцион просто необходим!

Он стоял и терпеливо ждал.

В коридоре топали сапоги, звучали близкие и далекие голоса, и этот шум напомнил вокзальную суету в день приезда.

...Пробираясь тогда сквозь толпу, он искал глазами Надю и, наконец, увидел ее у самого входа в здание. Она бросилась к нему, толпа подхватила их и понесла.

— Наконец-то, наконец-то,— шептала она, стараясь держаться поближе.

— Ты похудела. Уж не больна ли?

— Я здорова, Володя... А ты... поправился и выглядишь великолепно... Как твои дела?

Освобождая стиснутую толпой руку, он улыбнулся:

— Отлично!

Толпа втянула их в само здание, и он оглядывался, где бы на секунду приостановиться.

— Около трех недель пробыл в Швейцарии.

— Ты видел Альпы?! Боже, как я завидую тебе!..

Эти слова она произнесла голосом восторженной девицы.

Он подхватил ее игру.

— Да-а, горы — это прекрасно,— произнес с достоинством и перешел на шепот: — Виделся и долго разговаривал с Плехановым. Он согласен издать сборник «Работник» с нашими статьями.

— Володя, это же замечательно! Я так рада!

Теперь в ее глазах светилась настоящая радость.

— В Париже говорил с Полем Лафаргом. В Берлине посещал рабочие собрания, виделся с Вильгельмом Либкнехтом...

— А Энгельс?

— Встретиться не удалось. Старик тяжело болен.

Только теперь она увидела в руке у него желтый чемодан, очевидно, очень тяжелый — так он оттягивал руку.

Подхватив ее вопросительный взгляд, он сказал важно, по-купечески:

— Едем, дорогая... Я многое хочу рассказать тебе! — И, надувая щеки, чтобы не рассмеяться, взял под руку.

В коридоре все затихло, а он все еще стоял у двери.

— Забыли меня, что ли?

На стук откликнулся голос надзирателя:

— Прогулка до первого допроса не разрешена.

— А бумага и карандаш?

Молчание.

Медленно стянул с плеча пальто, встряхнул и, сложив вдвое, положил на краешек кровати.

— Нет, так просто у них ничего не добьешься. Надо бороться... А сейчас... можно погулять и в камере.

И он начал ходить — пять шагов вперед и пять назад, все оживляя и оживляя в памяти сценки недалекого прошлого.

...В чемодане с двойным дном я привез нелегальную литературу. Ее тотчас пустили в дело. Потом... Надя, ты помнишь, что потом?

И она тотчас откликнулась:

— Ты ездил в Вильно, в Москву и Орехово-Зуево.

— А зачем?

— Но ты же знаешь...

— Да, я-то знаю — устанавливать связи с местными группами. Но знает ли об этом следователь? И потом... мы все время говорим не о главном.

— А что же главное?

— В середине ноября я послал письма Аксельроду в Цюрих.

— О чем ты писал?

— О связи с типографией, о газете, раскрывал наши секреты — писать, мол, надо китайской тушью, лучше, если прибавить маленький кристаллик хромпика. Бумагу брать потоньше. А чтобы вклеивать статьи в картон, необходимо употреблять жидкий клейстер... Боже, какой болтун!

— Нет, нет,— перебила Надя,— они не могли расшифровать это. Давай начнем все сначала... Итак...

— У кого из наших хранились статьи первого номера?

— Оригиналы у меня. А копии переписал Запорожец.

— Правильно. Но где они, эти копии?

— Ванеев должен был передать в типографию.

Мысль оборвала тревога: неужели Запорожец арестован? Эксперты сразу установят его почерк, и тогда... тогда следователь может принять его за автора статей. Ах, как скверно, как все скверно!..

Он стукнул кулаком о кулак: опять сбился с главного.

— Ну, а о том, самом-самом счастливом нашем дне ты помнишь?

— Ты говоришь о собрании? Разве можно забыть его! Тогда все поняли, что мы действительно зачаток партии, еще несколько усилий — и можно созывать съезд...

— Да, съезд, но как он теперь далеко от нас!

...Ульянов пришел одним из первых, сел в уголке (это было на квартире у Радченко) и начал просматривать в блокноте свои записи.

Потом нагрянула неразлучная «троица» — Глеб, Невзорова и Крупская. И сразу в комнате стало тесно и шумно. Перебивая друг друга, они рассказывали, что были на Семянниковском, у крановщиков, что народ кипит, мастеровые требуют «расценок так составить, чтоб заработок вниз не шел, убрать штрафы, рабочий день установить с семи утра до семи вечера, а в субботу шабашить в два часа».

— Надо начинать стачку! — воскликнула Крупская и, взглянув на Старика, осеклась. Он смотрел на нее пристально и сердито.

— Володя, о чем ты думаешь?

Он не ответил, молча начал разворачивать план Петербурга. Все склонились над столом.

— Руководить стачкой, думаю, поручим Глебу,— тихо сказал Ульянов.

— И мне! — отозвалась Невзорова.

— Нет, вам хватит и фабрики Торнтона. А вот Миноге...— Он выпрямился и обвел всех суровым взглядом.— Товарищи, предлагаю Крупской объявить строжайший выговор.

Продолжение. См. «Огонек» № 16.

— За что? — послышались голоса.

А он смотрел ей прямо в глаза.

— Кто вам разрешил появляться у семянниковцев?

Она растерянно взглянула на Невзорову, потом на Глеба и склонила голову.

— Никто... Но я... я не могу сидеть без дела.

Ульянов резко взмахнул рукой, словно хотел сказать: «Хватит!» — и отвернулся. Все выжидательно молчали. А когда он вновь поднял лицо, в глазах стояла такая боль, что всем стало неловко. У Запорожца даже в горле запершило.

— Без строжайшей конспирации мы не сможем существовать,— сказал он тихо. И еще тише добавил: — Разве не ясно?

А товарищи все подходили — пришли Бабушкин, Сильвин и еще несколько рабочих. Пришел запыхавшийся, поминутно кашляющий Ванеев (он только что отболел плевритом) и сообщил, что связь с типографией налажена и что на днях материалы первого номера «Рабочего дела» будут сданы в набор.

Девушки закричали: «Ура!» — а Ванеев, улыбнувшись во все лицо, смешливо цыкнул на них.

Начали обсуждать список членов центральной группы. Голосовали за каждого в отдельности. Слово взял Старик и, то и дело обращаясь к плану города, говорил о районных группах.

— Каждый завод, каждая фабрика,— говорил он,— должны стать нашей крепостью. Ванеев, Сильвин и Невзорова входят в первую районную группу и охватывают своим руководством Петербургскую сторону, Васильевский остров и Выборгскую сторону с Охтой. Район большой, и особенно тесно надо связаться с Балтийским и Металлическим заводами.

Кто-то подсказал:

— И с текстильными фабриками.

— Правильно. Глебу — Невская застава и Колпино. Там есть где развернуться. Ивану Васильевичу (кивок в сторону Бабушкина)... семянниковцы и обуховцы. Вам, Гуцул,— район по Обводному каналу, за Московской и Нарвской заставами. Главные силы собрать на Путиловском. Вы работали там кузнецом. Вам, как говорится, и молот в руки...

Решили: районные группы раз в неделю будут отчитываться о проделанной работе. Специально выделенный кружковец будет ответствен за связь с группой и за распространение листовок.

— А кого мы пошлем для связи с Москвой, Киевом и другими городами? — спросил Глеб.

— Вопрос очень важный. Раньше...— Ульянов повернулся в сторону Крупской,— раньше мы намечали Миногу...

— Почему «раньше», а сейчас?

Не отвечая на реплику, Ульянов продолжал:

...— Кроме того, мы хотели назначить ее «наследницей» — хранить явки, адреса. А теперь...

Он обвел всех вопрошающим взглядом.

Зина потупилась и покраснела: это она предложила Наде пойти на завод, и та, ничуть не раздумывая, согласилась. Глеб нервно постукивал каблуком о ножку стула: ему и жалко было Миногу, и в то же время он не мог заступиться, иначе... И тогда опять заговорил Ульянов:

— Теперь тебе ясно, Надя, почему тебе нельзя появляться на заводах?

Крупская кивнула головой.

— Да.— И, поворачиваясь в сторону Бабушкина, добавила: — Товарищи, извините.

Она сказала это тихо, и всем не на шутку стало жаль ее. А Ульянов заговорил с жаром, обращаясь уже ко всем:

— Конспирация! Это единственная наша защита. Всякие прогулки парами прекратить.

Он посмотрел сначала на Зину, потом на Глеба.

— В гости друг к другу не шляться.— Зина попыталась засмеяться, но он перебил ее: — Друзья, здесь нет ничего смешного. Каждый из нас должен знать, как вести себя на допросах... на случай провала.

И тогда Запорожец не выдержал.

— Хлопцы! — воскликнул он.— Старик прав. Только... не надо сегодня об этом.

Он взял со стола план, поднял его над головой обеими руками.

— Гляньте, хлопцы, це ж у нас така громада, почище Запорожской сечи! Глеб, играй!

И Глеб заиграл...

Ульянов улыбнулся своим воспоминаниям.

— Да, уж что-что, а играть на гитаре Глеб умеет да и петь большой охотник. Впрочем, тогда пели все...

Он хотел подойти к окну и остановился.

— Михайлов! Да, да, я знаю, кто нас выдал. Это Михайлов. Ник. Ник. Зубной врач. Этакий милый человек с приятными манерами.

Надо немедленно сообщить товарищам: я обвиняю Михайлова в предательстве. Мои показания будут выглядеть так...

...До собрания я побывал у Бабушкина: хотелось поговорить о делах на заводе. В уголке, за перегородкой, домашняя мастерская. Я надел фартук и встал к тискам. Бабушкин, то и дело подшучивая, следил за моей работой. Все ругал мои руки: нет мозолей, а мозоли для рабочего — защита. И еще громко смеялся над моими словами: «Если бы я не был интеллигентом, я хотел бы стать рабочим».

И тут вошла хозяйка квартиры и сказала, что идет чужой.

Бабушкин, быстро кивнув, вышел.

Из-за перегородки слышались голоса.

— Михайлов?

— Иван Васильевич, здравствуйте. Наконец-то!

— Кого вы ищете?

— Слушайте, так нельзя в конце концов,— недовольным тоном заговорил Михайлов.— Эта конспирация, этот чрезмерный централизм... Я четыре часа торчал на улице.

— А хвост оставили у ворот?

Михайлов заторопился:

— Не беспокойтесь. Я был очень осторожен.

— Так кто вам нужен? — сухо спросил Бабушкин.

— Нашей группе известно, что вы готовите статьи для сборника, который выйдет за границей. Так?

— Возможно...
— Мы хотели бы принять участие. Нам известно, что делом руководит Старик. Как нам с ним связаться?
И тут Бабушкин сделался совершенно непонятливым.
— Старик? — переспросил он. — Ах, это, значит, Старик? Какой Старик?
Я чуть не прыснул от смеха, а Михайлов, очевидно, поморщился.
— Но вы же знаете! Недаром же ваша группа именует себя группой «стариков».
Бабушкин пошел в решительное наступление:
— Вот что, Михайлов, вы напрасно ищете здесь какого-то Старика. И потом, где деньги, которые вы собирали на фабрике Воронина?
Михайлов, очевидно, не ожидал такого вопроса и замялся.
— Я внес их в кассу.
Последовала длинная пауза.
— Вот расписка.
Долетел шорох бумаги.
Бабушкин, очевидно, вертел бумажку в руках и бормотал что-то, вроде «Да, с опозданием, с опозданием... почти на три месяца».
— Не понимаю, зачем вам понадобился какой-то Старик.
— Я выполняю поручение группы. Вы не доверяете мне?
Бабушкин засмеялся как-то неестественно громко и проговорил скороговоркой:
— Верю, верю каждому зверю. Но Старика, извините, у нас нет.
Наступила пауза.
Михайлов, очевидно, задумался.
— Да, — протянул он многозначительно, — теперь я понимаю, отчего так недовольны «молодые». Эта нелепая диктатура вождей, эта конспирация...
— Она вам мешает?
— Если хотите — да. Как же мы будем обслуживать рабочее движение, если даже кружки нам неизвестны?
Бабушкин усмехнулся:
— Обслуживать? Хорошее словечко!
Михайлова больно уколола эта усмешка.
— Дело в конце концов не в словах, — заговорил он торопливо и зло. — Впрочем, вижу, что с вами говорить бесполезно. Но поймите меня как человека. Наша группа бездействует. Силы тратятся впустую. А все наши попытки добиться доступа к кружкам, к вашему загадочному Старику проваливаются. Отчего такое недоверие? Почему?
Он явно ждал, что Бабушкин подобреет, переменит тон. Но тот не отступил ни на йоту.
— Никакого Старика я не знаю, — довольно резко сказал он. — Мы все Старики. А вас мы признаем тогда, когда убедимся, что вы не на словах, а на деле разделяете наши взгляды.
Михайлову ничего не оставалось, как пойти к двери. Но и тут он задержался.
— Да, чуть не забыл. Нам нужно отправить в Киев кое-какую литературу. Нет ли у вас чемодана?
Это было что-то новое. И я и Бабушкин насторожились.
— Чемодана? — переспросил Бабушкин. — Нет, чемоданами не торгуем.
— Я говорю о чемодане, который Ульянов привез из-за границы.
Как он мог узнать о чемодане? Черт побери, в таможне чиновник что-то уж слишком ласково постукивал по его стенкам. Неужели они намеренно пропустили чемодан, чтобы поймать меня на крючок?
А Бабушкин продолжал свою игру.
— Ульянов? — удивленно спросил он. — Какой такой Ульянов?
— Да вы его хорошо знаете. Ну тот, помощник присяжного поверенного...
— Нет, не знаю, — перебил Бабушкин и хохотнул: — А он что, открыл торговлю чемоданами?
— Иван Васильевич, — с укором протянул Михайлов, — вы смеетесь. Как это ужасно! Ну зачем вы прикидываетесь простачком? Конечно, мы и сами можем раздобыть чемодан и приспособить его. Но к чему лишние расходы? Даром терять время и силы... Понимаете?

Бабушкин, кажется, устал от этой игры и спешил закончить ее, а для этого надо было успокоить Михайлова.
— Понимаю, понимаю, — проникновенно ответил он, но эта проникновенность подхлестнула Михайлова.
— Я так искал встречи! — продолжал он с новой силой. — У нас столько замыслов! Вот, например, нам крайне необходимо отпечатать прокламацию. Вы связаны с типографией. Помогите нам.
— Слушай, милый, ей-богу, я ни при чем, — взмолился Бабушкин, даже руки, вероятно, приложил к груди. — Какой дурак дал тебе этот адрес? Мы же, ей-богу, ничего не знаем. Придется тебе искать в другом месте.
Михайлов молчал.
— Вы говорите искренне. Спасибо. — Он, наверное, протянул руку, и Бабушкин лениво пожал ее. — Что ж, придется, черт возьми, искать другие каналы. Вы правы. До встречи.
Когда Бабушкин вернулся, мы посмотрели друг другу в глаза и ничего не сказали. Все было ясно без слов: Михайлов — провокатор...
Итак, обо всем этом надо сообщить друзьям. И еще... Надя. Она может подтвердить эти догадки. Ведь тогда, после совещания, когда шли по набережной Невы вдвоем, тоже говорили о Михайлове.
Остановились у парапета.
С реки доносился шум ледостава.
— А кто говорил, чтобы не ходить парами? — Надя тихонько засмеялась.
Ульянов начал рассказывать, что был сегодня у них в доме и принес подарок.
— Цветы? — спросила она.
Цветов в такое время года достать трудно. Нет, это был столик, маленький круглый столик. Нижняя точеная пуговка единственной ножки отвинчивается, и в углубление можно вложить порядочный сверток.
— Понимаю, — разочарованно протянула Надя, — забота о «наследнице» и «наследстве»...
И вдруг она показала в туманную даль — там чернела Петропавловская крепость.
— Вглядись и... чуть прикрой глаза.
— Прикрыл.
— Правда, ведь, она похожа на огромного паука... Он шевелит мохнатыми лапами, а его тонкие липкие нити тянутся ко мне.
— Ты боишься?
— В детстве я боялась темноты. Мать говорила: иди смелей, не бойся, не оглядывайся, помни, я всегда с тобой. И я шла... И теперь также. Я иду и знаю: я не одна. Теперь у нас есть «Союз», будет своя газета.
— Будет партия.
Ульянов сказал это тихо, а она подхватила:
— Будет! Как радостно слышать — партия...
И, восторженная, она начала говорить, что устав должен звучать, как клятва, что главный девиз — один за всех, все за одного и что каждый должен быть готов на всякую жертву ради общего дела...
Взглянув на Владимира, она замолчала.
— О чем ты думаешь?
— Паук... Кажется, сегодня он протянул к нам лапу... Надя, как ты думаешь, не наделал ли я глупостей? Был ли я достаточно осторожен?
Она даже отступила на полшага.
— Володя, ты пугаешь меня. Ты что-нибудь узнал? Почему ты молчишь? Нет-нет, не думай о плохом. Мы очень осторожны. Помнишь, мы не приняли группу Михайлова...
«Опять Михайлов!» — Ульянов насторожился.
— И правильно сделали, — продолжала Надя. — Его проверили, и оказалось...
— Что?
— Негодяй. В Харькове украл у старухи матери деньги и бежал.
— Дальше...
— Здесь втерся в доверие к «молодым», растратил деньги...
Ульянов резко перебил ее:
— Он погасил растрату.
— Каким образом?

Скрывать свои подозрения от Нади? Зачем?
— Так вот... — Он повернулся, не зная, как начать. — К Бабушкину неожиданно явился этот самый Михайлов. Спрашивал о чемодане, типографии и искал Старика.
— Неужели? — прошептала Надя. — Значит, он... я даже боюсь произнести это слово...
Она повернулась в сторону крепости, и как-то само собой у нее вырвались слова, похожие на вздох:
— Проклятый паук. Кажется, я чувствую у себя на лице его липкую паутину...
От этого вздоха у него что-то дрогнуло в груди.
«А что, если я сделаю предложение именно сейчас? Да, да, вот сию минуту. Немедленно!» — мелькнула давно выношенная

мысль, но Надя вдруг повернулась к нему, глаза их встретились, и он сказал негромко:

— Лед... невский лед. Сколько крови он видел на своем веку. Но мы растопим его, растопим!

* * *

Утром надзиратель приказал:

— Одевайся.

Сердце тревожно заколотилось.

Спросил как можно равнодушнее:

— На допрос?

Надзиратель (это был тот, худощавый, весь в морщинах) вдруг разозлился и закричал фальцетом:

— Не разговаривать! Еще спрашивает, сссс...!

Но он не успел просипеть последнее слово. Ульянов резко дернул его за плечо.

— Вот что, милейший. Если вы будете так вести себя, я никуда не пойду. Это во-первых. А во-вторых, я немедленно подам протест на имя прокурора.

Худощавый опешил.

— Измываются тут всякие...— пробормотал он, не зная, как вести себя. Прямой взгляд заключенного жег его. И чтобы както спастись от этого взгляда, он снова закричал раздраженно: — Ну, чего пристал? Чего? Куда надо, туда и поведу... Надевай пальто!

И они пошли — Ульянов впереди, надзиратель сзади, то и дело бормоча:

— Ишь, барин какой нашелся... Прокурора ему подавай! Видали мы таких...

Ульянову почему-то стало жаль этого желчного, задерганного человека. Окладишко мизерный, трое ребятишек — никак не меньше. В получку нещадно пьет. Тюремную свою работу ненавидит. Вот сейчас идет сзади и думает: «Ишь, барин... одно пальто, небось, рублей тридцать стоит. А тут всю жизнь в шинелишке проходил...»

Поднимаясь по лестнице, Ульянов чуть задержался — надзиратель шел тяжело, дышал надрывно, с хрипотой.

— У вас одышка... Зачем же так гнать себя? Пойдемте тише.

Надзиратель остановился, приставляя занесенную ногу.

Его удивили не слова, а их тон — в нем слышались какие-то совсем незнакомые нотки.

— А ведь вы совсем не злой. Просто вам живется несладко. Так?

— А тебе сладко? — Надзиратель сделал движение рукой — не то хотел толкнуть заключенного, не то заслониться — и, оглянувшись, добавил уже без злобы: — Иди, барин... Нечего нам разговаривать.

Он привел Ульянова в кабинет фотографа, маленького интеллигентного вида старичка в пенсне со шнурком.

— Причешитесь, молодой человек,— сказал тот, кивнув на зеркало, висевшее на стене.— Нет, нет, пальто снимать не надо.

Ульянов взглянул на свое отражение с любопытством и сочувствием... Да-с, тюрьма не красит... Бледен. Под глазами темные круги, как у драматического актера. Лысинка стала чуть больше... Концы усов слились с бородой, окаймляющей скулы до самых ушей.

Расческой, болтающейся на веревочке у зеркала, пользоваться не стал. Приглаживая волосы ладонью, вполголоса вспомнил Некрасова:

— «Пятерней чешу волосыньки...»

Старичок тут же откликнулся:

— «Урожая дожидаюся с непосеянной полосыньки...» — и начал важно проделывать свои таинственные манипуляции (снимал он в анфас и в профиль). Потом ушел за перегородку, долго шелестел там чем-то, и наконец послышался его глуховатый голос:

— Сожалею, но номер у вас несчастливый.

— Какой же?

— Тринадцать.

— Только тринадцать?

Старичок вышел, снял пенсне и внимательно посмотрел на собеседника.

— Нет, почему же...— медленно проговорил он,— семь тысяч пятьсот тринадцать. Да-с... Это за последние четыре месяца.— И, повернувшись к надзирателю, но не глядя на него, бросил:

— Вы свободны...

Ульянову не хотелось уходить, и он, стараясь опередить надзирателя, спросил, шутливо подмигивая:

— А на память... нельзя?

— Не полагается.

— Вы же будете делать много отпечатков...

— Да, немало,— согласился старичок, водружая очки на место.— Если будете следовать туда...— Он махнул рукой в неопределенном направлении,— мое произведение разошлют по всему пути, по всем жандармским управлениям.

— Для моей, так сказать, безопасности?

— Совершенно верно. Так что желаю счастливой дороги...

...Да, все трудятся, добывая хлеб насущный, думал Ульянов, возвращаясь в камеру. Один сторожит, другой фотографирует, а следователь... Ну, у того сейчас работы хоть отбавляй... И в этом повинны мы сами. Еще в апреле на совещании в Царском Селе я предлагал перестроить организацию, чтобы она была менее уязвима для полицейских преследований. Все наша беспечность — забегались, закрутились, так все и осталось... Михайлов — провокатор, это ясно, и от возмездия он не уйдет. Но мы-то, мы! Где же мы были, слепцы?!

Перед обедом в камеру вошел в сопровождении двух надзирателей жандармский офицер.

— Новенький? —быстро спросил он, окидывая Ульянова взглядом с головы до ног.— Ну-с, полагаю, что обыскивать у вас еще нечего?!

Офицер был молод, строен и явно гордился своей отличной выправкой.

— Обыск? — удивился Ульянов.— Даже здесь, в камере, обыск?

Офицер улыбнулся, показывая ровные белые зубы,— искреннее удивление заключенного забавляло его.

— Да, по месту вашего теперешнего присутствия...— сказал он, выделив последние слова.— Если мне не изменяет память, мы с вами, кажется, встречались.

— Где же?

— В Дворянском собрании. На балу у студентов-технологов. Помните, какой отличный концерт дали эти молодцы-кавказцы?

Ульянов помнил и бал и концерт, но офицера...

— Очевидно, вы были тогда в штатском? — спросил он после некоторого замешательства. Офицер сразу как-то по-петушиному нахохлился.

— Нет, я люблю свою форму и горжусь ею.

Он хотел сказать: «Честь имею!» — но Ульянов опередил его.

— Я не знаю,— быстро заговорил он,— имею ли я право задавать вам вопросы, но обстоятельства сложились так...

Он нарочно сделал паузу, ожидая, что офицер непременно вставит словечко. И он не ошибся.

— Не в вашу пользу...— сказал офицер и слегка улыбнулся.

— Вот именно,— подхватил Ульянов, разводя руками,— не в мою... Да что поделать! Всякое бывает в жизни...

— О чем же вы просите?

— Видите ли, мне необходимы бумага и карандаш. Я полагаю, что заключенным разрешено иметь подобное «оружие»?

— Да... мы не запрещаем.

— Тогда, будьте добры, распорядитесь... Я столько придумал дельного. А писать не на чем. Хоть на стене пиши!

Офицер смотрел на заключенного с неподдельным любопытством.

— Вы поэт?

— К сожалению, нет. Скромный экономист... Но держать в голове цифры... Согласитесь, это тяжко. Увы, это не ямбы.

Ульянов ждал, какое же решение примет этот самовлюбленный молоденький офицер. А тот долго раздумывать не стал.

— Хорошо, я распоряжусь...— сказал он отрывисто.— Литературные занятия заключенным разрешены.— И тут же начальническим тоном добавил: — Лишние вещи в камере не держать — сдавать в цейхгауз.

— А книги?

Этот вопрос Ульянов задал так, между прочим, как бы мимоходом.

— Получите только после просмотра прокурором Судебной палаты.

— Ограничений в числе пропускаемых книг нет?

— В числе — нет.

— И книги можно возвращать обратно?

— Конечно! Не ставить же их в цейхгауз.

Теперь все, все было ясно...

«Милый, милый офицерик, а тебе действительно идет эта шикарная форма. В ней ты неотразим и можешь смело бросаться на штурм любого девичьего сердца...»

— Спасибо,— сказал Ульянов, провожая офицера улыбкой.

...Итак, к черту хандру и безделье! Работать! Вставать с первым заводским гудком. Короткая зарядка — и к столу... Перечитать Шелгунова, основательно заняться Туган-Барановским, у него, ничего не скажешь, исследование солидное... Перечитать второй том «Капитала»...

И начать книгу, наконец-то книгу!

Но не рано ли?

Нет, пора. Самая пора. По призванию — журналист. Еще в Самаре, прочтя книгу Постникова, загорелся, написал реферат по поводу «рынков» и статью о новых хозяйственных движениях в крестьянской жизни. И даже имел наивность послать ее в либеральный журнальчик. Конечно, отказали. А во втором номере либеральный критик-пошляк, разбирая книгу Постникова, изуродовал прекрасный материал и замазал все факты фразерством.

О, это либеральное фразерство! Над ним

Микола ШАПОВАЛ

ДОЖДЬ

Кто-то долго бредет под дождем.
Где-то дождь.
Птицелет.
Листопад.
Кто-то долго в упорстве своем
Сквозь туманы идет наугад...
Кто же ты, мой скиталец ночной,
В дальних дебрях глухой тишины?
Мы когда-то бродили с тобой
По размытым дорогам войны.
Мы когда-то бродили вдвоем,
Подружившись в жестокой беде,
И под желтым осенним дождем
О весеннем мечтали дожде.
Кто же нынче в сплетенье дорог
Через кочки по лужам идет?
Кто тепло в своем сердце сберег,
И кому он его принесет?
Этот «кто-то», быть может, я сам.
Это я под дождями бреду.
Я тепло свое людям отдам
И любовь свою в людях найду.

Перевел с украинского Леонид Вышеславский.

смеялся всегда, но тут стал люто ненавидеть. Люто.

Потом в сборнике, отпечатанном в типографии Сойкина, опубликовал статью. Кое-кто удивился и даже поругивал: мол, сдружился с легальными — со Струве и Скворцовым. Но рядом-то стояла статья Плеханова. Это во-первых. А во-вторых, в статье скрестил шпаги с самим Струве.

Сборник конфисковали, уцелела только какая-то сотня экземпляров, но отзывы были неплохие. Скляренко, например, писал, что «статья Тулина объехала несколько городов», и даже (тут Ульянов в душе усмехнулся) назвал ее «прекрасной».

Потом работа о «друзьях народа», о «наследстве», так что кое-какой багаж есть, опыта, правда, не так много, но все же...

Но о чем книга?

О, это давнишняя мечта! Маркс переведен на русский еще в 72-м. Но знают его крайне мало, потому и туману в головах столько!

Так вот, в книге и надо перевести Маркса на язык русских фактов, доказать логично, неопровержимо, с цифрами в руках, что капитализм в России — реальность. Такая вещь нужна думающей, ищущей молодежи, необходима для нелегальных кружков, да и кое-кто из «легальных» авось призадумается.

Он прошелся из угла в угол, остановился.

А как же «Союз»? Уйти с головой в теорию, а как же практика?

Ах, если бы знать, на свободе ли Надя. Тогда можно было бы и отсюда помогать «Союзу». Написал бы листовку, брошюру о стачках (материала накоплено предостаточно) и, главное, проект программы...

Усмехнулся...

Не надо, не надо зарываться...

Для работы потребуются книги, много книг, груды, горы книг.

Где их брать?

В библиотеке Вольного Экономического Общества — это раз. В Академии наук — два. Потом... большую помощь в этом могут оказать приятели — Потресов, например, и другие.

А как доставлять книги?..

Офицер сказал, что их просматривает прокурор Судебной палаты. Его канцелярия находится, как помнится, в верхнем этаже здания суда на Литейном... Да-а, не ближний свет! И тут ведь не то, что принести пару-другую книжек: необходимо периодически, в течение продолжительного времени собирать их из библиотек, приносить и относить...

А что, если подыскать какого-нибудь швейцара, или дворника, или посыльного, или мальчишку на худой конец, которому я смог бы платить, и он ходил бы за книгами?..

«Скоро сказка сказывается»... Скоро... Да, затея эта не так-то легко осуществима. И план мой может оказаться химерой... Ничего, надо посоветоваться с друзьями и подождать ответа.

И уже вечером набросал черновик письма Чеботаревой (ее муж — близкий знакомый семьи Ульяновых).

«У меня есть план, который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее.

Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал, предполагая издать свою работу отдельной книгой...»

Письмо получилось длинным — ведь в нем он излагал фактически план своей будущей книги, разделенный на две части, и, полный неуверенности и сомнений, приписал: «Может быть, Вы сочтете небесполезным передать это письмо кому-нибудь, посоветоваться...»

Тут он надолго задумался.

Поймет ли она, кому именно надо передать письмо?

Конечно, поймет...

На отдельных листочках начал выписывать список необходимых книг. А их оказалось ужасно много — тут и земские издания (тверские, нижегородские, саратовские) — мелкие монографии и книги, которые можно достать только через знакомых статистиков; и правительственные издания — труды комиссий, отчеты и протоколы различных промышленных съездов.

Заглавия приходилось цитировать по памяти, и там, где сомневался в точности, ставил знак вопроса. Именно эти знаки натолкнули на мысль: а ведь можно запросить о друзьях!

Клички у Ванеева и Сильвина — «Минин» и «Пожарский». Герои «смутного времени»... Ага, нашел!

И он тут же приписал: «Есть ли в библиотеке (жирно подчеркнул) книга Костомарова «Герои смутного времени»?

А мысль уже бежала дальше...

Кржижановский — «Суслик», Надя — «Минога». Значит... надо запросить: «Уцелела ли книга Брема «О мелких грызунах» и «О рыбе»?

Довольный собой, он долго весело смеялся, так что обеспокоенный надзиратель дважды поднимал кружок глазка.

...Спал он в эту ночь отлично. Во сне видел главы будущей своей книги.

Продолжение следует.

ГОДЫ ИДУТ

Знаю: не все обошел я дороги,
Хоть натрудились усталые ноги.
Я не дослушал напев тополиный,
Шелест колосьев в родимых
долинах.
Я не напился воды у криницы,
Не надивился мерцанью зарницы.
А годы идут...
Птиц не созвал после злой
непогоды,
Не нагрустился я в хмурые годы.
Не наболелись давнишние раны,
Не натревожилось сердце, что
вянет.
Не накупался я в яростном лете.
Просто:
еще не нажился на свете!
А годы идут...

ВИШНЯ

Вишни цветут.
Вишни в цветении белом.
Только вот вишня моя
Цветом еще не оделась.

Вышла на шлях.
В ясную даль задивилась.
Что ж одинока она?
Что же в печали склонилась?

Ждет ветерка?
Может, горячего лета?
Вишенка, вишня моя,
Цветом густым не одета.
Вишни цветут...

Перевела с украинского
Елизавета Стюарт.

Венедим СИМОНЕНОК

ОТБЛЕСКИ

ЗНАМЯ

Знамя.
Красное знамя,
Из солнца знамя,
Перевитое синим небом,
Сияющее,
Шумное, как морская волна!
За знаменосцем отряд,
За знаменосцем
Целый мир людей —
Каждый счастлив
Вздымать это знамя
Своими руками,
Которые
Наполняются сталью,
Как только коснутся
Древка!

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Роса едва сошла,
Играло солнце.
Лес в безмолвии прохладно
зеленел.
Воздух стал музыкой.
И вместе с ним

Песней счастья струился
Чей-то сердечный,
Глубокий и сильный,
Молодой
И непостижимо беспечный
Очарованный голос.
И где-то еще и еще
Во всех дале́ких далеких
Так же звучно, широко,
Легко и свободно
Возникали другие...
И неведомо стало:
Земля породила
Людское красивое счастье,
Люди ли
Сотворили
Такую счастливую
Землю!

ДЕВУШКА ИЗ САЙГОНА

Сайгонские власти обвинили гимназистку Во Тхи Тханг в том, что она участвовала в покушении на ярого прислужника американских оккупантов. Во время зверских пыток и перед судом Во Тхи Тханг осталась непреклонной.

Из газет.

Я храню фотографию,
Простое газетное фото
Девушки из Сайгона.

Нежный и твердый
Наклон головы,
Нежная твердая
Полуулыбка...
За ней
Два штыка,
Два разбойничьих робота
С железными лбами,
Орава
Жандармов и палачей!..

Жгучие горькие слезы
Каменеют внутри.
Стали они
Гневом,
Оружием,
Восхищением стали.
Школьница из Сайгона!

ШУМ СОСЕН

О, как ужасен
И великолепен
Предгрозовой
Шум сосен:
Сухой,
Свистящий,
Как удары шпаг,
Как шорох пуль,
Как жаркий шум сраженья!
Прекрасное во всем:
И в нежном
И в жестоком.

ЛЮДЯМ

Покачивает в метро
Нежный вагон меня,
Баюкает электричка,
Автобус несет меня...
Сколько умов трудилось,
Сколько работало рук,
Чтоб мне было так удобно,
Был к счастью короче путь!
За все, что вы сделали,
Люди,
От века до века скопили,
Все работящие люди,
Живущие,
Жившие люди,
Хорошие, милые люди,
За эту мою
Рубашку,
За крышу
Над головой
Улыбку мою примите,
Спасибо мое примите,
Работу мою
Примите!

1 ТАШКЕНТ

БОГАТЫРЬ

«Алмалык» в переводе на русский означает «яблочное место». Когда-то, по-видимому, долина реки Ахангаран, носящая такое название, известна была своими садами. Сейчас к Алмалыку, новому, вполне современному городу под Ташкентом, пришла иная слава — слава индустриального города XX века.

На базе крупнейшего месторождения меди и полиметаллических руд здесь раскинулся горно-металлургический комбинат имени В. И. Ленина. Он ровесник Алмалыку и так же юн: обоим всего по восемнадцать.

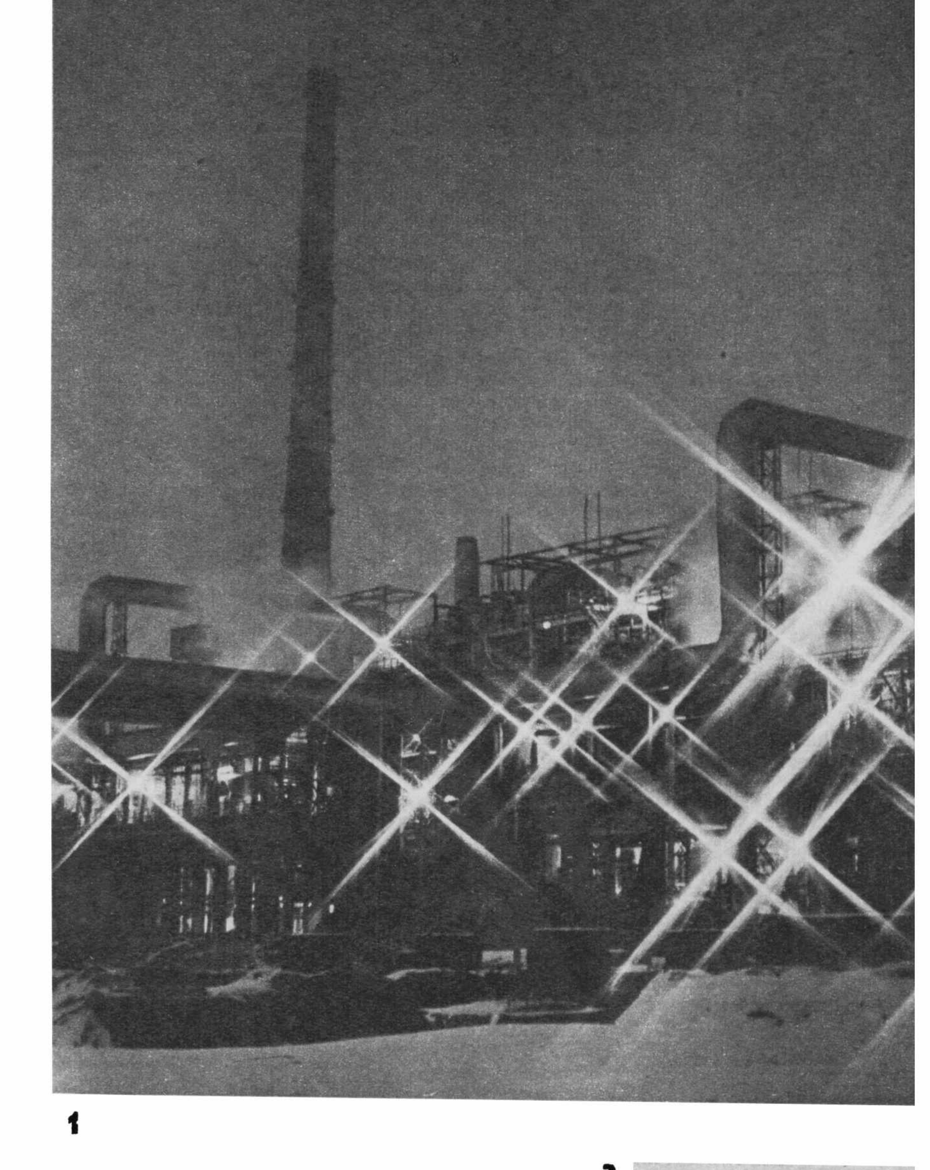
Комбинат продолжает бурно расти. Совсем недавно, казалось, встали красавцы корпуса цеха медной катанки. На всю мощь заработал новый цех, вырабатывающий самую дешевую в стране серную кислоту. Она пойдет в Каратау для получения «витаминов» полей. И вот еще одна весть: в Алмалыке создается крупнейший в Средней Азии завод фосфорных удобрений. Он даст хлопкоробам сотни тысяч тонн фосфорных туков.

Завод должен быть сооружен всего за 12 месяцев. Таких темпов строительства еще не знали. Поистине младенец растет, как в сказке, «не по дням, а по часам». Богатырь встанет на ноги и выдаст первую продукцию уже в этом году.

В. АФАНАСЬЕВ.

На снимке: огни нового сернокислотного цеха.

Фото Г. Пуна.

1

2 ТОБОЛЬСК

...И ПОШЛИ ПОЕЗДА

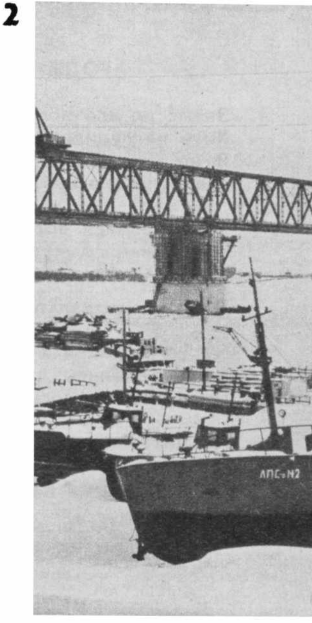
Мост под Тобольском кажется очень низким. Когда же стоишь под опорой и, задрав голову, смотришь на стальной пролет, то о первом впечатлении забываешь. А если повезет и ветер будет несильный, то можно взобраться на опору, и тогда высота покажется головокружительной. В эту зиму красная лампочка, предупреждающая, что ветер достиг 12 метров в секунду, загоралась частенько, портя настроение монтажникам. Ибо они торопились. К весне мост должен был быть готов...

И вот движение по новому мосту открыто. Опрокинуты утверждения скептиков, считавших сооружение опор на 34-метровых сваях, забитых в ненадежное илистое дно Иртыша (кисель — по-здешнему), делом невозможным. Испытания показали, что сваи свободно выдерживают нагрузку до двух тысяч тонн. Последний мостовой пролет изготовлен из особой, сверхпрочной облегченной стали. По традиции первый поезд, который прошел по тысячеметровому, самому длинному на Иртыше, мосту, повез его строителей, а затем прошли здесь составы с тюменской нефтью.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Фото Л. Шерстенникова.

2

3 ГРУЗИЯ

ЧТОБЫ НЕ МЕРЗЛИ ЦИТРУСЫ

Для того, чтобы уберечь цитрусовые растения от заморозков, их окучивают, укутывают трехслойной марлей или покрывают полиэтиленовой пленкой. В очень холодные дни на плантациях горят костры, включены газовые или керосиновые горелки. И все равно это не всегда помогает и стоит очень дорого.

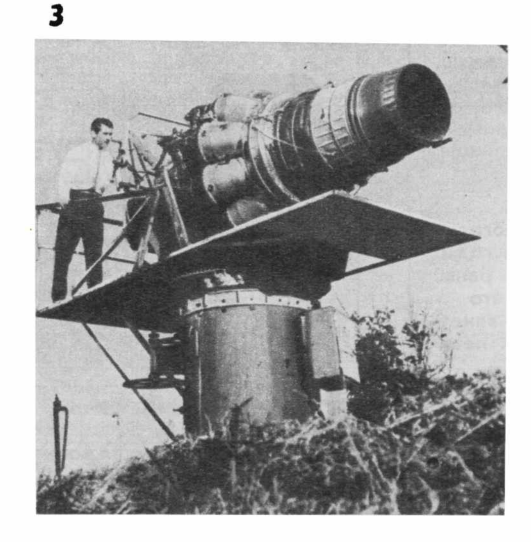
В лаборатории по механизации возделывания чая Грузинского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства решили использовать в борьбе с заморозками авиационные реактивные двигатели, отработавшие свой летный срок. Создали специальную установку. Вращаясь вокруг вертикальной оси, эта установка повышает температуру воздуха в радиусе до 300 метров на 4—5 градусов. Словом, она способна защитить от заморозков 10 гектаров цитрусовых. Установка проходит сейчас на плантациях государственные испытания.

НА СНИМКЕ: реактивная установка по обогреву цитрусовых на плантации Кохорского цитрусового совхоза, Гальского района, Абхазской АССР.

И. СЕМЕНОВА

Фото И. Чохонелидзе.

3

4 ЛЕНИНГРАД

ДРУЖБА, СТАВШАЯ ТРАДИЦИЕЙ

Недавно в Ленинграде тепло отмечали 70-летие Екатерины Александровны Поповой-Кьяндской — дочери изобретателя радио. Чествование юбиляра происходило в музее-квартире А. С. Попова, в музее, который создан Екатериной Александровной — неутомимой пропагандисткой творчества своего отца. Желанной гостьей на юбилейном вечере была француженка Флоранс Турнон-Бранли — художница театра «Гранд-опера».

Какое отношение имеет Флоранс к семье Поповых? Дело в том, что она внучка французского ученого Э. Бранли, о котором русский изобретатель так писал в 1897 году: «Бранли первый показал, что тонкие слои металла обладают свойством мгновенно изменять свое сопротивление, если до них достигнет электромагнитная волна». Тут, кстати, стоит напомнить, что свой первый доклад об изобретении радио 7 мая 1895 года Попов назвал «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям». И далее в одной из статей заметил: «...несколько слов по поводу «открытия» Маркони. Заслуга открытия явлений, послуживших Маркони, принадлежит Герцу и Бранли». А сам Бранли писал в 1896 году: «Телеграфия без проводов зародилась в действительности из опытов г. Попова».

Так завязались дружественные отношения ученых. А потом эта дружба стала традиционной в семьях Поповых и Бранли. Вот почему Флоранс была дорогой гостьей на юбилее Екатерины Александровны.

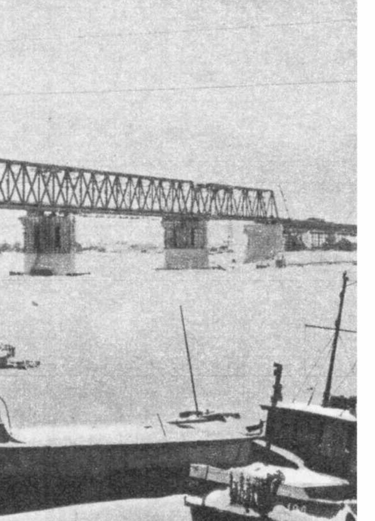
Н. РОГИНСКИЙ

В музее А. С. Попова. Екатерина Александровна Попова-Кьяндская принимает поздравления. Слева — Катя, внучка изобретателя, и Флоранс Турнон-Бранли.

4

5

УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

5 «БАШ»

«БАШ» — так называются бурильные агрегаты, которые выпускает Востокмашзавод в Усть-Каменогорске. «БАШи» предназначены для разработки месторождений открытым способом на Крайнем Севере. В Норильске, в Оленегорске, что на Кольском полуострове,— на морозе, на ветру они чувствуют себя великолепно.

Раньше Востокмашзавод выпускал «БАШ-250», теперь на очереди «БАШ-320». Два таких агрегата смонтированы и уже прошли испытания. Сейчас они на последней проверке у конструкторов. Поговорка «баш на баш», то есть «то же на то же», тут явно не подходит. 320-й на голову выше своего предшественника, а точнее, на две с половиной головы. Его производительность в 2,5 раза выше. Новичок рудных карьеров будет богатырского роста, высотой с пятиэтажный дом.

О. ВАСИЛЬЕВ

Флагман бурильных агрегатов «БАШ-320». Пока макет...

КИЕВ

6 ОГНЕННЫЙ СЛЕД

В его родном городе ему поставлен памятник. На гранитной плите написано, что он повторил подвиг Александра Матросова. Но Володя Грибиниченко на фронте не воевал, он погиб в наши дни, сгорел в потоке металла, спасая товарища.

...Если хлынула в упор кипящая лава и человек видит ее, ощущает телом нестерпимый жар,— что же нужно, чтобы не поддаться страху, не отступить, устоять и кинуть себя вперед, огненной струе навстречу, ради спасения другого человека? Наверное, надо очень любить людей, чтобы выдержать это мгновение наивысшего напряжения воли — испытание смертью.

О чем думал в то мгновение Володя, никто не знает и не узнает. Но нам известно, как он жил, как мыслил, как любил. Недавно в Киеве вышел фильм «Огненный след». Киевские кинодокументалисты — режиссер Екатерина Самофалова, оператор Яков Лейзерович и писатель Игорь Малишевский — в короткой ленте, она идет не больше четверти часа, с большой силой показали, как подвиг человека был подготовлен всей его недолгой, светлой и прекрасной жизнью.

Володя Грибиниченко работал мастером мартеновского цеха на Макеевском металлургическом заводе имени Кирова. Там и нынче трудятся его друзья: Михаил Сидорович Бабенко, который рекомендовал его в партию, Егор Ильич Овчинников, учивший Володю варить металл, Коля Свиргунец — ученик Володи. Эти люди каждый день соприкасаются с пламенем. Они прокладывают на земле огненный след. И Володя навсегда останется с ними.

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»

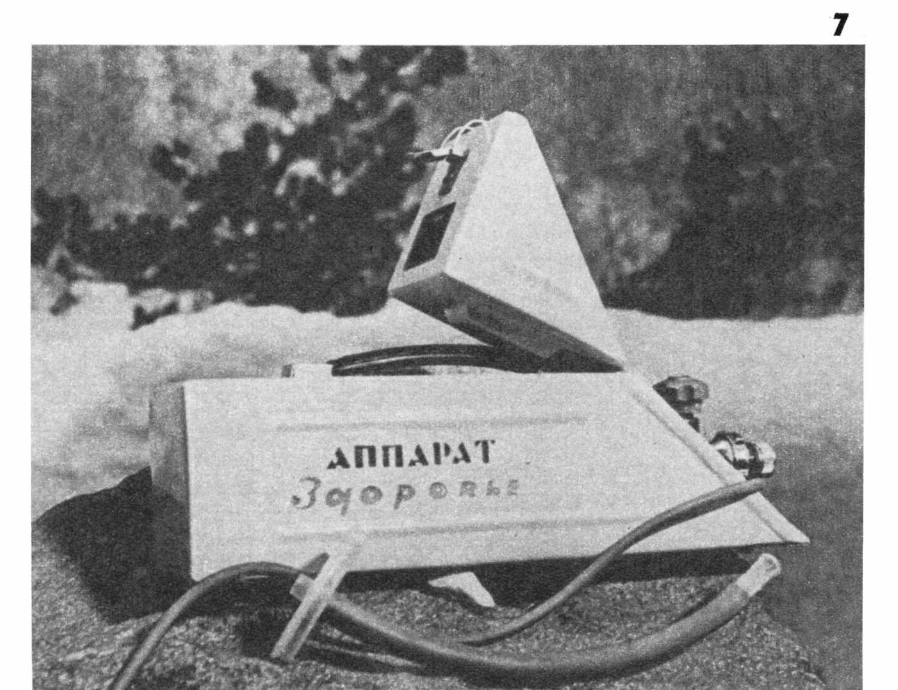
Кадр из фильма «Огненный след».

6

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

7

СВЕРДЛОВСК

7 ПЕЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ

Ни в одном кулинарном справочнике нет рецепта этого коктейля. Он готовится с ...кислородом. Глоток такого напитка помогает восстановить силы, вливает бодрость. Не случайно же аппарат для приготовления контейля называется «Здоровье». Он изготовлен Свердловским механическим заводом горноспасательного оборудования и рассчитан на использование рецептов, рекомендованных киевскими медиками. Одними из первых, кому довелось познакомиться с этим аппаратом, были посетители организованной свердловчанами выставки «Научная организация труда».

...Небольшой, аккуратный чемоданчик. Внутри него — баллон с запасом кислорода, «упакованного» под давлением. Открывается вентиль — кислород по трубке течет в стакан, смешиваясь, газируя тот или иной напиток. Контейль готов. Разработано несколько рецептов — с настоем шиповника, с сиропами. Пейте на здоровье! Но обязательно посоветуйтесь с врачом — кислородные контейли применяются прежде всего с лечебной целью.

К. КОСТИН

На снимке: аппарат «Здоровье».

Фото автора.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

ЗЕМЛЯ И ПЕСНЯ

РАБОТА

Пока ты мал, гуляй на воле,
Как ветер в поле,— троп не счесть.
Ты тем одним уже доволен,
Что жизнь течет и ты в ней есть.

Вот старше стал, а все беспечен,
Поскольку кажется, что ты
Одной любовью обеспечен
За все на свете, до черты.

Но глянешь вдруг, а уж над крышей,
Как перед зазимком, светло:
Летят птенцы твои все выше,
На молодое встав крыло.

И на виске седеет волос,
И осень в дверь стучит сама.
Любовь, и та все реже голос
Дает.
Не осень, а зима.

И лишь работа остается
С тобой, всегда тебе верна.
Она, как влага из колодца,
Не убывает — нету дна.

Не просто так — сама собой,
Она, как мост над рвом ревущим,
Между прошедшим и грядущим,
Всем в мире сущим и тобой.

ПЕТУХИ ПОЮТ

В курортном морском городке —
Хоть и неестественно это —
Все лето,
С темна до рассвета,
Поют петухи на шестке,
Поют под окошком как раз,
В горах и у самого пляжа,
Без всякого там камуфляжа,
Как будто в деревне у нас.

И грустно мне слышать тот хор,
Привычный со дней мирозданья,
Как будто он — мне в назиданье —
Содержит какой-то укор,
Намек, не пустой иногда,
Что свет, он не только курорты.
Есть вещи особого сорта —
Земля и работа. Страда.

И вот ведь:
Иметь бы в виду,
Что я тут не столько гуляю.
Так нет же,
Не сплю и вздыхаю,
Беседы с тем хором веду...

Вот грянул он вновь что есть сил
В согласье с обычаем древним:
А ты не забыл о деревне?
А ты о земле не забыл?
О той, пусть не самой красивой,
Единственной той, что, любя,
Тебя на ладонях носила
И все еще помнит тебя?

* * *

А вы разжигали костер?
Ведь это довольно просто.
Сперва дерете берёсту,
Потом берете топор.

Потом — топором по колену,
Поскольку поближе оно.
Но вот наконец-то полено
Расколото, расщеплено.

Тогда за поленом полено
Наклонно поставь, как шатер.
И заговорит твой костер
Сквозь ночь с необъятной вселенной.

Не думай, что он лишь годится
В беседе — звезда со звездой.
Не худо, коль кружка с водой,
Согревшись, над ним скипятится.

А то по бокам котелка
Заходят старшинские крупы,
И каша заварится круто
При отсвете грозном штыка...

Мы призваны в небе летать,
Но ходим пока по землице.
Учитесь костры разжигать,
Покуда не поздно учиться!

* * *

Приснилось мне, что будто бы стряслось
Несчастье — угодил я под колеса.
И трещина
Затылочную кость,
Как скорлупу, мне раздвоила косо.

Плыву во тьме, качаясь, как в дыму,
То прямо в ад плыву, то будто к раю.
Но, молча, безучастен ко всему,
Лежу, не протестуя. Умираю...

Что умираю — в этом дива нет:
Смерть подойдет — поговоришь ли с нею!
А диво, что впервой за столько лет
Мне снится, что убит не на войне я.

СТИХИ О ФОТОКАРТОЧКЕ, ОСТАВЛЕННОЙ КЕМ-ТО В ГОСТИНИЦЕ ОДНОГО АРКТИЧЕСКОГО АЭРОПОРТА

В том аэропорту, на побережье,
В забытой богом северной дыре,
Где самолет, и тот бывает реже,
Чем свистнет рак известный на горе,

Где в домике — ни женщин, ни уюта —
Их днем с огнем тут надобно искать,—
А есть лишь стол да, как в плохой каюте,
Скрипящая, в два яруса, кровать,

Здесь, на столе, газетою накрытом,
Стоит тоскливо карточка одна.
Как память о былом, давно забытом,
Средь запустенья этого она.

Накинутая на плечи косынка,
Чуть книзу наклоненное лицо,
И над зрачков бегущей золотинкой —
Приспущенных ресниц полукольцо.

Как видно, вылетавший на заданье,
Ее забыл здесь кто-то из ребят.
Немую грусть и тайну обещанья
Ее глаза печальные таят...

Я в том порту, заброшенный судьбиной,
Недавно был и в домик тот зашел,
И ночь, при свете лампы керосинной,
Там в полном одиночестве провел.

И, слушая, как ветер за оградой
Летит сквозь темь, то плача, то трубя,
Смотрел с какой-то тайною отрадой
В ее лицо
И вспоминал тебя.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес наряден,
Когда под солнцем он,
Как войско на параде,
Всецветно освещен.

Деревья не толпятся,
Но, выстроившись в ряд,
Как факелы, дымятся,
Как вымпелы, горят.

Кругом — обилье цвета,
Багряная заря.
Прощальный праздник лета
В начале сентября.

Но есть вторая осень,
Когда древесный ствол
Заметней, хоть не очень
Он у вершины гол.

Тогда в огне вечернем,
На фоне синевы,
Белилами и чернью
Прошит огонь листвы.

Но выше — осень третья,
Последняя из трех.
Ноябрь железной плетью
Сшибает лист с дерёв.

Блюдя свой древний график,
Неумолимость — весь,
Как гениальный график,
Воссоздает он лес

Из туши и пастели,
Штриха карандаша,
Чтоб в этом зримом теле
Видна была душа.

Тогда-то сквозь подлесок
Весь лес видать насквозь,
Где стать, а где подмесок,
Кривулина хоть брось.

Все резко, все неплавно,
Прорезано до дна.
Лишь главное — о главном,
Нагая суть одна.

Новосибирск.

А. Бекарян. (Ереван).
ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ.

На развороте вкладки:
А. Пластов. (Москва).
ПРАЗДНИК.

Ф. Сидоров. (Москва).
РАННЯЯ ЗЕЛЕНЬ.

З. Самойленко. (Киев).
НАД СИНИМ ПСЁЛОМ.

Тень Несси в лучах локатора

Английский профессор Гордон Таккер зафиксировал «звуковую тень» гигантского неизвестного науке животного в шотландском озере Лох Несс.

Еженедельник британских ученых «Нью сайентист» вышел недавно в свет с сенсационным сообщением на обложке: «Сонар (звуковой локатор) потревожил чудовище Несси».

Удивление скептиков: «Значит, оно действительно существует!» Радость оптимистов: «А что мы вам говорили?»

Вспомним историю. С давних пор на озере Несс творилось что-то непонятное. Сотни людей уверяли, что видели животное, по размерам напоминающее кита. И это в замкнутом водоеме длиной 56, шириной около 3 километров, дно которого не опускается ниже 250 метров! «Но этого не может быть! — утверждали специалисты.— Для гигантского млекопитающего здесь тесновато, а древние ящеры вымерли миллионы лет назад».

Нашлись люди, которые с этим не могли согласиться. Так, англичанин Тим Динсдейл сам много раз видел странное существо. Он записал рассказы 400 очевидцев о Несси, собрал сделанные ими портреты животного на бумаге и фотопленке. «Массовый самогипноз,— заявили скептики.— Человек видит то, что ему хочется увидеть. А при определенном ракурсе можно сфотографировать что угодно. Такие случаи уже бывали». Но не могли же все очевидцы выдумывать — среди них были и студенты, и фермеры, и даже члены парламента.

Решили поставить эксперименты. Весной 1963 года на берегу озера раздались взрывы. Потревоженное чудовище покинуло глубины: за пять дней животное сорок раз появлялось на поверхности! Его зарисовывали, фотографировали, а шесть раз удалось даже увековечить Несси на кинопленке. Придирчивый судья — английская разведка проанализировала объективные свидетельства и сделала вывод, что «это не действие волн — имеется нечто массивное, темное по цвету и блестящее». Комиссия экспертов уточнила: «Мы находим, что имеется неизвестное живое существо в озере Несс. Если это животное неизвестного отряда, то оно заслуживает тщательного изучения. Если же оно относится к уже известному отряду, но обладает уникальными размерами, то оно заслуживает изучения на том же основании...»

Правительство Великобритании запретило охоту на Несси, наложило запрет на его поимку и объявило, что животное находится под охраной государства. Последнее означает также, что чудовище нельзя тревожить взрывами. Но как же иначе заставить его позировать перед киноаппаратом? Тем более, что Несси стал чрезвычайно осторожным, и экспедиции 1964 года не удалось сделать портрет, позволяющий судить о природе чудовища — к какому отряду и классу животного царства его можно отнести.

А что, если понаблюдать за Несси непосредственно в глубинах озера? Вероятно, так думал профессор Таккер, избирая для испытания звукового локатора — сонара воды Лох Несс. Две недели импульсы звука локировали дно и глубины озера, но только 13 минут этой научной вахты заслуживают внимания. Вот что пишут сами ученые о подробностях эксперимента.

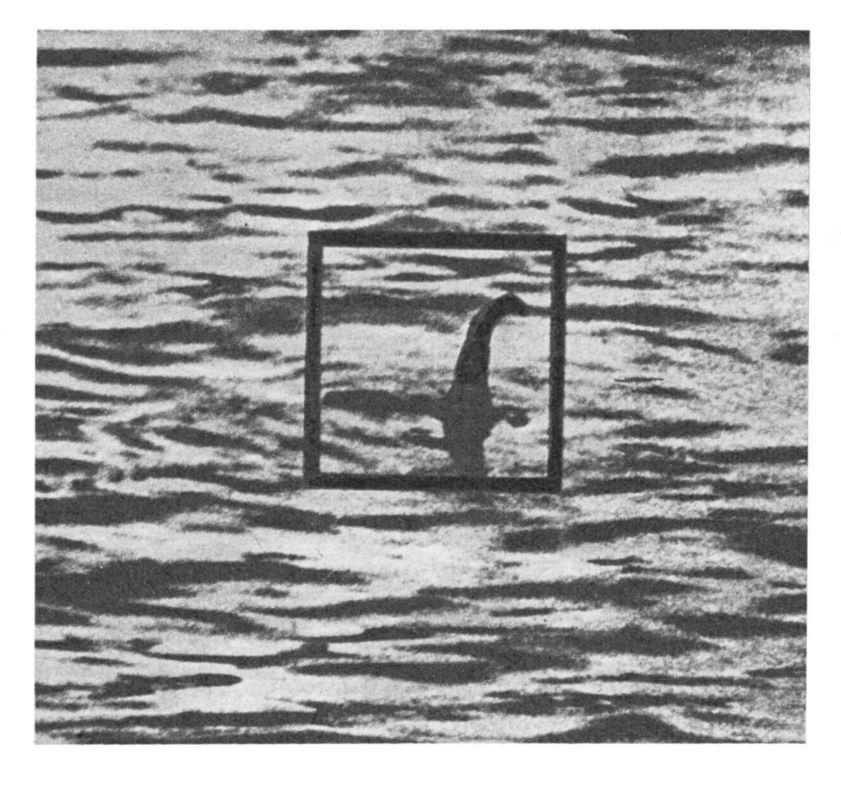
...В августе 1968 года Отдел электронного оборудования Бирмингамского университета проводил на озере Несс технические испытания нового типа сонара. Аппарат, которым мы пользовались, возбуждает звуковую волну частотой 50 колебаний в секунду. (Заметим, что такие низкочастотные колебания находятся выше порога восприятия человеческого уха.— А. Х.) Наш звуковой локатор обладает хорошей для приборов такого типа разрешающей способностью: лучи его фиксируют предметы, размеры которых более метра.

Сонар был установлен в заливе недалеко от берега озера. Ширина Лох Несс в этом месте 3 километра, дно его постепенно понижается до глубины 250 метров. Горизонтальный сектор обзора составлял 12 градусов. С помощью локатора мы как бы вырезали из тела озера призму, а так как звуковые импульсы посылались каждые десять секунд, то все крупные существа и предметы, находящиеся в секторе обзора или проплывающие через него, должны были порождать эхо и оставлять свою звуковую тень на кинопленке (аппарат находился рядом с локатором).

На расстоянии 1,2 километра звуковые волны наткнулись на что-то большое и неподвижное, размеры его в плане 50 x 75 метров. Неправильная форма подсказывает, что это либо утонувшее дерево, покрытое наносами, либо просто скала. К сожалению, мы не имели приборов для подводного плавания и не смогли проверить наши предположения.

Особый интерес представляет лента, отснятая нами 28 августа в 16 часов 30 минут. Сонар зондировал озеро, как обычно, а синхронная кинокамера была настроена так, чтобы каждый кадр фиксировал один звуковой импульс. Уже на втором кадре видно, как некий большой объект поднимается со дна озера. Вот он достиг верхушки зафиксированной нами скалы (а может, дерева), движется к ее краю и уходит из зоны обзора. Размеры движущегося предмета примерно такие же, как у скалы, во всяком случае, он больше 50 метров по вертикали, длина его примерно 20—30 метров.

Трудно представить траекторию его движения, однако о скорости предмета можно судить: в первом случае она — 3,3 метра в секунду, во втором — полметра в секунду. Может ли это быть предмет, который несет течением? Безусловно, нет! Воды озера почти неподвижны даже в глубинах. Такую скорость способно развить в Лох Несс только живое существо. Впрочем, анализ отраженных звуковых волн позволяет сделать вывод, что существ было несколько, хоть их при современном уровне акустического локирования трудно представить более детально.

О чем же еще рассказывают эти 77 кадров, имеющих особый интерес? В течение минуты в поле обзора появляется косяк рыб, плывущих на одной глубине. Вот снова перед нами подводный гигант. Он опускается, словно принюхиваясь, ко дну, проводит там шесть минут и резко всплывает вверх. Вслед за этим локатор фиксирует существо поменьше — размеры его, вероятно, несколько метров. Но скорость, скорость! Животное развивает скорость 15 узлов — не меньше, чем корабль. И ныряет существо очень быстро.

Да, в этом не может быть сомнения — мы имеем дело с животными. Вопрос в другом: не рыбы ли перед нами? Я показывал пленку известным ихтиологам, и они ответили: нет, рыбы так быстро не погружаются и не всплывают. Меня мучает соблазн признать, что мы впервые наблюдали за подводной жизнью чудовищ Несси. И все же я не хочу делать окончательных выводов. Пусть другая, специально подготовленная экспедиция изучит проблему. Только тогда мы сможем судить, кто оно, это загадочное животное...

Профессор Гордон Таккер не сомневается, что Несси действительно существует, но оставляет последнее слово за биологами. Правда, среди последних нет пока единодушия. Некоторые относятся к проблеме с известной долей скептицизма. Но это не обескураживает оптимистов. Вспоминается уже ставшая классической история открытия живого целаканта — одного из тех древних существ, которые, по единодушному мнению ученых, должны были вымереть 70 миллионов лет назад. Когда знаменитый зоолог Джон Смит изучил и описал современного целаканта, кое-кто даже обвинил его в фальсификации. Сейчас работа Смита находится в ряду величайших открытий нашего века.

Итак, послушаем, что же говорят оптимисты. Тим Динсдейл написал книгу о Несси, в которой он решительно отвергает предположения, что лохнесское чудовище является гигантским угрем, огромным тритоном или большим тюленем с очень длинной шеей. Он настаивает: перед нами либо один из плезиозавров, которые, по предположению, вымерли 50 миллионов лет назад, либо другое, родственное этим древним ящерам животное. Проанализировав все материалы, Динсдейл пришел к выводу: Несси относится к рептилиям, которые процветали на земле в меловой период. Айвер Сандерсон, крупнейший зоолог мира, в предисловии к книге Тима Динсдейла настаивает на том, что в Лох Несс обитает гигантское млекопитающее. Кто из них прав? На этот вопрос ответит сам Несси, если люди сумеют поставить его перед судом науки.

В наш космический век считается само собой разумеющимся, что на земле уже все открыто, известно, и перепись растений и животных давно закончена. А между тем, как заметил бельгийский зоолог профессор Бернар Эйвельманс, мы живем на планете среди вопросительных знаков, которые щедро поставила перед нами природа.

— Земля вся изъезжена, все на ней открыто и изучено? — Академик Л. А. Зенкевич, только что вернувшийся из кругосветного плавания, откровенно смеется.— А что бы вы сказали, если бы географы объявили сейчас: открыт новый, никому не известный континент? Не верится? Так вот, нечто подобное произошло недавно в зоологии, когда советские ученые, плавающие на экспедиционном судне «Витязь», подняли со дна Тихого океана много видов нового типа животных — погонофор. Оказалось, что погонофоры, живущие в тонких трубочках до полуметра длиной,— наши «родственники». Это представители нового, доселе неизвестного типа животных, очень близкого к типу хордовых, куда относятся и все позвоночные. Так к восьми известным нам типам организмов прибавился девятый.

Кто ты, Несси,— выдумка людей, плод искреннего заблуждения или гигантский ящер? А может, ты наш теплокровный собрат или представитель совершенно нового типа — житель десятого континента мира животных?

А. ХАРЬКОВСКИЙ

МАЯКОВСКИЙ С НАМИ

С каждым годом все больше и больше отделяет нас время от того трагического события, когда не стало Владимира Владимировича Маяковского. Но с годами все больший интерес вызывает у читателей творчество и судьба поэта, певца и глашатая революции. Люди все пристальнее вчитываются в бессмертные строки поэм и стихов Маяковского, пытаясь еще глубже вникнуть в его подвижническую, полную противоречий творческую жизнь и найти разгадку ее драматического конца.

Многое было сделано критиками, литературоведами, людьми, знавшими поэта и разделявшими его взгляды, чтобы воссоздать его правдивый и живой образ. Немало поработали исследователи-маяковеды, но не бездействовали и недруги. Ими постоянно внедрялась в сознание людей мысль, что Маяковский — «талантливый самородок, открытый Бурлюком и выращенный Бриками».

При жизни Маяковского, особенно в последние годы, Брики и им подобные создавали ему невыносимую обстановку. После его смерти они делали все возможное, чтобы скрыть правду об истинных причинах безысходности и страданий поэта, приведших к трагической развязке. «Футуристический» Маяковский, созданный стараниями Бриков, Крученых и их последователями, к сожалению, «вписался» в сознание части молодежи так, что живой, настоящий Маяковский подчас ею почти не воспринимался.

О том, что к футуризму Маяковский относился не всерьез, свидетельствует он сам, это подтверждают и многие его современники. Вот строки, приводимые Н. Хлестовым из письма его сестры, в семье которых бывал Маяковский: «...когда Володя жил у нас, то я сделала первый раз в жизни с натуры две головы и показала ему.

Он отнесся очень внимательно и посоветовал уехать из Саратова и серьезно учиться «только не у футуристов» (его подлинные слова)». В своих воспоминаниях поэт Симон Чиковани приводит красноречивые фразы Маяковского, свидетельствующие о его отрицательном отношении к футуризму и к декадентам.

Тем отраднее сознавать, что недавно вышло в свет новое интересное издание: «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей». Современники великого поэта, родные, друзья воссоздают живой, близкий и дорогой нам образ певца революции, показывают события и дела тех лет, в которых протекала бурная, полная стремительных творческих взлетов жизнь поэта. Книга эта интересна прежде всего тем, что многие воспоминания в ней публикуются впервые. И, что особенно важно, некоторые из них снимают наслоения, которые годами накапливались на биографии поэта, на его облике.

Весьма интересной является публикация художницы Е. Лавинской, которая раскрывает новые страницы из жизни В. Маяковского. «Я, собственно, не помню разницы между точкой зрения Третьякова и Брика, состоявшей в том, что поэмы Маяковского «устарели» и эпохе нужно другое, и пущенной в 1930 году фразой, что «Маяковский исписался». Пожалуй, самое страшное было в том, что и Брик и Третьяков — это свои, это дома, это там, где предполагались самые близкие, потому что вовне недоброжелателей и врагов было достаточно» — так свидетельствует нам художница, одна из тех, кто еще при жизни Маяковского осознал пагубное влияние на него ЛЕФа.

По свидетельству Е. Лавинской, Брик всегда считала Маяковского всего лишь учеником Осипа Брика. «Разве можно,— говорила она,— сравнивать Володю с Осей? Осин ум оценят будущие поколения. Ося, правда, ленив, он барин, но он бросает идеи, которые подбирают другие...» И далее: «Володя сам терпеть не может читать, а поскольку Ося читает все, Володя пользуется Осиной головой, то

«Маяковский в воспоминаниях родных и друзей». Издательство «Московский рабочий». 1968.

КНИГА О МИХАЙЛОВЕ

Издательство «Мысль» выпустило книгу П. С. Фатеева о выдающемся русском революционере М. И. Михайлове. Имя Михайлова — блестящего писателя, публициста, переводчика — известно. О нем были статьи, заметки, воспоминания; выходили собрания сочинений с предисловиями; но полной, исчерпывающей монографии о Михайлове не было. Этот пробел и восполняет интересная работа П. С. Фатеева.

Автор создал портрет писателя-борца, революционера. Очень широко раскрыта обстановка, те сложные условия жизни, в которых пришлось работать Михайлову. Анализируя его раннее творчество, П. С. Фатеев справедливо подчеркивает в нем прочную связь образов, мыслей, идей русского революционера с реальной действительностью.

С интересом читаются главы, где произведения Михайлова рассмотрены не только с точки зрения их высокой идейной направленности. Мы видим их художественные достоинства. И, думается, многие теперь захотят перечитать повести Михайлова «Адам Адамыч», «Изгоев»; роман «Перелетные птицы», рассказ «Сынок и маменька»...

Всесторонне и широко рассмотрена лирика Михайлова, его поэтическое творчество, пользовавшееся огромной любовью друзей, революционеров-современников, уважением молодежи. Широкие связи с народом окрыляли Михайлова, вдохновляли на активную борьбу.

Интересно узнать, что писатель-патриот активно собирал национальный фольклор, переводил стихи зарубежных революционных писателей. Впервые и на новом материале рассказано о связях Михайлова с Герценом.

Книга П. С. Фатеева эмоционально, правдиво раскрывает жизнь Михайлова на каторге; анализируются «Записки», которые по пути на каторгу вел Михайлов. Главное достоинство «Записок», как замечает автор, состоит в их революционном пафосе, гневном осуждении самодержавия.

Имя М. И. Михайлова стоит в ряду выдающихся сынов русского народа. И популярная книга о нем — замечательном деятеле и певце русской революции — подарок широкому читателю.

В. СИДЕЛЬНИКОВ,
профессор, доктор филологических наук

КРЫЛАТАЯ ПРАВДА

Поэма Валентина Сорокина «Оранжевый журавленок» счастливо соединяет в своем движении сильный национальный характер и гражданственность.

Остро чувствуя образность русского слова, Сорокин щедро рассыпает «коренные» словца и словечки народного обихода, широко пользуется местным уральским речением и простоpечием в создании метафоры и тем сообщает ей сочную броскость, неожиданность и свежесть. Даже строгое уральское «о» слышится в музыке этой речи... «Конопухи-проталины враз пролегли», «Низко приколенилась мама», «одрогший теленок», «омут схвачен остудой». Благодаря умению поэта открыть слово, заново перекопать глубинный лексический пласт образ обретает особенную непосредственность, доступность и «свойскую» интимность, которая возникает в стиховой плоти лишь в том случае, когда наболело, когда поэту все рассказываемое кровно близко, когда поэтическая истина добыта с бою.

Напряженная интонация поэмы заполнена гражданственностью, зародившейся в недрах народного бытия и созревшей в раннем, тяжком рабочем опыте сотен тысяч уральских мальчишек, забывших детство в недетской жажде прогнать фашиста. Величие нашего гуманизма раскрывается в сцене с пленными фашистами. Социальность обобщения воплощается здесь в густой тяжеловатой живописи, в замедленном стихе, помогающем обнажить, подчеркнуть социальную глубину явления.

На развилку шоссе,
По чилижному склону,
Летним полднем
Распарена и горяча,
Выползала
огромной гадюкой
колонна,
Хвост изгибистый аж
В миражах волоча.
Под лучами она
Жутковато лоснилась.
По-бандитски нага,
Не одежда — тряпье.
Сколько гордых столиц
И гербов уместилось
В ненасытной, питоньей
Утробе ее.

С истинно поэтической тонкостью раскрывает В. Сорокин высокую неизбежность преодоления тяжких обстоятельств духовного становления личности одаренной, красивой, душевно богатой, щедро наделенной лучшими чертами нации, человека, впитавшего с материнским молоком народную веру и обретшего в раннем трудовом опыте силу свою и слиянность с народной силой.

Стремление исторически осмыслить судьбу своего героя в сцеплении с народной судьбой, в преемственной связи поколений исходит в поэме Валентина Сорокина из глубокой веры в народное, национальное единство, из ощущения неискоренимости этих внутренних связей, из чуткого угадывания в приметах быта истин бытия.

И. ДЕНИСОВА

Валентин Сорокин. Оранжевый журавленок. Поэма. «Журнал «Молодая гвардия» № 12 за 1968 год.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Первая встреча с молодым писателем Юрием Курановым состоялась несколько лет назад. Его миниатюры «Лето на севере» вызвали весьма положительную оценку в нашей критике. Затем вышло несколько сборников миниатюр Ю. Куранова, и вот теперь первая его повесть «Далекая сторона» — о военной поре в далекой Сибири.

Небольшая по объему, она с первых же строк привлекает внимание самобытностью заключенного в ней материала. Ее герои думают, работают, поступают так, как могут это делать люди, сильные привязанностью к родным местам. И эта любовь к труду передается юным героям. Мы видим, как мужает, набирает силы Енька, как он становится «главным» мужчиной в деревне, выполняет подчас очень трудную для подростка работу. Он понимает, что в труде должен заменить отца, ушедшего на войну.

Повесть Ю. Куранова привлекает внимание не только своей нрав-

---

Юрий Куранов. Далекая сторона. Журнал «Москва» № 11 за 1968 год.

есть Ося из прочитанного выбирает главное и в готовеньком виде преподносит Володе». И все это делалось с расчетом, чтобы создать определенное общественное мнение: «Володе полезно помучиться,— заявляла Лиля Брик,— пострадать — хорошие стихи напишет». А Ося, усмехаясь, добавлял: «Нигде кроме, как в Моссельпроме» — это лучшее, что сделал Володя».

«Не пройдет и пяти лет — Володю забудут. Да это и естественно, Володя больше актер — брал голосом и игрой на эстраде, а сам стих? Да сколько поэтов (не говоря о Хлебникове) куда сильнее Володи! «Облако» было пределом Володиных возможностей»,— пророчествовал Крученых.

Нельзя без волнения читать строки, написанные доброй материнской рукой Александры Алексеевны. Ее любовь к сыну не имела границ. Такой же взаимностью отвечал ей и сын. Вот ее свидетельство: «Володя говорил:

— Мамочка, я не хочу, чтоб вы бывали на вечерах, где меня ругают и нападают на меня. Вам будет неприятно, и вы будете волноваться».

Вымыслы, сложившиеся вокруг имени Маяковского на протяжении многих лет, заслоняли многие факты из его жизни и творчества. Вот что пишет сестра поэта Людмила Владимировна Маяковская: «...в определенных кругах издавна и до самого последнего времени намеренно распространяют ложные слухи о якобы существовавшей отчужденности между Маяковским и его родными — матерью и сестрами.

Достаточно сказать, что в 1965 году в одной из московских газет появилось сообщение, будто Маяковский был в 1911 году усыновлен Д. Бурлюком и прожил в его семье целых четыре года.

С большим трудом удалось мне опровергнуть эту нелепицу, хотя абсурдность ее несомненна для всех, кто хоть немного знаком с биографией Маяковского».

Как бы ни старались наши противники принизить значение поэзии Маяковского, как бы ни искажали и ни перетасовывали факты его жизни и творчества, ясно одно, что Владимир Маяковский был и остался самым современным, самым значимым поэтом нашего времени. И хорошо, что лучшие страницы рассматриваемой нами книги убеждают: Маяковский с нами!

С. ЛИСИЦКИЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

Среди многих книг, рассказывающих о жизни за рубежом, которые появились в последнее время, хочется остановить внимание читателя на трех. Это «Огненные иероглифы» В. Иорданского, «Встречи с Марианной» А. Потапова и «В погоне за Мексикой» В. Чичкова.

Признаемся, что выбор этот не случаен. Хотя они выпущены разными издательствами (первая — «Наукой», вторая — Издательством политической литературы, третья — «Молодой гвардией»), их многое объединяет. Во-первых, они написаны в очерковом жанре — это позволяет рассказать читателю о далеких странах живо и интересно, так что у того, кто взял их в руки, создается «эффект присутствия». Авторы книг — известные советские журналисты-международники, и этим жанром они владеют отлично. Во-вторых, каждый из них подолгу жил в тех странах, о которых пишет.

Книга В. Иорданского посвящена Африке. За несколько последних лет об этом континенте написано немало. Сборник очерков В. Иорданского, бывшего корреспондента «Комсомольской правды», выделяется среди них серьезным подходом к африканским проблемам. Очерки В. Иорданского помогут читателю разобраться в той бурной цепи событий, которые происходят сейчас на африканском континенте.

Обстоятельно и интересно написал А. Потапов, собкор Советского радио и телевидения о Франции. Несомненно, одними из лучших страниц его книги являются те, где автор рассказывает о ленинских местах в этой стране. Читатель также найдет у А. Потапова целую серию портретов, ярких и запоминающихся, которые покажут Францию, так сказать, в социальном разрезе.

Мексика, страна, которая совсем недавно была у всех на устах, предстает со страниц очерков В. Чичкова ярко и красочно. Вместе с автором читатель поднимется на мексиканские пирамиды, совершит поездку к индейцам, побывает на бое быков и, конечно, поймет многое, что происходит ныне в этой далекой стране. В книгу В. Чичкова вошла историческая повесть «Тайна священного колодца», в которой автор рассказал о богатой истории Мексики.

Читатель «Огонька» заметит, что имена авторов этих книг появлялись на страницах нашего журнала. Некоторые из очерков, которые были напечатаны в «Огоньке», вошли в эти книги. Но каждая из них содержит еще много нового. Нам остается только пожелать читателю приятных минут встречи со своими старыми знакомыми.

Александр СЕРБИН

ственной стороной, но и образностью языка, красочностью пейзажа.

Но было бы, конечно, неверно полагать, что повесть можно принять безоговорочно. Лаконизм повествования, свойственный Ю. Куранову, местами оборачивается недосказанностью. Неубедительны страницы, посвященные приходу бродячих цыган в деревню, они выпадают из общего плана повести, не дополняют нашего представления о той поре, в которой живут герои.

И все же, несмотря на отдельные недостатки, повесть читается с интересом и является несомненным достижением в творчестве молодого автора.

Виктор ШИШОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЕЩЕ РАЗ О «ТАРТЮФЕ»

Я пишу в «Огонек» для того, чтобы поблагодарить редакцию за огромное чувство удовлетворения, которое доставила мне статья Е. Суркова, напечатанная в № 13 «Огонька». А через несколько дней я прочла и в «Советской культуре» тоже очень интересное, умное и содержательное выступление студентки МГУ Н. Лавренюк; выступление, делающее честь не только автору-студентке, но и ее педагогам и университету... Обе эти статьи, почти одновременно увидевшие свет, позволяют думать, что зрительские недоумения, возникшие после спектакля «Тартюф» в Театре на Таганке, не плод невежества или отсталости взглядов, а справедливое неприятие эстетских, снобистских умствований, идущих под именем «поисков» вокруг важных, святых для нас вещей.

А она именно свята для нас, зрителей,— русская и иностранная классика.

Я из тех, кто не так уж часто бывает в театре. Я не люблю ходить в театр или концерт прямо со службы, не отключившись от повседневных дел.

Для встречи с театром нужен подъем души; нужно приготовиться к восприятию того, о чем расскажут со сцены. Ведь русские люди привыкли считать театр «кафедрой, с которой можно много сказать миру добра...» (Н. В. Гоголь).

Вот это уважение, даже преклонение перед высочайшим назначением художественного творчества всегда движет мной — да, наверное, и не только мной — перед тем, как войдешь в театр.

Особенно трепетно ждешь встречи с героями, которых по литературе знаешь давно. В таких встречах есть особая острота: давно видишь героев живыми, давно воображаешь их — такими или другими, думаешь о них... Всегда интересно: вызвали ли эти образы у режиссера и артистов те же мысли, что и у тебя, одинаковые ли проблемы они решают.

О Мольере мы с детства знаем, что он олицетворяет лучшие черты классической комедии,— безудержно веселой, умной, живой. Идя на «Тартюф» в Театр на Таганке, я не только готовилась увидеть одно из любимых произведений, в котором сам Мольер, человек трагической судьбы, особенно велик своим умением разоблачать порок смехом. На Таганке хотелось увидеть, как молодые артисты сыграют такую высокую классику; поймут ли они сегодняшнее значение мольеровской сатиры, смогут ли найти какие-то новые краски, чтобы гениальные мысли французского драматурга помогали людям и сегодня — жить, думать о жизни...

В первый момент я поверила театру. Тем горше было оказаться обманутой!..

Сначала было даже любопытно наблюдать, как артистка З. Славина и другие исполнители буквально физически «влезали» и «вылезали» из больших, выстроенных на сцене портретов. Живой юмор, с которым обыгрывались декорации, вызывал у публики искренний смех, действие шло легко и весело. Но чем больше оказывалось в спектакле «лихой» выдумки, тем дальше уходил от зрителей тот высокий душевный настрой, с которым я пришла в театр. А литературоведческий и исторический экскурс в обстоятельства создания «Тартюфа» начал уже и раздражать надуманностью, двусмысленностью... Я — да и не только я — почувствовала усталость от навязанного мне трюкачества! Трюкачества вокруг тех серьезных истин, о которых должен был поведать Мольер. Я поняла, что в яркой, цветной упаковке подсовывают пустоту, полное безразличие к проблемам произведения.

Артисты играли на сцене вовсе не для публики. Они резвились весело, с удовольствием, желая показать, какие все они талантливые, какие выдумщики!.. Но это эстетское зрелище не имело никакого отношения к мыслям и образам великого классика Франции.

...Может быть, я не написала бы всего этого, если бы не одно обстоятельство. У меня есть дочь. Я хотела бы показать ей хороший классический спектакль. И вот я спрашиваю себя: что же мы, взрослые, можем порекомендовать своим детям? На какой спектакль из «нынешней» классики их повести?

Я смотрю репертуар московских театров... Да, конечно, классические пьесы живут на сцене МХАТ имени Горького, Малого и Вахтанговского театров... Но не мало ли это для огромного города с населением в несколько миллионов! Что же касается других театров столицы, то иные из них, в общем-то, обращаются к классике, трактуя ее на «таганский манер».

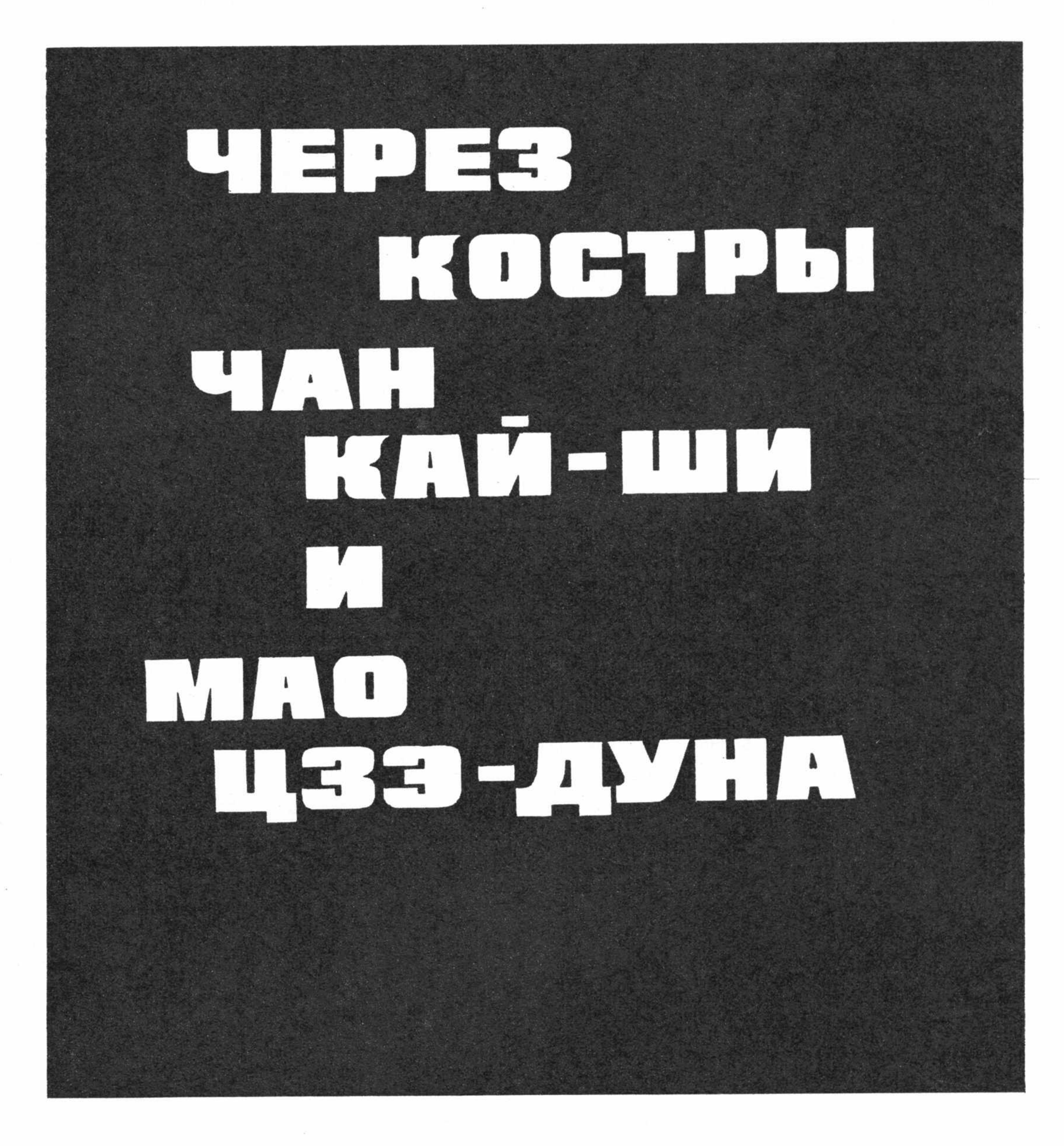
Достаточно вспомнить искаженного Чехова, «осовремененного» Островского, чтобы прийти к мысли, что, гонясь за модой, театры остаются весьма далеки от настоящей правды, непреходящей мудрости, заложенной в произведениях классической драматургии.

Порой мы думаем: ну что ж, подобные спектакли просто бесполезны. Но ведь если бесполезны — значит, уже вредны!

А как хочется чаще и больше видеть настоящую, не изуродованную «модой» классику!..

Галина КУЗЬКО, инженер
Москва.

Константин **ПРИЙМА**

I

Тернисты были пути проникновения русских книг в Китай в 20—30-е годы. Тернисты и опасны потому, что «в то время (по свидетельству великого китайского писателя-гуманиста Лу Синя) одного только слова «русский» было достаточно, чтобы вызвать смятение и панику».

И судьбы отважных переводчиков, редакторов, издателей советских книг были полны лишений и опасностей. Доказательства тому — подготовка фашистами-синерубашечниками покушения на Лу Синя, и гнусные призывы властей провинции Чжэцзян (к Чан Кай-ши в марте 1930 года) посадить в тюрьму своего земляка Лу Синя, и провокационные сообщения тяньцзиньских газет о «...состоявшейся казни вождя Красной Армии (?) Лу Синя», и расстрел в Шанхае пяти его учеников — членов «Лиги левых писателей», и, наконец, «карательные походы» полиции и охранки против «левых», погромы в их квартирах и прогрессивных издательствах с конфискацией русских книг, и массовые расстрелы «красных».

Поэтому не удивительно, что путь еще одной «красной» книги в Китае — «Цзин цзинды Дунь хэ» — советского романа «Тихий Дон» М. Шолохова — был также тернист и печален. Из рук переводчика Хэ Фэя и от стола редактора Лу Синя эта книга в Шанхае пробивалась в свет более года. Причем из 402 страниц русского текста первого тома «Тихого Дона» до читателя дошло лишь 236 страниц, а остальные 166 страниц, застряв на штыках и ножницах гоминьдановской цензуры и охранки, канули в Лету!

* * *

В Китай роман «Тихий Дон» впервые проник на немецком языке в переводе Ольги Гальперн в начале 1930 года. Это была одна из новинок, выпущенных в свет берлинским коммунистическим издательством «Литератур унд политик».

К Лу Синю это издание «Тихого Дона» пришло в трудное время. Находясь буквально в осаде гоминьдановской охранки, работая над переводом на китайский язык романа Фадеева «Разгром» (с японского и немецкого текста!), Лу Синь вдохновил писателя Хэ Фэя открыть Китаю «Тихий Дон».

Выдающийся переводчик Цзинь Жэнь об этом писал в пекинской газете «Дружба» следующее: «Тихий Дон» появился в Китае в годы реакции. В свет вышли ТОЛЬКО ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ части. Было много трудностей, помешавших полностью издать первую книгу. В переводе Хэ Фэя «Тихий Дон» выпустило издательство «Шэнчжоу Гогуан шэ» под редакцией Лу Синя, который не только сам, своей рукой вносил исправления в перевод, но дал свой вариант названия роману — «Цзин цзинды Дунь хэ» — и написал к нему послесловие. Все это убедительно показывает, как высоко ценил Лу Синь творчество Михаила Шолохова».

В «Послесловии» к «Тихому Дону» Лу Синь аттестует Шолохова «как одного из самых талантливых писателей новой России». Далее Лу Синь в «Послесловии» полностью приводит взятый из немецкой коммунистической прессы небольшой, но не утративший значения и до наших дней отзыв о «Тихом Доне» известного писателя-антифашиста Фр. Вайскопфа о молодой советской литературе и Шолохове. И, очевидно, чтобы отразить удары гоминьдановской цензуры, а также в целях пропаганды советского романа, Лу Синь на обложку первого издания книги «Цзин цзинды Дунь хэ» вынес цитату из статьи Вайскопфа: «Тихий Дон» величием своей концепции, многогранностью жизни, проникновенностью своей формы напоминает нам «Войну и мир» Льва Толстого». Называя Шолохова «писателем совсем новым, вышедшим из народных масс», отмечая «всемирную известность» его романа, Лу Синь сообщал китайским читателям о том, что полный текст первой книги «Тихого Дона» можно прочесть в немецком издании и что вторая книга романа выйдет в свет в Берлине осенью 1930 года.

Нанося удар чанкайшистской цензуре, а заодно и всей гоминьдановской прессе (которая твердила о «гибели» русской литературы), Лу Синь смело писал: «Мы можем предложить нашим читателям перевод лишь первой половины первого тома «Тихого Дона»... В публикуемых главах мы еще не находим той ненависти, которая явилась предзнаменованием приближающейся революции, но авторская манера (стиль) в описании и своеобразного ландшафта и сложных, необычных человеческих чувств и характеров такая ясная, такая сжатая и так не похожа на дурные привычки других литераторов, пишущих витиевато и заумно, что можно полностью согласиться с Фр. Вайскопфом,— в России появилась новая, исполненная первобытной силы литература, которая уже сегодня горит ярким факелом. И когда (в Китае) появится полный перевод «Тихого Дона», наша литература, конечно, шагнет вперед, появятся и у нас новые писатели».

II

В истории Китая тридцатые годы памятны злодейским вторжением японских милитаристов в Маньчжурию, распрями генеральских группировок, позорными военными походами Чан Кай-ши против революционных баз Красной Армии, разгулом гоминьдановской реакции во всех сферах жизни страны. Диктатор Чан Кай-ши и правящая клика Гоминьдана в сговоре с зарубежными империалистами проводили политику раскола национальных сил, уступок японским агрессорам, забвения заветов Сунь Ят-сена о сотрудничестве Гоминьдана с компартией и дружбе Китая с Советским Союзом.

В ставке Чан Кай-ши и в ЦИК Гоминьдана политика антикоммунизма и антисоветизма стала доминирующей. Все русское и советское было поставлено вне закона.

Соратник Лу Синя, переводчик «Железного потока» Серафимовича профессор Цао Цзинхуа в 1957 году в большой статье о значении русской литературы для китайской молодежи тридцатых годов писал о том, как тогда «свирепствовал Чан Кай-ши», «запрещая издание книг, в которых встречались такие «опасные» слова, как «Россия», «Советский Союз», «классы», «материализм», «диалектика», «пролетариат». Был, например, запрещен даже рассказ Чехова «Дуэль», так как слово «дуэль» звучит по-китайски — «решительная схватка», а для реакционных правителей — «схватка», да еще «решительная», казалась чем-то ужасным»...

С каждым годом реакция в Китае все более наглела. Фашистский переворот в Берлине, приказы Гитлера об искоренении коммунизма и еврейских погромах, массовые книгосожжения в Германии в 1933 году, по свидетельству Лу Синя, «вызвали бурные восторги» в правящих кругах Гоминьдана. Наконец, в декабре 1933 года Центральный Комитет пропаганды Гоминьдана (по примеру Гитлера) отдал приказ о запрещении и сожжении в Китае 149 названий книг.

«В список попали,— с возмущением писал об этом варварстве Лу Синь,— большей частью произведения китайских писателей левого крыла, но запрещение распространялось и на переводы. Были изъяты произведения Горького, Луначарского, Серафимовича, Фадеева, Федина...» В числе запрещенных и подлежащих сожжению книг оказался и урезанный цензурой «Тихий Дон» Шолохова в переводе Хэ Фэя.

Однако в ту пору интерес революционной молодежи Китая к русским писателям оставался неугасимым. Ни карательные походы Чан Кай-ши, ни погромы полиции в библиотеках, издательствах и квартирах прогрессивных деятелей культуры, ни запреты, сожжения «красных» книг и террор не могли остановить хода истории. И даже казнь выдающегося революционера и писателя Цюй Цю-бо (переведшего на китайский язык «Интернационал», статью Ленина о Толстом, «Цыганы» Пушкина, два тома произведений М. Горького) и внезапная смерть великого вдохновителя подлинной культурной революции в Китае Лу Синя (19.10—1936 г.) не смогли остановить все возраставшего вторжения «красной» литературы и ее благотворного воздействия на самые широкие слои китайских читателей.

Подтверждением этого может служить выход в свет в 1936 году второй книги «Тихого Дона» в переводе Чжао Сюня и Хуан И-жаня (в Шан-

хае) в издательстве «Гуанмин» с множеством сокращений и изъятий.

«Многие страницы и главы этого выпуска второй книги «Тихого Дона» были сильно сокращены,— писал Цзинь Жэнь в 1940 году в Шанхае.— Я не пойму, то ли здесь сказалась ПРИМИТИВНОСТЬ английского перевода, то ли это результат безответственного обращения с шолоховским текстом у нас в Китае...»

Первая книга «Поднятой целины» М. Шолохова, как отмечал в свое время ее переводчик, коммунист Чжоу Ли-бо, вышла в свет в Китае «еще в период антияпонской войны (1936 г.) в сердце революции — Яньани, в условиях нехватки типографских средств и бумаги».

В «Послесловии» к шанхайскому изданию «Поднятой целины» (1936 г.) переводчик Чжоу Ли-бо назвал этот роман Шолохова «могучим произведением советской литературы, авторитетно возвестившим миру силу социалистического реализма».

К сожалению, мое письмо (декабрь 1962 г.) к Чжоу Ли-бо (лауреату Государственной премии СССР за роман «Ураган») и переводчику «Поднятой целины», видимо, не дошло. Из китайской прессы известно, что Чжоу Ли-бо вместе с «Поднятой целиной» Шолохова давно репрессирован кликой Мао. И для нас остается загадкой, как же Чжоу Ли-бо удалось преодолеть преграды чанкайшистской цензуры и издать «Поднятую целину» в Шанхае.

III

Полный перевод четырех книг «Тихого Дона» в Китае вышел в свет лишь в 1940—1941 годах в Шанхае благодаря переводчику Чжан Цзюнь-ти, который печатался под псевдонимом Цзинь Жэнь. Владея немецким, английским и русским языками, Цзинь Жэнь обнаружил в европейских и китайских переводах «Тихого Дона» множество «преднамеренных» сокращений шолоховского текста и выступил по этому поводу в 1936 году со статьей в журнале «Вэньи бао».

Значительно позже, в 1955 году, в пекинской газете «Дружба» Цзинь Жэнь писал: «Трудно переоценить важность и значение «Тихого Дона» в воспитании китайских литераторов и революционных кадров. В период гражданской и во время антияпонской войны в Китае герои «Тихого Дона» и жизнеутверждающий пафос романа воодушевляли революционных борцов на великий подвиг во имя Родины».

Очевидно, вот эта великая идея и вдохновила Цзинь Жэня взяться за перевод шолоховского романа еще в 1936 году, несмотря на исключительно трудные условия. Из «Послесловия» Цзинь Жэня от 8 мая 1940 года к переводу второй книги «Тихого Дона» (Шанхай, 1940 г.) мы узнаем, что его перевод шолоховского романа также «встретил на своем пути много терний и препятствий», что ему потребовалось «три с половиной года борьбы, чтобы перевод второй книги «Тихого Дона» вышел в свет!». Жизнь переводчика была крайне тяжела и полна лишений[1], но глубокая вера в величие «Тихого Дона» звала его на этот подвиг.

В тридцатые годы Цзинь Жэнь был мелким чиновником в одном из пограничных с Россией городов. В юности изучил русский язык. Прочитав однажды (даже изуродованный цензурой) «Тихий Дон», он сказал себе: «Отдать жизнь за идею — это девиз нашего времени». Взялся за это труднейшее дело и довел его до конца.

Из «Послесловия» Цзинь Жэня мы узнаем, что в тридцатые годы издательства опасались брать в печать роман советского писателя Шолохова, так как его книги были в списке запрещенных Гоминьданом. Но это не остановило энтузиаста Цзинь Жэня. И, несмотря на дороговизну бумаги, Цзинь Жэнь вынужден был все расходы по изданию перевода шолоховского романа принять на себя, а издательство «Гуанмин шуцзюй» наконец выпустило в свет вторую книгу «Тихого Дона» в Шанхае, оккупированном японцами!

Воистину это был подвижнический труд! Выполняя заветы великого гуманиста-писателя и борца Лу Синя, Цзинь Жэнь, не теряя времени, сразу же принялся за перевод первой книги «Тихого Дона», которую вскоре и выпустил в свет полным текстом. В своем предисловии от 4 августа 1940 года Цзинь Жэнь писал:

«...В полной мере я испытал горечь, которую пьет писатель от общения с нашими издателями... Я даже сомневался, хватит ли у меня духа перевести роман в 1 500 000 иероглифов. Однако я верил в «Тихий Дон»! К тому же я помнил, что сказал о нем великий Лу Синь: «В будущем, когда будет свершен полный перевод «Тихого Дона», он сможет помочь духовному росту наших писателей. И непременно поднимет силу духа читательских кругов нашей древней родины».

IV

Только в 1946 году в Китае были сняты все ограничения на издание переводов произведений советских писателей. Книгоиздательства крупных городов стали выпускать произведения Горького, Фадеева, Серафимовича, Гладкова, Шолохова, Федина и многих других.

В то время, пожалуй, наибольшую популярность в Китае приобрела «Поднятая целина» Шолохова. Шанхайское издательство «Шэнхо шудянь» дало в прессу рекламу о выпуске серии «ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» и открыло ее «Поднятой целиной» (с портретом Шолохова) в переводе Чжоу Ли-бо и его «Послесловием» 1936 года. Вслед за этим в 1946 году «Поднятая целина» переиздается в Пекине, в Дальнем, в Кантоне, Мукдене, Нанкине, Яньани и других городах.

«Поднятая целина» Шолохова в Китае становится знаменем социалистического реализма и образцом для революционных писателей. В 1950 году этот роман вновь издается массовыми тиражами в Пекине, Шанхае, Нанкине. В 1954 году в Китае были предприняты массовые издания этого романа пекинским издательством «Цзоцзя» («Писатель») с иллюстрациями советского художника А. Лаптева.

В эти годы Китай вступил на путь кооперирования сельского хозяйства. Из сообщений китайской прессы известно, что роман Шолохова «Поднятая целина» был принят на вооружение Компартией Китая. Участники проведения аграрной реформы,— писал из Пекина в «Литературную газету» в 1954 году известный профессор, депутат Всекитайского собрания народных представителей Цао Цзин-хуа,— рассматривали «Поднятую целину» Шолохова как руководящее пособие, ценный источник опыта. «Где бы мы ни находились во время этой напряженной борьбы, сообщали участники этой реформы, каждую свободную минуту мы старались использовать для того, чтобы еще раз внимательно изучить эту книгу».

И роман «Тихий Дон» в эти годы в Китае издавался много раз. Однако в послесловии переводчика Цзинь Жэня к четвертой книге этого «Тихого Дона» (июль 1957 года) мы впервые обнаруживаем грозные сигналы с литературного фронта Пекина. Цзинь Жэнь сообщает впервые о том, что в Китае появились начетчики, недовольные главным героем романа «Тихий Дон» Григорием Мелеховым, что некоторые из них «сомневаются, является ли роман Шолохова произведением социалистического реализма».

Будучи весьма эрудированным переводчиком и знатоком советской литературы, Цзинь Жэнь убежденно разъяснял: «Хотя Шолохов в качестве главного образа избрал крестьянина-середняка Григория Мелехова — человека колеблющегося, неустойчивого, чья трагедия пронизывает всю эпопею,— в романе «Тихий Дон» тем не менее отчетливо вырисовывается победа социализма, величие Советской власти, успехи руководимой коммунистами революции. В книге огромное количество глав и страниц, где автор воспевает героическую борьбу большевиков. Разумеется, роман, который воспевает социализм, воспевает Коммунистическую партию и утверждение Советской власти, есть произведение социалистического реализма, и иначе быть и не может».

С 1949 по 1958 год центральный орган компартии «Жэньминь жибао», другие газеты и литературные журналы КНР публиковали много статей о творчестве Шолохова, давая ему самую положительную, а зачастую и восторженную оценку.

Знаменитая писательница Дин Лин в статье «Учиться у Советского Союза» в 1949 году в газете «Дагун бао», восхищаясь методом и стилем Шолохова, признавалась: «На произведениях Шолохова я училась писать о крестьянской жизни».

Известный писатель Кан Чжо в 1954 году в статье «Об одном произведении» в журнале «Вэньи бао» писал о том, что «герои «Поднятой целины», преодолевая гигантские трудности, показали нам, как надо строить социализм, безгранично вдохновляли нас, наполняя наши сердца еще большей отвагой и верой в победу».

Комитет зарубежной литературы Союза писателей Китая в 1954 году в своем письме в Ленинградский университет с особой силой подчеркивал: «Шолохов — один из любимых писателей китайского народа. Его произведения «Тихий Дон», «Поднятая целина» получили широкое распространение в Китае. Китайские писатели учатся на его произведениях методу социалистического реализма. Широкие народные массы воспитываются на идеях его произведений. «Поднятая целина» рекомендуется в качестве дополнительного пособия для изучения «Генеральной линии» (КПК) и «Истории КПСС».

В январе 1955 года редакция газеты «Жэньминь жибао» обратилась к М. А. Шолохову с просьбой написать письмо к китайским читателям — ответить на ряд вопросов, волнующих китайскую общественность. 5 января 1955 года в «Жэньминь жибао» было напечатано письмо М. А. Шолохова, которое вызвало отклики в китайской прессе.

В 1957 году журнал Союза писателей Китая «Вэньи бао» организовал конкурс «На лучший отзыв о произведениях советских писателей», опубликовав много прекрасных статей, которые затем в августе 1958 года были изданы в сборнике «Спасибо советской литературе за то, что она мне помогла».

Среди этих статей заслуживает внимания «Открытое письмо к товарищу Шолохову» от партийного агитатора Фэн Цзянь-наня из города Чжанцзяноу, который был послан партией в деревню Ба Гэда, уезда Чжанбай (пр. Хэбэй), для участия в коллективизации. Редакция «Вэньи бао» напечатала это письмо под символическим заголовком: «Вместе со мною участвовать в большом споре на село отправился Давыдов».

Письмо партийного агитатора Фэн Цзянь-наня — это не только великолепный отзыв о «Поднятой целине», но и примечательный интернационалистский документ эпохи. Выражая Шолохову «сердечную благодарность» за его роман, Фэн Цзянь-нань пишет: «Ваша «Поднятая целина» стала для меня учебником жизни. ...Товарищ Шолохов, в эти дни (1957 г.— К. П.) китайское крестьянство втянуто в большой спор: идти по социалистическому пути или же по капиталистическому. Спорят все, спорят до того, что лица багровеют и горят уши... Могу прямо Вам сказать: Ваш Давыдов вместе со мной пришел в деревню Большая Гэда и вместе со мной принял участие в большом споре. Я считаю, что Давыдов — один из самых любимых героев в нашей жизни и в произведениях современной литературы. Крепкая партийность, непреклонная решительность и энергия, близкие связи с массами, горячая любовь к делу коммунизма и самоотверженность характеризуют его как замечательного коммуниста».

Давая в письме партийную оценку образу Давыдова, Фэн Цзянь-нань отмечает, что его предостережения Нагульнову и Разметнову о борьбе с «левыми» и «правыми» очень полезны и у нас здесь, для наших партийцев и кадровых работников на селе, что в действиях Давыдова он нашел ценных советов больше, чем «в директивах ЦК и циркулярах провинциального и местного парткомов» и что, «вдохновленный образом Давыдова», он также «участвовал вместе с крестьянами в уборке урожая, научился жать пшеницу, копать картофель и на работе не был немым!.. Я пишу Вам, товарищ Шолохов, чтобы Вы знали, как помог мне, как поддержал меня созданный Вами образ Давыдова». В заключение партийный агитатор и строитель колхоза деревни Большая Гэда Фэн Цзянь-нань сообщает, что «из второй книги «Поднятой целины» он прочел лишь несколько глав», что «очень хочет поскорее прочитать весь роман», и приглашал Шолохова в Китай «погостить, пожить в сельскохозяйственном кооперативе. Мы будем, товарищ Шолохов, приветствовать Вас от всего сердца!».

Все эти документы писателей Дин Лин, Кан Чжо, Чжоу Ли-бо, переводчика Цзинь Жэня, партийного агитатора Фэн Цзянь-наня — победителя всекитайского конкурса «За что мы любим советскую литературу» — ярко и убедительно свидетельствуют о том, что творчество М. А. Шолохова в Китае было принято на вооружение компартией и всеми трудящимися.

V

Так было в Китае до начала 60-х годов. Затем, как известно, во внутренней и внешней политике правителей Пекина происходит крутой поворот, вскоре приобретший явно великоханьскую, националистическую и антисоветскую тенденцию. В Китае появились запреты на издания советских книг. Задержана публикация второй книги «Поднятой целины», запрещено новое издание «Тихого Дона».

Активные пропагандисты советской литературы — Дин Лин, Кан Чжо, Чжоу Ли-бо, Цзинь Жэнь, Цао Цзин-хуа и многие другие — пропали без вести. Над бесстрашными борцами за свободу и независимость Китая, над писателями-интернационалистами, над теми, кто был гоним и преследуем охранкой Чан Кай-ши и кто остался верен заветам Сунь Ят-сена, Лу Синя и Цюй Цю-бо о дружбе с Советским Союзом,— над всеми этими подвижниками повис меч Мао Цзэ-дуна!

1966 год вошел в историю Китая как год не-

[1] Ученик и последователь великого гуманиста писателя Лу Синя, выдающийся переводчик Цзинь Жэнь был гоним и преследовался охранкой Чан Кай-ши, а затем и японскими оккупантами за работу над переводом «Тихого Дона». Но как же жестока оказалась судьба для Цзинь Жэня, коль в маоцзэдуновском Китае его перевод «Тихого Дона» в 1966 году сожжен на кострах, а сам переводчик Цзинь Жэнь, попав в лапы хунвэйбинов, пропал без вести!!!

слыханных по своим масштабам книгосожжений, затмивших костры Гитлера 1933 года в Германии. И это варварство официальная пресса Пекина именовала «великой пролетарской культурной революцией», совершаемой якобы «стихийным» движением народных масс. В действительности же бесчинства хунвэйбинов были инспирированы Мао Цзэ-дуном и его кликой. Подтверждение этому мы находим в центральном органе КПК — газете «Жэньминь жибао» от 29 мая 1967 года, в приснопамятном «Протоколе Всеармейского совещания по вопросам работы в области литературы и искусства», которое проводила жена Мао — Цзян Цин по поручению Линь Бяо в Шанхае с 2 по 20 февраля 1966 года. Из «Протокола» видно, что совещание было посвящено не вопросам эстетического воспитания солдат и художественной самодеятельности в армии, а разъяснению «железных директив» Линь Бяо по защите пошатнувшегося авторитета Мао и его шовинистических идей, которые должны стать «символом веры китайского народа и всего человечества на десятки тысяч лет». Из «Протокола» явствует, что именно Цзян Цин призвала «сбросить на свалку истории Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Станиславского как буржуазных идеологов» и выбросить из библиотек Китая все советские книги и прежде всего произведения «родоначальника ревизионистской литературы и искусства Шолохова», который «оказал большое влияние на некоторых китайских писателей и читателей».

Упомянутый «Протокол» (Шанхай, февраль 1966 г.), а также и вся пекинская пресса подчеркивают, что теоретической основой «культурной революции» в Китае являются «Выступления по вопросам литературы» Мао Цзэ-дуна на совещании в Яньани в мае 1942 года.

Справедливости ради отметим, что эти «Выступления по вопросам литературы» Мао Цзэ-дуна являют собой конгломерат эклектических, нигилистических, а с учетом нынешней «культурной революции» — сугубо националистических суждений схоласта и демагога.

Какова цена клятвам Мао, можно судить по тому факту, что с 1966 года в Китае все книги социалистического реализма — М. Горького, А. Толстого, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева и произведения многих других авторов — изъяты из всех личных и государственных библиотек и преданы сожжению!

Так заветные идеи яньаньских «Выступлений по вопросам литературы» Мао (1942 г.) — великоханьский шовинизм, нигилизм и обскурантизм — к 1966 году прояснились и были возведены в ранг государственной политики, враждебной КПСС, СССР и всему международному коммунистическому движению.

* * *

В 1966—1968 годы китайская пресса была запружена великим множеством лживых статей против советских писателей и в особенности против Шолохова. Ведущая газета маоистов «Жэньминь жибао» в этой клеветнической кампании задавала тон, предоставляя целые страницы гнусным фальсификациям и грубой брани в адрес автора «Тихого Дона».

Так, например, 22 октября 1967 года редакция «Жэньминь жибао» всю 5-ю «Литературную страницу» отвела статье клеветника Ши Хун-ю, который в слепой ярости именует Шолохова «смертельным врагом диктатуры пролетариата» (?!!). И этот гнусный вымысел Ши Хун-ю пытается подкрепить ссылками на «Донские рассказы» Шолохова. Извращенно излагая сложный сюжет рассказа «Путь-дороженька», он называет главного героя «Путь-дороженьки» — комсомольца Петра Кремнева (который, застрелив сотника, сагитировал махновцев сдаться красным!) — «отщепенцем, капитулировавшим перед врагом». Столь лживая трантовка сюжета этого рассказа и образа Петьки потребовалась Ши Хун-ю для того, чтобы объявить Петьку юным Шолоховым (?!), который, по уверению «Жэньминь жибао», «уже в 1921 году изменил Октябрю».

И если хунвэйбины не сожгли библиотеку в редакции «Жэньминь жибао», то ее редакторы могли бы у себя найти книгу «Дуньхэ Гуши» («Донские рассказы») Шолохова, изданную в Шанхае в 1959 году («Вэньи чубаньшэ») и в послесловии знатока русской литературы переводчика Цао Ина прочесть следующее: «В «Донских рассказах» авторская позиция предельно ясна: Шолохов горячо воспевает благородство характеров, замечательные качества революционеров и безжалостно разоблачает реакционную сущность контрреволюции...»

Таковы факты. Такова правда о юности Шолохова и неувядаемая прелесть его «Донских рассказов», в которых воспета революционная романтика и утверждение коммунистической нови на русской земле!

23 октября 1967 года «Жэньминь жибао» опубликовала инсценировку «Борьба с ревизионизмом на экзамене (Наш студент, обучавшийся в СССР, громит Шолохова)» без указания ее автора.

В СССР и за рубежом всем известно, что Шолохов с первого дня войны и до ее окончания был в действующей армии, участвовал в сражениях, был ранен и что статьи Шолохова с фронта — «На юге», «Военнопленные»,— знаменитый очерк «Наука ненависти» и многие другие были для советского народа и Красной Армии в годы войны пламенным словом — оружием в борьбе против гитлеровских оккупантов.

Тем не менее клеветники «Жэньминь жибао» устами «студента» — главного действующего лица этой инсценировки — уверяют, что «Шолохов и... герой рассказа «Судьба человека» Соколов выступают против войны типа Отечественной, а это значит, и против всех справедливых войн». И далее этот «студент» клевещет, что в этом «главная идея Шолохова».

Зачем редакция «Жэньминь жибао» прибегла к столь грубой фальсификации? Ответ этому мы находим на той же странице в статье обозревателя Синь У «Поговорим о человеке, достойном подражания», который дает восторженную оценку клевете «студента» и снова повторяет директиву Линь Бяо: «В схватке с Шолоховым надо быть достаточно смелым» — и предает проклятию Советский Союз.

Но особенно яростно выступают гангстеры «Жэньминь жибао» против шолоховского романа «Поднятая целина».

Выше мы цитировали сообщение переводчика Чжоу Ли-бо о том, что с 1936 года издание «Поднятой целины» на китайском языке рассматривалось как крупнейшее событие на литературном и политическом фронте Китая. Еще недавно «Поднятая целина» была настольным руководством для всех кадровых работников партии на селе при проведении коллективизации в Китае. 12 июня 1950 года редакция газеты «Жэньминь жибао» печатала на своих страницах статью У Ши-чуня под знаменательным заголовком «Воспитательное значение «Поднятой целины» в Китае».

Партийный работник Ян Цзи-яо из Тайшаня в письме к М. А. Шолохову 9 февраля 1959 года (присланном в редакцию журнала «Советско-китайская дружба»), сообщая о «народных волнениях, которые были в некоторых районах Китая весной 1957 года», писал: «При критике товарищей, которые допустили ошибки (порочные методы при преодолении противоречий внутри народа), ваш герой Давыдов явился для нас эффективным средством воспитания и примером подражания...» Приглашая М. А. Шолохова к себе в гости, Ян Цзи-яо подчеркивал: «Необычайно велика вдохновляющая роль Ваших произведений для социалистического строительства в нашей стране и для воспитания народа. Именно поэтому я и, конечно, не только я, а все знающие Вас китайцы относятся к Вам с особенным уважением и будут приветствовать Ваш приезд в Китай».

Таково было еще недавно в Китае отношение к «Поднятой целине» и Шолохову.

Но вот по приказу Линь Бяо вся советская литература объявлена «ревизионистской», а Шолохов — «родоначальником ревизионизма», и редакция «Жэньминь жибао» в 1966—1968 годах отводит десятки своих страниц злобным выступлениям против Шолохова и «Поднятой целины».

В буржуазной прессе нам приходилось читать всевозможные домыслы и выдумки о «Поднятой целине». Но столь бредового извращения главной идеи великой эпопеи о коллективизации еще нигде не было. Ведь всему миру известно, что «Поднятая целина» Шолохова — это гимн коллективизации и диктатуре пролетариата в СССР!

Общеизвестны ленинская партийность, народность, русская национальная самобытность таланта Шолохова, неповторимо яркое шолоховское видение мира во всем его многообразии, изменении и развитии в романе «Тихий Дон». Всем памятно, что И. Сталин, прочитав первые книги «Тихого Дона», назвал Шолохова (в письме к Ф. Кону в 1929 году) «знаменитым писателем нашего времени». Известно, что Горький, потрясенный романом «Тихий Дон», в 1928 году в письме к писателю Касаткину восхищенно воскликнул: «Шолохов, судя по первому тому, талантлив... Каждый год выдвигает все больше талантливых людей. Вот это радость. Очень, анафемски, талантлива Русь».

И выдающийся китайский революционер, публицист Цюй Цю-бо в статье «Европеизированная литература», ведя борьбу за создание новой письменности и языка, за создание новых литературных форм, доступных широким народным массам, призывал китайских писателей учиться на опыте «русской пролетарской литературы». Ставя в пример роман «Тихий Дон» Шолохова, Цюй Цю-бо 5 мая 1932 года в журнале «Большая Медведица» писал: «Если бы китайская революционная европеизированная литература могла воспользоваться такой же простой формой, как это имеет место в «Тихом Доне», ее влияние, вне всяких сомнений, гораздо быстрее распространилось бы на широкие массы народа...»

Но вот в Пекине, окутанном мглою и дымом невиданных в истории книгосожжений, в «Жэньминь жибао», источающей чад великоханьского шовинизма, новоявленные «теоретики» в исступленной злобе против всего советского и русского трубят: «Тихий Дон» — это ядовитая трава», «Шолохов — враг ленинского принципа партийности в литературе», «Шолохов против отображения героических образов рабочих, крестьян и солдат» и что во второй книге «Тихого Дона» запечатлена казнь отряда Подтелкова для того, чтобы «высказать лютую ненависть самого Шолохова к Красной Армии и Советскому Союзу».

Надо ли отвечать на эту злобную клевету? Ведь для каждого, кто знаком с «Тихим Доном», ясна честность авторской позиции, историческая правдивость и неувядаемая художественная прелесть этого шедевра века.

Летом 1968 года на шолоховскую выставку, посвященную 40-летию «Тихого Дона», мы получили письмо известного прогрессивного английского писателя Джеймса Олдриджа, которое заслуживает внимания широкой общественности.

«Тихий Дон» Шолохова,— пишет Дж. Олдридж,— был для большинства людей моего поколения первым знакомством с новым родом литературы о новом роде общества, и мы никогда не забудем этого знакомства. «Тихий Дон» вырос как буйные травы из событий 1917 года, и его самородный пыл и социалистическое понимание точно соответствовали тому волнующему моменту. Мы узнали из этой книги не только, что значит революция, но и то, что она сделала с жизнью людей, и как невероятное противоречие между старым и новым создало конфликт, который в действительности был настоящей проблемой в первые двадцать лет Советской власти.

«Тихий Дон» остается таким же, каким он был. В Советском Союзе нет такой же другой книги, и ее можно перечитывать снова и снова и каждый раз открывать новые качества, пропущенные прежде. Это подлинное советское искусство, и оно будет служить новым поколениям так же, как оно служило тем из нас, кто был рожден с революцией и рос с ней».

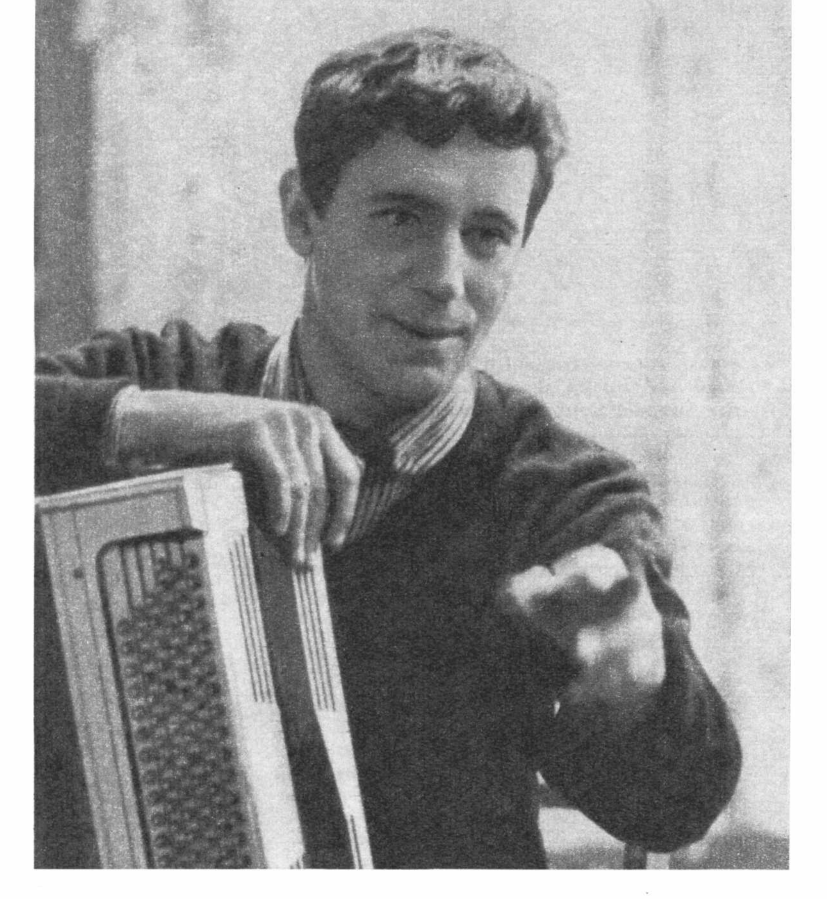
На наш взгляд, это письмо Джеймса Олдриджа является лучшим ответом гангстерам «Жэньминь жибао».

Статьи китайской прессы и в особенности «Жэньминь жибао» о Шолохове за последние годы поражают лживостью, вульгарностью и невежеством. Рассчитанные на темных, отсталых людей, бредовые измышления «Жэньминь жибао» являются показателем политического маразма маоистов, их измены принципам марксизма-ленинизма.

Советский народ и все прогрессивное человечество знают истинную цену «Тихому Дону» — шедевру социалистического реализма. Поэтому сожжение «Тихого Дона» и «Поднятой целины» на кострах в Китае, кликушество хунвэйбинов по пекинскому радио и в газетах, истерическая ругань и клевета на Шолохова — еще одно свидетельство обреченности маоизма в Китае. «Тихий Дон» уже сжигали на кострах Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Чан Кай-ши в Китае. Но где они — эти поджигатели?

А «Тихий Дон», перешагнув костры Гитлера, Муссолини, Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дуна, будет продолжать свое триумфальное шествие по нашей планете!

г. Ростов-на-Дону.

Вячеслав Новиков — руководитель ансамбля гармонистов.

САРАТОВСКАЯ С КОЛОКОЛЬЧИКАМИ

Наталья АЛЕКСЕЕВА

Сегодня наш рассказ — о гармошке. О той самой гармошке с колокольчиками, чей веселый, звонкий голос придает какую-то особенную теплинку и городу по имени Саратов.

Нас, москвичей, этой музыкой не очень балуют. Слышим мы саратовскую гармонь редко, да и то в основном по радио, или — как случилось прошлым летом — по телевидению, в кинохронике Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, где ансамбль саратовских гармонистов получил золотую медаль.

Мне повезло больше, чем радиослушателям и телезрителям. Я побывала в Саратове с заданием редакции: во-первых, разыскать ансамбль, награжденный в Софии, а во-вторых, познакомиться с работой единственного в мире цеха при фабрике музыкальных инструментов, где выпускается этот замечательный инструмент. Официально, по паспорту фабрики, он именуется: гармонь «саратовская с колокольчиками».

I

Найти ансамбль гармонистов Дома культуры профтехобразования оказалось очень легко. Каждый вечер с пяти до десяти в старом здании речного училища (Дом культуры пришел в ветхость и сейчас ремонтируется) руководитель ансамбля Вячеслав Новиков занимается со своими ребятами.

Их сейчас двадцать четыре. Но на концертах обычно выступают всего двенадцать: только самые способные. Да и инструментов не хватает, чтобы участвовали все сразу. Уж очень трудно, оказывается, заказать настоящую концертную гармошку.

«Как? В городе, где ее выпускают, трудно?» — спросите вы. Да, в том самом — и все-таки трудно. Но об этом после.

Мы приходим в училище в самый разгар занятий. Когда движемся по длинному и довольно мрачному на вид коридору, слышим бойкий перезвон колокольчиков. И, как бы подхваченные нежной, но сильной волной этих звуков, мы вмиг оказываемся возле двери, откуда доносится музыка. Нам кажется, что дверь эта открывается в сказку... И вот они уже перед нами — волшебники, веселящие своим редким искусством душу слушателя.

В небольшой комнате сидят несколько парней и парнишек. Самому старшему — двадцать семь, самому маленькому — семь лет. Очень слаженно, с увлечением играют. Звуки, извлекаемые из маленьких, таких простых с виду инструментов, поднимают в душе радость. Подобная радость возникает обычно тогда, когда после долгих, трудных путешествий и исканий неожиданно находишь то, что раньше потерял, казалось бы, насовсем... Под музыку «саратовской с колокольчиками» невозможно спокойно усидеть на месте!

Ребята, заранее осведомленные о прибытии фотокорреспондента, надели концертные рубахи, и зрелище перед нашими глазами предстало необыкновенное. Желтые, сиреневые, голубые, оранжевые наряды блестят и переливаются, радугой отражаясь в черных зеркальных поверхностях инструментов; парни переглядываются и лукаво перемигиваются, переговариваясь между собой на понятном для всех языке гармошки. Время от времени в руках одного из самых юных исполнителей неизвестно откуда появляется крошечная, величиной с кулачок, гармошечка; и юный виртуоз, гордясь своим искусством, начинает извлекать из нее бойкие, замысловатые трели...

Но скоро волшебство прекращается. Вячеслав Новиков, 27-летний руководитель ансамбля, отпускает всех на пятиминутный отдых.

Вячеслав руководит коллективом с 1958 года. А возник ансамбль при Доме культуры профтехобразования еще в 1947-м (тогда в нем было три человека). Первого руководителя — Семена Павловича Портнова — нет в живых, но до сих пор от старшего поколения ансамбля к младшему переходят легенды о жизни этого замечательного человека, рассказы о том, как служил Семен Павлович в Чапаевской дивизии и как сам Чапай плясал под саратовскую гармонь...

Вячеславу Новикову не было еще семнадцати, когда он, участник ансамбля, стал им руководить. Вся его жизнь теперь проходит тут, в ансамбле...

— Скажите, это очень трудно — научиться играть на «саратовской»?..

— С точки зрения техники игры,— говорит Вячеслав,— особых трудностей нет... Но что необходимо, так это глубокое понимание народных волжских мелодий. Иначе не будет самобытности, и тогда эффект гармошки пропадет. Когда я служил в армии, пытался создать там ансамбль: ребята все попались вроде бы музыкальные, все бывшие баянисты, но вот того, чего я хотел от них добиться, не получилось. Не уловили они характера волжских песен. Не почувствовали особенностей «саратовской» гармони... Боюсь,— улыбнулся Слава,— что здесь так же, как в изготовлении инструмента, есть свои тайны...

Он говорит, что ансамбль хочет подготовить фольклорную программу: песни и танцы народов Поволжья. Сейчас набирают мальчишек и девчонок в танцевальную и вокальную группы. Заодно разучивают «Фантазию на волжские темы»...

В Саратовской области всего шесть ансамблей гармонистов. Коллектив Дома культуры профтехобразования является как бы «прародителем» всех остальных, потому что новые, молодые ансамбли возглавляют питомцы первого, новиковского. Да и репертуар свой они тоже берут здесь.

...Занятия подходят к концу. Но ребята не торопятся расходиться по домам, хотя у одних завтра — школа, у других — работа. Самый младший гармонист, 7-летний Саша Михайлин, снова и снова повторяет какую-то, очевидно, нелегко ему дающуюся музыкальную фразу. А Саша Егоров, 18-летний «ветеран» ансамбля (он играет с пяти лет), помогает маленькому Саше. Третий гармонист, уже надев было пальто и шапку, опять садится на скамейку, сделанную в виде березового пенька, и начинает протяжную русскую песню... На разные голоса заливаются знаменитые «саратовские с колокольчиками». Дружно растягиваются мехи, обтянутые зеленым атласом, мелькают пальцы, и лица ребят вновь и вновь освещаются радостью, влюбленностью в свою мелодию... И неважно, что у каждого гармониста на большом пальце правой руки образовалась от ремешка «вечная» мозоль, похожая на железную корку.

Репертуар ансамбля не очень велик, все вещи ребята вынуждены подбирать сами, на слух. Играют «Волжскую польку», «Саратовские переборы», мелодии Дунаевского... А к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина ребята создают фантазию на темы любимых волжских песен Ильича. Хочет еще Вячеслав переложить на гармошку одно из произведений Баха и уверен, что хорошо получится!..

Ко всему сказанному можно добавить, что коллектив участвует во всех фестивалях самодеятельного искусства, постоянно получая при этом дипломы и почетные грамоты. Ездил на фестивали дружбы в Монголию, Чехословакию... Выступления его всюду пользуются большим успехом...

II

Где же рождается эта удивительная певунья, гармонь «саратовская с колокольчиками»?..

Мы пришли в цех. И стало ясно, что если бы саратовская гармонь могла сама рассказать о своей судьбе, печальная это была бы история.

Производят гармонь кустарно. Мастеров в цехе осталось мало. Да и делают ее, бедную, из плохих материалов.

Нынешний директор фабрики музыкальных инструментов Валегура Игорь Теофилович (производство он принял совсем недавно) поделился планами на будущее.

— Решил собрать коллекцию инструментов лучших гармонных мастеров прошлых лет, чтобы узнать, где же предел ухудшения (или улучшения?!) нашей теперешней гармони... Хочу видеть перед собой образец!..

Ну что же, пусть Игорь Теофилович собирает эту интересную коллекцию. Она нужна. А пока познакомимся с положением дел в цехе.

В результате постоянных перебрасываний этого горемычного цеха из ведения одной организации в ведение другой на работе осталось всего тридцать человек. А ведь еще не так давно их было сорок! Опытные рабочие ушли, потому что надоели им постоянные мытарства, неинтересно стало работать с плохим материалом. Теперь эти замечательные мастера разбрелись кто куда: одни пошли в пожарники, другие — в кассиры... Правда, гармони они, мастера эти, продолжают делать, но уже по заказу частных лиц. Инструменты, сделанные ими, разумеется, прекрасны. Концертная гармонь стоит 200 рублей! И это как раз такие гармони, о которых денно и нощно мечтают местные саратовские ансамбли!..

Цех сейчас производит в основном гармошки ценою по 27 рублей. Эти «инструменты» годятся лишь на сувениры для магазина «Березка». А чтобы добиться заказной концертной гармони, местным исполнителям надо через такие мытарства пройти, на которые не у всякого хватит терпения.

Из разных городов страны на фабрику каждый день приходят десятки писем. В них одна просьба: вышлите «саратовскую с колокольчиками»!.. Часто это бывают просьбы профессиональных баянистов или аккордеонистов. Иногда пишут коллекционеры музыкальных инструментов. Их просьбы удовлетворяют, высылая... ту самую «сувенирную» гармошку, которая, по свидетельству участников ансамбля Дома культуры профтехобразования, для выступлений вовсе не годится!..

Боюсь, что сейчас мало кто в нашей стране представляет себе, какой была с самого начала своего появления на свет саратовская гармонь; какое место занимала

СПАСИБО ВАМ, БАТЬКО!..

Льву Николаевичу Ревуцкому восемьдесят. Горячими вороными прошумели годы...

Когда я только-только мечтал о музыке, композитор Ревуцкий казался мне человеком суровым и неприступным. Причиной тому была, вероятно, его популярность в народе и, пожалуй, еще фамилия. Что-то грозное, «ревущее» слышалось мне в ней. И как же я удивился, увидев в консерватории на вступительном экзамене не «жреца» от музыки, нарисованного воображением, а обыкновенного, очень мягкого и даже застенчивого человека, с глазами, излучавшими доброту, сердечность,— того самого Льва Николаевича Ревуцкого, с которым счастливая судьба свела меня в пору не очень для меня веселую. Так уж случилось тогда, что двери консерватории едва было не захлопнулись перед моим носом. Но Лев Николаевич не дал скиснуть, ободрил отцовским словом, дружеским советом. И понял я, что путь в искусство нелегок, он требует огромных усилий, напряжения, выдержки. Часто с благодарностью вспоминаю я ту, первую, встречу.

О народном артисте СССР Л. Н. Ревуцком, композиторе и педагоге, написано много. Известна его роль как одного из основоположников украинской советской музыки. Им созданы произведения, вошедшие в золотую сокровищницу отечественной культуры. Ученик и последователь великого Николая Лысенко, в своей творческой и педагогической деятельности Л. Н. Ревуцкий неуклонно развивает реалистические, глубоко народные музыкальные традиции.

Не один год «выпускники» его школы, ученики его В. Кирейко, Г. Жуковский, Г. Майборода, Н. Дремлюга, В. Гомоляка — всех не перечесть — плодотворно трудятся на благодатной ниве музыки. Далекие от всяких «модернов» псевдоноваторства, за которыми часто прячется не что иное, как убожество мысли и бесталанье, они продолжают проверенные временем и человеческими сердцами традиции, воспринятые в школе Ревуцкого. В широкий мир жизни понесли они страстные и волнующие мелодии, а это значит, что мелодиям этим уже никогда не угаснуть, не умолкнуть. Но чтобы голоса соловьят, улетевших из гнезда, мужали и крепли, он, научивший их петь, продолжает полет с ними рядом, увлекая их собственным примером верности.

Подлинный талант всегда человечен. В студенческие годы мы часто принимали доброту своего учителя, не догадываясь, кому ей обязаны. Лев Николаевич помогал нам, даже материально, и всегда делал это с тактом, оставаясь в тени. Как-то мы узнали, что кое-кому из нас, в том числе и мне, дирекция консерватории решила немного повысить стипендии. А позже выяснилось: то была поддержка Льва Николаевича из его личных средств.

Такое не забывается.

Война разбросала нас по фронтам. И какими дорогими оставались в то грозное время и уроки Льва Николаевича, и его улыбка, и родные стены консерватории! Не догадывались мы, что на запыленных и политых кровью дорогах и тогда за каждым из нас внимательным взглядом с тревогой следит учитель.

Льву Николаевичу Ревуцкому восемьдесят лет. Пятьдесят он отдал искусству. И поныне принадлежит музыке каждая минута его жизни. Сегодня утром я встретился с ним у подъезда — мы живем в одном доме. Композитор спешил в Музфонд с папкой новой партитуры в руках. Однажды шел я со своим другом Всеволодом Рождественским, тоже учеником Ревуцкого, по улице. Догоняет нас Лев Николаевич. Обменялись двумя-тремя словами, он извинился: «Ну, я побегу, уж очень вы медленно шагаете!»

Вот так! И сегодня и завтра — в работе, в гуще жизни, среди людей, для людей.

В день вашего юбилея примите от нас, батько Левко, сыновью любовь и верность всему, чему вы нас учили. Мы будем всегда в меру сил своих и умения честно служить народу, искусству, нашей культуре.

Вы создали и раздольные, как степи родной стороны, музыкальные полотна, и прекрасную музыку для фортепиано, и волнующие песни. Ваш творческий труд удостоен орденов и лауреатских отличий, ученых степеней и звания Героя Труда. Народ платит вам своей благодарностью, уважением и любовью. Примите же и от нас, учеников ваших, низкий земной поклон.

Платон МАЙБОРОДА

она в мире музыкальных инструментов. И не то что по звучанию, но даже по своему внешнему виду! Ведь сейчас люди получают лишь жалкое подобие некогда прекрасного инструмента — игрушку, обклеенную красным или синим целлулоидом, обтянутую пестреньким ситцем!..

Мне-то лично посчастливилось увидеть настоящие концертные гармони. И я даже могу описать их. Прежде всего у них строгая черная поверхность. И на мехах не ситец, а атлас или даже панбархат; изящнейшая и сложнейшая ручная резьба по дереву... Уж от одного этого инструмент сам по себе становится произведением искусства!

Но качеством звучания даже эти красивые гармошки похвастаться не всегда могут. А в памяти народной до сих пор живы инструменты старейших дореволюционных мастеров, начиная с Артемьева...

— Да с чего им хорошо звучать,— с горечью говорит мне Вячеслав Новиков о нынешних гармонях,— если для них даже дерева хорошего не дают! Сломают старое, дряхлое пианино — и на гармошки его!.. От таких «инструментов» половины того звука не получишь, который нужен, чтобы наша, саратовская, звучала повсюду и радовала людей!..

III

Теперь пора бы сделать и вывод. Из рассказов как руководителя ансамбля Дома культуры профтехобразования, так и исполнителей я поняла: в Саратове все любят свою гармошку! Гордятся ею, любят дарить при случае в качестве сувенира друзьям. Но мало кто всерьез интересуется, каково-то ей живется на свете... А жаль!

Жаль потому, что есть еще в Саратове прекрасные гармонные мастера! Алферов, Борисов, Комаров, Текучев... Все эти замечательные умельцы любят дело, которому отдали жизнь. Они и сейчас верны ему. И не унывают, с нетерпением ожидая необходимых перемен и с радостью встречая любые, хотя бы и самые незначительные, улучшения...

В разговоре с одним из таких мастеров, Алексеем Васильевичем Борисовым, я было начала сетовать, что помещение цеха тесновато и невзрачно. Но Алексей Васильевич перебил меня:

— Ну что вы! Не видели и не знаете, в каких условиях мы работали раньше. Теснотища да духотища, негде повернуться!.. А сейчас у нас светло и свободно. К тому же начинаем потихоньку механизировать некоторые процессы. Так что, думаю, дело наше наладится! Уж мы не дадим ему пропасть!

И глядя на таких, как мастер Борисов, понимаешь: они отстоят саратовскую гармонь! Но хотелось бы узнать, что думают на сей счет в отделе культуры Саратовского облисполкома...

Из тысячи голосов отличишь голос саратовской гармони — очень родной, очень национальной да и за пределами нашей Родины известной! И верится: будет жить «саратовская с колокольчиками»!.. Жить до тех пор, пока есть Россия, есть русские люди, их вера в прекрасное, их любовь к прекрасному. А это значит — вечно.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

Еще вчера ансамбль саратовских гармонистов Дома культуры профтехобразования давал концерт в Днепропетровске. А сегодня гармонисты приехали в Москву по приглашению ЦК ВЛКСМ. Буквально за несколько часов до возвращения в Саратов ребята успели показать свое искусство в редакции «Огонька».

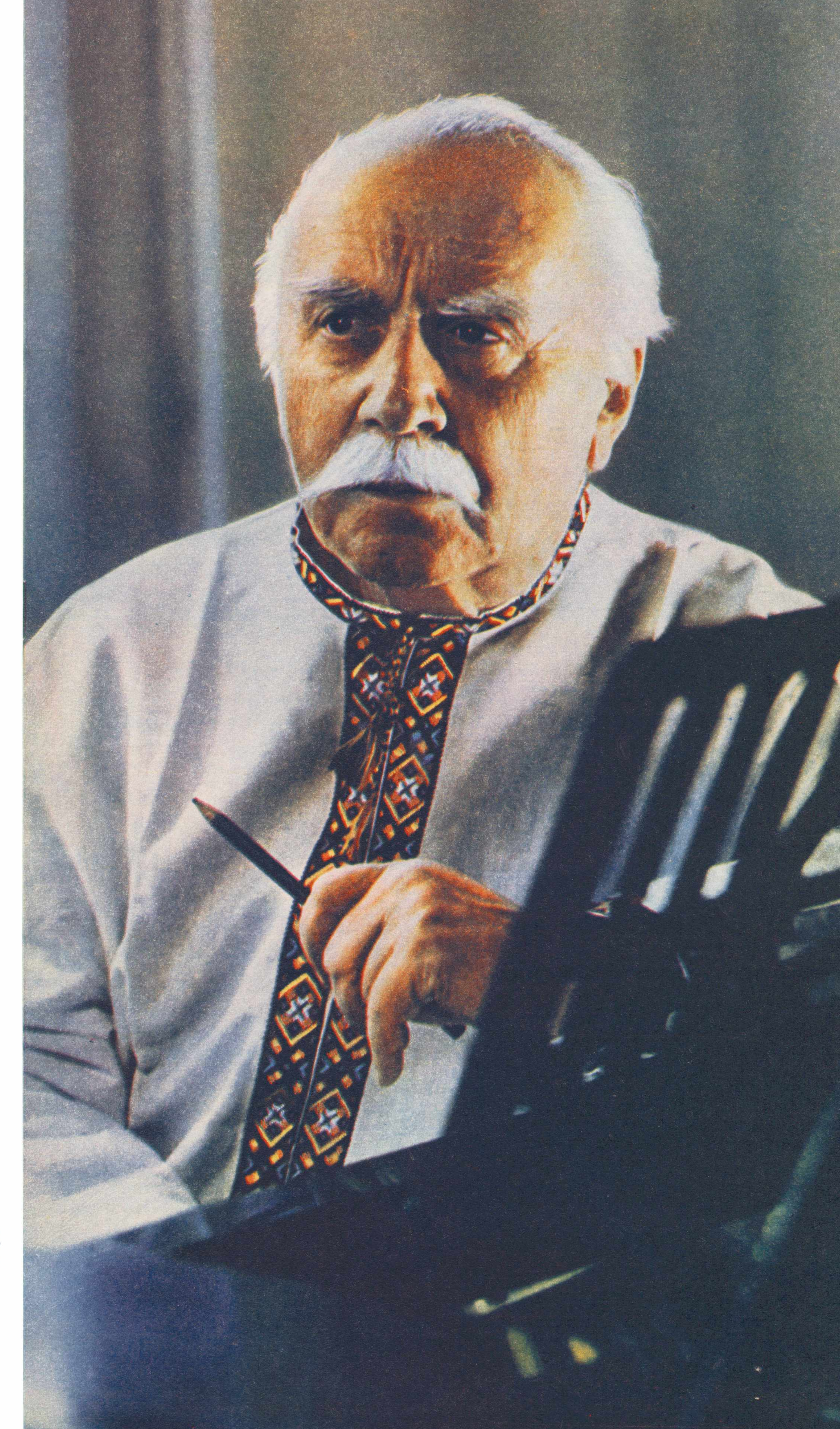
Веселое, искреннее исполнение русских народных мелодий покорило сердца слушателей. И потому, когда самый младший наш гость, десятилетний Женя Яркин с достоинством объявил: «Наш маленький концерт окончен»,— никому не хотелось расставаться с новыми друзьями.

Но что поделаешь! Дома у музыкантов и работа и учеба. Да еще подготовка к следующему фестивалю самодеятельного искусства.

Фестиваль этот будет летом проходить в Москве. Так что до новых встреч, дорогие саратовцы!

Т. ПОЛУШИНА

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, композитор Лев Николаевич Ревуцкий.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Фильм «Братья Карамазовы». По одноименному роману Ф. Достоевского.

Фото И. НАЗАРОВА.

Федор Павлович Карамазов — М. Прудкин.

Алеша — А. Мягков.

Грушенька — Л. Пырьева, Дмитрий — М. Ульянов.

Возвращение к „Карамазовым"

ЗАМЕТКИ О КИНОФИЛЬМЕ

Юрий СБИТНЕВ

Пожалуй, ни одному из великих писателей мира пожизненно и посмертно не было уготовлено то, что Федору Михайловичу Достоевскому. Его поднимали на щит и сбрасывали со щита, его казнили и рядили в одежды спасителя, его сжигали и воздвигали на пьедестал, о нем спорили и спорят до сих пор во всех уголках земли. Тысячи разноязыких издательств выпускают его книги рекордными тиражами. Он властвовал и властвует над миром, этот русский, удивительно русский писатель.

Каждый раз, когда анонсы киноафиш сообщают о новой экранизации произведений русской классики, испытываешь невольное волнение, и громадный интерес, и мучительное любопытство: а что это будет?

Экранизация литературного произведения стала в кино полноправным и с каждым годом укрепляющимся жанром. Экранизируют романы и повести, рассказы и новеллы. Многие книги, не успев найти еще своего читателя, не успев, что говорится, отстояться в умах и сердцах, сразу же становятся объектом для экранизации. Литературный герой — киногерой. Не будем разбираться в положительных и отрицательных явлениях этого жанра, но отметим одно: с каждым новым годом все чаще и чаще кинорежиссеры и сценаристы обращаются к экранизации произведений русской литературной классики. И тут есть свои несомненные удачи и срывы. Есть несомненные победы и откровенные поражения.

И вот мы стали свидетелями еще одной экранизации произведения русской классики. Достоевский «Братья Карамазовы».

— Возможно ли экранизировать «Братьев Карамазовых»? Возможно ли этот роман, завершающий литературный труд гиганта, венец его творчества, увидеть в кино? — как-то, когда съемочная группа Ивана Пырьева только приступила к работе, спросил меня один из литературных работников, весьма плодовито и активно сотрудничавший на киностудии. И тут же сам поспешил ответить: — Невозможно. И вот почему...

Он долго говорил о специфике кино и о неизбежных утратах «при делании» сценария (так и выразился — «делании»), о том, что-де Достоевского не понимают тысячи образованнейших людей, а тут вдруг ему «придают массовость» (тоже выражение моего собеседника) и еще многое-многое из того, чем грешат наши кинолитературные спорщики. Помнится, я не смог тогда достойно противостоять его безупречной фразеологии. Ибо — чего греха таить? — он был большой дока во всех этих «вторых планах», «подтекстах», «скрытых камерах» и прочих-прочих приемах, которые доподлинно известны «чародеям» кино.

Я только и смог ответить ему извечным: «Поживем — увидим». И вот я смотрю уже в третий раз «Братьев Карамазовых». Смотрю, отстояв длинную очередь у окошка кинокассы. Вот уже две недели подряд фильм демонстрируется в нашем «окраинном кинотеатре». Последний сеанс, на который удалось купить билет, закончится в 12 часов ночи. Но в зале, как говорится, яблоку негде упасть. Зал полон, несмотря на то, что нынче середина недели, что завтра трудовой день. Многие зрители явно не «наши» (к своим как-то за несколько лет присмотрелся); может быть, приехали издалека, из другого конца столицы, и доберутся они домой после фильма глубокой ночью. Но все-таки приехали. Приехали, чтобы посмотреть «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского.

Кстати, удивительная вещь. Сейчас в Москве уже с трудом можно отыскать кинотеатр, где демонстрируется этот фильм. А попробуйте посмотреть «Войну и мир»! Эта киноэпопея уже не идет на экранах столицы.

В зале гаснет свет. На экране титры: «Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы». А мне вспоминается тот давний разговор с преуспевающим «киношником» и мое «поживем — увидим». И вот от этого «поживем» почему-то больно сжалось сердце, и я в первую минуту не мог понять причины своей так неожиданно нахлынувшей тоски.

Поживем...

А Пырьев не дожил до этого дня. Не смог посмотреть все в целом, что собирал по крупицам в бессонные ночи над книгами, письмами, дневниками великого русского писателя. Все то, что воплощал в долгие, трудные репетиционные и съемочные дни, порою срываясь до крика и замирая до остановки дыхания.

Один из крупнейших советских режиссеров, Иван Пырьев, не дожил до дня, когда тысячи — да что тысячи! — миллионы наших людей заполнили кинозалы, чтобы увидеть то, о чем мечтал и над чем, может быть, всю свою творческую жизнь думал режиссер. Увидеть тот сколок жизни, который с такой болью, с таким пронзительным реализмом и правдой запечатлен в романе Федора Михайловича Достоевского.

«Братья Карамазовы» были последней работой Ивана Пырьева. Мне кажется, кто честно и вдумчиво смотрел этот фильм, согласится со мной, если я добавлю: «Братья Карамазовы» были последней работой и подвигом одного из крупнейших мастеров русского кинематографа. Именно подвигом, потому что фильм заставляет, нет, не заставляет — требует думать о Достоевском. Это не та картина, после которой на вопрос: «Читал ли ты такую-то книгу?» — следует ответ: «Смотрел кино, видел по телевизору...» Фильм этот снова и снова требует: возьми с полки книгу, прочти ее внимательно, подумай над всем, о чем хотел сказать писатель.

— Ты знаешь, — признался мне один из уважаемых писателей, — посмотрел фильм — и вдруг ахнул: я же в Достоевского давно не заглядывал. Пришел и сел за «Карамазовых». На следующий день прибегает ко мне сосед, веселый такой студент. «Дайте, — говорит, — пожалуйста, «Братьев Карамазовых». «Что, не читал разве?» «Читал. Да вот сегодня фильм посмотрел, захотелось перечитать».

«Захотелось перечитать». Это очень много для оценки кинокартины.

«Захотелось прочитать» — и старшеклассник бежит в библиотеку.

«Захотелось прочитать» — и уже в который раз садится за роман пожилой человек. «Захотелось прочитать» — и томик «Карамазовых», вышедший, кажется, в Карельском книгоиздательстве, исчез со всех прилавков магазинов в Москве в один день.

«Захотелось прочитать»...

Прочитать не для того, чтобы придирчиво, даже с каким-то сладострастием хватать создателей фильма за руку (я говорю, создателей, потому что наравне с подвигом Ивана Пырьева — и подвиг М. Ульянова и К. Лаврова, после смерти режиссера закончивших работу над фильмом, и подвиг всей творческой группы). Дескать, вот это опущено в сценарии, а вот этого нет вовсе, а вот это надуманно, а по Достоевскому не совсем так...

На мой взгляд, в каждой экранизации классического произведения главное—передать тот необыкновенный, так присущий русской классической прозе дух писателя, его глубокое, какое-то сокровенное восприятие событий, если не слиться, то, во всяком случае, как можно теснее приблизиться к писательскому «я». Вот такое приближение к таинствам прозы Достоевского, несомненно, присутствует в картине, и вся она — это, пожалуй, бесспорно — проникнута тем необыкновенным духом, о котором так часто говорил сам художник. Картина национальна. Это выражено и в натурных съемках, всегда очень лаконичных и глубоких по содержанию. И тут нельзя не сказать похвального слова в адрес главного оператора С. Вронского. Фильм снят в доброй, широкой по видению мира реалистической манере.

Герои Достоевского не действуют, не выполняют какую-то заранее предопределенную литературную задачу. Они истинно живут в той обстановке, в том «карамазовском» мире, который с поразительной достоверностью вырубил писатель из тогдашнего быта.

Буквально каждую минуту меняются чувства (от слез к гневу, от шутовства к звериному оскалу и сюсюкающей нежности) у Федора Карамазова, превосходно воспроизведенного на экране М. Прудкиным; внутренняя, не скрытая от глаз зрителей обеспокоенность и непоборимая жажда каждому помочь Алеши Карамазова — в исполнении артиста А. Мягкова; мытарства Мити — М. Ульянова, его неуемность, страшная земная карамазовская сила, искренняя раскаянность, ненависть и злоба, его любовь и слезы и, наконец, главное, ради чего, может быть, и был написан роман: «Страшно это, господа»; смердящий Смердяков — В. Никулин; медленно, но верно входящая в круговерть событий Грушенька — Л. Пырьева; обаятельная и жестокая, утонченная и своевольная Екатерина Ивановна — С. Коркошко; мастерски сыгранный К. Лавровым Иван. Это тот творческий ансамбль, с необычным жаром живущий на экране, который поднимает картину до уровня выдающегося события в искусстве.

Думается, что фильм, несомненно, горячо принятый зрителями, о чем говорят единодушные добрые отзывы, поступающие в адрес творческого коллектива и в адреса газет и журналов, станет вехой в развитии нашего отечественного киноискусства, как стали вехами «Чапаев» Васильевых, «Петр I» Петрова, «Война и мир» Бондарчука.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Вс. МАЛАШЕНКО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Они стояли друг против друга, возбужденные, готовые к новой схватке. Молодой человек протянул руку к письменному столу, на котором в беспорядке лежали листки исписанной бумаги, но тот, высокий, с седой шевелюрой, схватил их и стал рвать, рвать с ожесточением, бросая разорванные листки в мусорную корзину.

— Неужели вы сами верите в эту писанину? Это же ложь, ложь, ложь! — Он чиркнул спичкой, чтобы прикурить, а молодому человеку показалось, что сейчас вспыхнет пожар, и, прижимая к груди дрожащие руки, он закричал:

— Подождите, я согласен!.. Начинаю понимать, я подумаю...

— Надеюсь, трех дней вам будет достаточно?

Молодой человек засуетился, почесал в затылке, стал сосредоточенно рассматривать потолок, потом двинулся было к дверям, но остановился и заговорил быстро-быстро, словно боясь, что его прервут, что ему опять не поверят.

— Откровенно говоря... я не решался, трусил, да, трусил... Но уж коль начистоту, так начистоту. Ведь Варвару убил вовсе не Горелов, а Берг.

— Что-ооо?!.

— Вот как все произошло. Савостиков с силой распахнул дверь — она была не заперта. Хотя это вы знаете лучше меня. Но все остальное будет для вас неожиданностью. В комнате жуткая темнота. Савостиков осветил карманным фонариком стены, пол... Вы представляете этакий прыгающий световой зайчик? Савостиков подошел к письменному столу и, нащупав выключатель настольной лампы, зажег ее и обнаружил на столе письмо, из которого стало ясно, что Берг сбежал за границу. Теперь вы понимаете, почему он не смог быть в тот вечер в ресторане? Савостиков немедленно вызвал по телефону оперативную группу, а сам принялся изучать комнату. Откинув занавеску, прикрывавшую небольшой альков, Савостиков увидел Варвару, она лежала в какой-то странной позе. И тут он понял, что Варвара мертва. Он шаг за шагом стал исследовать место преступления, и вдруг — выстрел! Савостиков упал, но не потому, что в него попала пуля, а из соображений хитрой самообороны. Через минуту на подоконнике появился Берг с револьвером в руке. Берг забрал документы у неподвижно лежавшего, притворившегося Савостикова, потом... Я, кажется, забыл, что было потом... Постойте, постойте! Вспомнил! Прежде чем забрать документы, Берг нагнулся над Савостиковым — проверить, жив ли... Но в это мгновение огромная овчарка бросилась ему на спину. «Ни с места! Руки вверх!» — Это крикнул появившийся в дверях старшина Ромашкин.

У молодого человека горели глаза, углы рта потянулись в счастливую улыбку.

— Боже мой, какое вранье! Кто вам поверит? — Высокий царственным жестом указал на дверь. — Идите немедленно в уголовный розыск и расскажите там обо всем. Они же вас на смех поднимут! Боже мой, зачем мы привлекаем молодежь! Вы не знаете, что такое преступление, вы, наверно, никогда не совершали преступлений, а беретесь... Идите, молодой человек, и без настоящего преступления не возвращайтесь — не приму! Помните, через три дня — ну, хорошо, через неделю — на моем столе должен лежать новый вариант финальной сцены! А если нет? Тогда я сам совершу преступление и откажусь ставить вашу пьесу. Все, ступайте.

Молодой повернулся и покорно пошел в милицию за настоящим преступлением.

КАК Я ВОШЕЛ В ИСТОРИЮ ТЕАТРА

Мне посчастливилось играть на подмостках многих театров Москвы, Ленинграда, Киева, Баку... И, выходя на сцену какого-либо прославленного театра, я всегда испытывал благоговение. Еще бы! В этих кулисах дожидались выхода Садовский, Остужев, Яблочкина, в этих уборных гримировались Качалов, Добронравов, Хмелев, на этом стареньком кресле сидели Бучма, Юра... Чувство удивительное, приятное, лестное!

Однажды на гастролях на сцене старейшего провинциального театра мы играли испанскую классическую комедию, и по ходу действия я должен был прыгнуть с невысокого балкона. Прыгнуть-то я прыгнул, но вдруг почувствовал, что нога моя уходит куда-то под пол. С трудом я вытащил ее и под хохот зрительного зала буквально на четвереньках уполз в кулисы. Публика все еще смеялась, а я лежал на диване в коридоре, не в силах шевельнуть ногой.

Пришел доктор, аккуратный, степенный старик, с удовольствием, как мне показалось, осмотрел распухшие мышцы, погладил их жесткой холодной рукой и с улыбкой торжественно проговорил:

— На том же самом месте! Только пьеса была другая, современная. Первым, — он поднял вверх указательный палец, — Орленев, вторым Горин-Горяинов, третьим... — И он перечислил почти весь театральный музей. — На том же самом месте! Поздравляю, голубчик, вы вошли в историю старейшего русского театра!

Недавно я побывал на том месте — дыра в полу так и не заделана.

НИ СЛОВА О ТЕАТРЕ

Пассажирский поток расшвырял нас по вагону... На тех, кому удалось занять сидячее место, нагрузили сумки, авоськи, свертки. В электричке тесно и душно, но настроение отличное. Мы переглядываемся, перемигиваемся, но — ни слова о театре!

Таков был уговор нашей актерской компании, отправившейся в один из выходных дней за город. Надо отдохнуть! Отдохнуть от театра, ролей, репетиций, спектаклей...

На небольшой пустынной станции выбрались из вагона. Не торопясь пошли по платформе. Тишина, покой подмосковного леса.

— Сорок минут толкались, почти целый акт, — проворчал помощник режиссера.

Узкой тропинкой вышли на поляну. Остановились. Лес, вокруг нас сказочный лес.

— «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу... на сосны... и все наглядеться не могу», — перефразировав Островского, произнес исполнитель роли Кулигина в «Грозе».

— «Там лес и дол видений полны,
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой...» — нарочито густым басом продекламировал кто-то пушкинские строки.

Лесные запахи дурманили. О театре ни слова, будто и нет его совсем на свете. Дышали глубоко, шумно, с удовольствием. Аукались до хрипоты.

— «Снегурочка, обманщица, живи!..»

— «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...»

— «Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые?..»

Смеялись, шутили, изображая леших, кащеев, скоморохов... Проголодавшись, развели костер, и, пока дымилось мясо, коптились картофелины, мы пели. Пели без разбора, кто что вспомнит. Романс Ларисы «Он говорил мне, будь ты моею», песенки из новой пьесы «Подмосковные напевы»... Словом, пропели, кажется, весь репертуар последних двух сезонов.

— Пожалуйте к столу, кушать подано!

Как мы набросились на еду! Ели с аппетитом, с удовольствием.

— «Ешьте, ешьте, господа!»

— «А в шестой номер пива холодного!»

— «Не пей, Гертруда!»

— «Черт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины».

— «Лабардан-с».

Заходило солнце. Утомленные, выпачканные золой и зеленью трав, стали собираться домой.

— «В Москву! В Москву! В Москву!»

Мне заход солнца напомнил чудесные декорации из спектакля «Чайка» в Художественном театре, но я промолчал: ведь договорились — о театре ни слова.

ПОДНОС

— Побольше бы таких ролей, — говорила мама, когда я репетировал роль трактирного слуги в одной классической пьесе.

По ходу действия я должен был разносить вино, закуски, чай и при этом поднос держать высоко над головой. Приходилось много тренироваться и в театре и дома. Особенно дома. Я даже немного освободил маму от домашних забот. После утренней репетиции прибегал домой и, натянув фартук, хозяйничал на кухне. Я научился быстро укладывать на поднос тарелки, ложки, вилки, ножи, соль, горчицу и через наш маленький коридор проносить все это в столовую. Я разливал супы, компоты, раскладывал по тарелкам все, что приготовлено к обеду, как заправский официант. Конечно, были и промашки: то пролью суп, то опрокину макароны, то разобью тарелку, чашку... Но мама не ворчала, она считала, что эта роль, как никакая другая, очень полезна для меня.

А в театре от репетиции к репетиции я все чаще выслушивал похвалы режиссера.

После первого прогона главный режиссер, делая замечания, похвалил нас.

— Но вот трактирный слуга, — сказал он, — уж очень виртуозно все делает. Даже как-то неправдоподобно получается. А не лучше ли будет, если он вдруг поскользнется да и упадет? А поднос прямо на голову купцу? Это смешно. Ну как, сумеете?

— Попробуем, — ответил за меня режиссер.

Легко сказать «попробуем»! А как? Как поскользнуться, чтобы поднос пришелся точно на голову купцу и чтобы смешно было?

Прихожу домой, вижу: в столовой сидят мои домочадцы, голодные, меня ждут. Дед приехал погостить, тоже ждет, поглядывает на меня своими хитрющими глазами. Я, как обычно, прохожу на кухню, хозяйничаю там, готовлюсь, потом этакой свободной походкой вхожу в столовую и начинаю раскладывать на столе ложки, вилки, ножи...

— Не так ты поднос держишь, — поучительно говорит дед и тянется рукой к подносу. — Нагляделся я в трактирах на этих самых, как их теперь называют-то... официантов. Дайкось покажу. — И он встал из-за стола.

— Да я сам, дедушка, — говорю я и делаю шаг назад.

— Сам, сам! Сам с усам! Дай научу разным хитростям! — Он решительно протянул руку.

Я поднял поднос еще выше.

— Оставь! — крикнула мама.

Но дед все же успел схватиться за край, потянул поднос на себя, и посуда полетела на пол, а поднос опустился прямо деду на макушку. Дед охнул, схватился за голову и отчаянно запричитал. Не боль, а обида заговорила в нем. Ему было обидно, что в кои-то веки он решил помочь, а вот в нем, оказывается, не нуждаются, все стали ученые, артисты... И, хлопнув дверью, дед удалился в другую комнату.

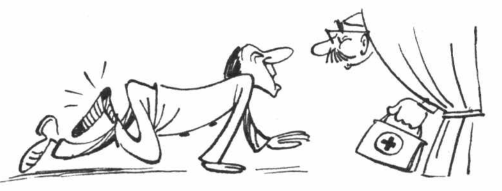
А я вдруг понял, как и что надо делать на репетиции, чтобы выполнить задание режиссера.

С дедом, конечно, всякие отношения были прерваны.

Только через несколько дней, в день премьеры, когда я принес ему билет на спектакль, в первый ряд, он смилостивился.

После спектакля, за ужином, который теперь уже подавала мама, дед был, как мне показалось, очень расстроен, удручен.

— Понравился мне театр, очень понравился. — Он недовольно посмотрел в мою

сторону.— Но коли ты бы меня тогда дома послушался, поучился бы у меня, то не упал бы сегодня на сцене. Люди даже засмеялись, а мне, признаться, стыдно было. Много тебе придется тренироваться, чтобы опять не шлепнуться, как сегодня.

Дед тяжело вздохнул. А мне было весело. Режиссер был мной очень доволен.

ДАВАЙТЕ СПОЕМ!

Репетировали третью картину. После того, как дочь профессора, влюбленная в комсорга, наконец соглашается уехать в далекую Сибирь, шла молодежная песня. И вот песня-то и не получилась. Режиссер требовал бодрости, энтузиазма. Но мы скучали, возникали паузы...

Так прошла почти неделя.

Как-то после репетиции встречает меня в фойе режиссер и говорит:

— Я вот к тебе присматриваюсь... Что-то в тебе такое зарыто! Веселый ты парень. А ну-ка, вспомни свои студенческие годы... Есть, наверное, что вспомнить?.. Так вот: когда в общежитии в третьей картине все скинут, ты выйди на первый план и брось такую фразу... э-ээ... «Давайте споем!..» Громко, четко. Запомнил? Чтобы проснулись все, а то вареные какие-то. Э-п-и-з-о-д! Понял?

Домой я шел пешком — всего две остановки на метро — и все думал, как бы сказать эту фразу повыразительней.

— Давайте споем!— вслух сказал я сам себе. Оглянулся — улица почти пустынна.

— Давайте споем!— Ударение, конечно, на слове «давайте». Давайте... а если сделать ударение на «споем»?— Давайте споем!— говорю я весело.— Давайте споем!— говорю бодро.— Давайте споем!— почти кричу.

У подъезда нашего большого дома стояли ребята, что-то обсуждали, жестикулируя, перебивая друг друга. Я потоптался около них, плохо соображая, о чем шел спор, и уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг, сам не зная почему, посмотрел на них внимательно и сказал просто, без затей:

— Давайте споем!

Пауза.

— Артист! Так он и есть артист!— И они тотчас же забыли обо мне.

Поднимаясь по лестнице, думаю, думаю... Не так сказал, не зажег...

Дома меня ждали. Стол накрыт к ужину. Я иду мимо стола к пианино, открываю крышку, беру два аккорда и четко, бодро:

— Давайте споем!

Бабушка чуть стакан не уронила. Мама испуганно повернула голову.

— А что?— Тут я делаю ударение на слове «споем» и широко улыбаюсь:— Давайте споем!

Младшая сестренка вскочила, запрыгала:

— Давайте, давайте! Дед, вставай, мама, будем петь все вместе.

И мы действительно пели.

Спал я плохо. За ночь мне пришла такая идея. Взять гитару, пobренчать, а потом уже выйти к самой суфлерской будке и...

На репетицию пришел заранее, приготовил гитару, походил по сцене...

— Значит, так,— обратился к нам режиссер,— студенты — народ веселый. Стипендия получена. Зачеты сданы, бутылки тоже...— И он захохотал. Мы за ним.

Настроение поднялось. Дочь профессора и комсорг бросились в объятия друг другу. Студенты оживились... Я беру гитару, иду на первый план, даю аккорд. И вдруг слышу:

— Давайте споем! Давайте споем! Давайте споем!— один кричит, второй, третий. И все стали смеяться и петь... Но я-то так и не произнес своей фразы. То есть я ее произнес, но в общем шуме, кроме меня самого, никто ее не услышал. Потом я узнал, что режиссер всем участникам этой сцены дал такое же задание.

ВОЛЖСКИЙ ГОВОРОК

Получил я как-то небольшую роль — деревенского паренька. Роль, что называется, без изюминки, и как ее играть, ума не приложу. Пробовал искать внешний облик, выдумывал трюки... Ничего не получается! На одной из репетиций режиссер и говорит:

— Ваш парнишка волжский, он окает.

Мне это понравилось, я стал окать.

— Ну, это уж чересчур, вы на каждом слове окаете, это ни к чему. Походите, послушайте, как люди окают, хоть в ГУМе потолкайтесь. Надо же знать и любить волжский говорок!

«Пожалуй, он прав,— подумал я,— в ГУМе можно услышать всякое... Надо будет какнибудь забежать туда».

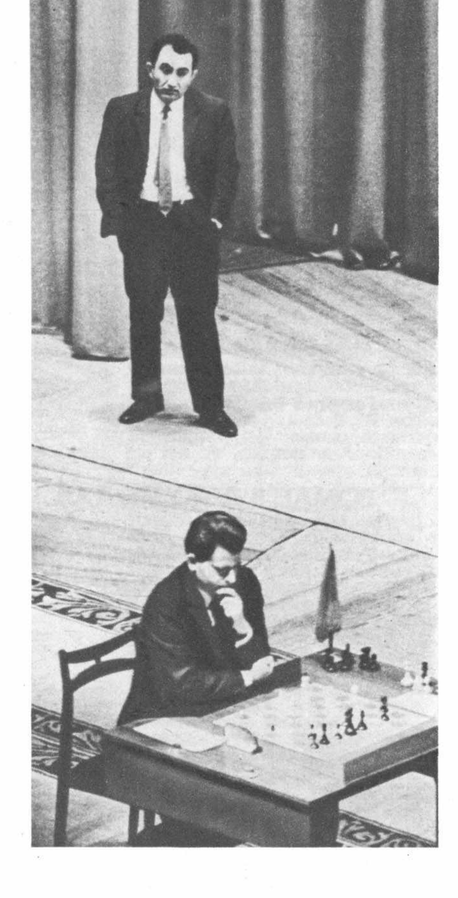
А вечером я был в гостях у друга моего детства. Там один из приглашенных — высокий худощавый мужчина — окал, да еще как! Я не отходил от него весь вечер, так он мне понравился. До чего же красив этот милый волжский говорок! Чуть ли не вслух повторял я за ним окающие слова.

Прощаясь с другом детства, в коридоре я шепотом спросил:

— Кто этот замечательный окающий человек?

— Понравился? Я его тоже очень люблю. Это наш дальний родственник, актер из Таллина. Сейчас он снимается в кино в роли Максима Горького.

НА ДВУХ СЦЕНАХ

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Фото А. Бочинина.

Вот уже неделю гроссмейстер Аркадий Райкин делит сцену московского Театра эстрады с гроссмейстерами Тиграном Петросяном и Борисом Спасским. На спектаклях Райкина смеются все. На спектаклях Петросяна и Спасского зрители молчат. Во всяком случае, обязаны молчать. Но даже в шахматах возникают комические ситуации. Такой случай произошел в первой же партии. В 1966 году, победив Б. Спасского, Т. Петросян смеялся последним. На этот раз Петросян смеялся первым, когда Спасский неудачно стартовал.

Курьезный случай в первой партии не мог не вызвать огорчения у поклонников претендента. Почему я говорю про курьез? Потому что на 52-м ходу Спасский допустил элементарную, грубую ошибку. Не верю, что Спасский и его верный тренер И. Бондаревский могли «прозевать» дома простой путь в ничейную гавань. Точный ответ на это происшествие мы получим после матча, на пресс-конференции, а сегодня можно только полагать, что Спасский в разгаре борьбы что-то перепутал или забыл.

«Как это забыл? — спросите вы.— Разве у гроссмейстера может быть плохая память?» Память, как правило, у шахматиста отличная, но практика показывает, что на нервной почве может случиться все что угодно. Кто не помнит, как в 1963 году Ботвинник в одной важной партии с Петросяном перепутал порядок ходов и проиграл? Другой курьезный случай тоже связан с Ботвинником. В 15-й партии со Смысловым в матче 1958 года в совершенно выигранной позиции Ботвинник забыл, что игра идет с... шахматными часами, и просрочил время.

Победа в первой встрече является большим успехом для Т. Петросяна и в спортивном и в психологическом отношениях. Дело, конечно, не в том, что проигрыш на старте считается плохой приметой. «Петросяновцы» радуются: Тигран растет от трехлетия к трехлетию. В первом матче с Ботвинником в 1963 году он проиграл первую партию (и все же выиграл матч), со Спасским в 1966 году свел первую встречу вничью и вот в 1969 году выиграл премьеру. Теперь достаточно пустить в ход «ничейную машину», чтобы удержать почетный титул.

Три года назад Б. Спасский проиграл лишь седьмую партию и уравнял счет в девятнадцатой. На этот раз задача Спасского уже со старта осложняется: ему надо вдвойне бороться с ничейной тактикой чемпиона мира. Но кто не знает, что Борис Спасский не из слабонервных? Подумаешь! В концерте из 24 партий Борис дал петуха. Может быть, чем раньше это случилось, тем лучше? Может быть, теперь Спасский будет играть злее?

Игра Спасского во второй партии произвела солидное впечатление, и ничья явилась логическим завершением этой маневренной борьбы гроссмейстеров. Но третья партия явилась снова загадкой для журналистов. Спасский играл белыми, и естественно, что все ожидали увидеть его решительные действия, стремление к сложной борьбе. А между тем Борис явно играл на ничью, которая ему вроде и не нужна. Понятно, что подобная странная тактика вполне удовлетворяла Петросяна. Он ведь может сказать Спасскому: «Ничью вы можете получить сегодня, завтра и в любой партии...»

Итак, позади первая неделя матча, неделя, которая успешно закончилась для чемпиона мира. Шахматисты-математики могут подвести небольшие итоги: Петросян примерно на 10 процентов защитил свой титул, а зрители увидели и много и ничего.

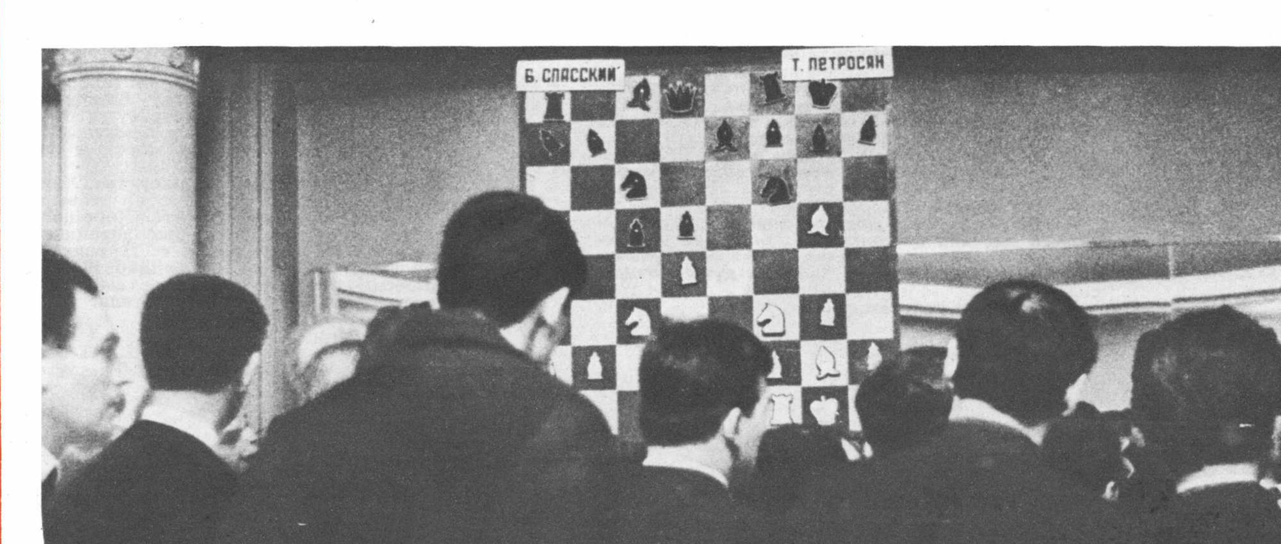
Зато на другой сцене — тбилисской — события развиваются более результативно. Нона Гаприндашвили так же, как и Тигран Петросян, не намерена уступить свой чемпионский титул.

Уже шесть лет два самых почетных шахматных титула находятся в крепких руках Тиграна Петросяна и Ноны Гаприндашвили. На Кавказе могут с удивлением обратить внимание на выражение «уже». Подумаешь, что такое шесть лет для Кавказа, республик человеческого долголетия! В Армении и Грузии верят в спортивное долголетие Тиграна и Ноны.

Три года тому назад Алла Кушнир и Борис Спасский предприняли попытку взять неприступные шахматные крепости, но покушение было отбито. И вот история повторяется.

Нона Гаприндашвили и Алла Кушнир избрали местом сражения и Тбилиси и Москву. Я полетел на премьеру в Тбилиси. Зашел в парикмахерскую: там всегда можно узнавать все новости. Темой дня был, конечно, матч Гаприндашвили — Кушнир. В парикмахерской один шутник сказал: «Нона возьмет и выиграет в Тбилиси 8 партий, и ей не надо будет в Москву ехать» (матч играется из 16 партий). Но москвичка Алла Кушнир, как известно, сразу нарушила «парикмахерское расписание» и победила в первой партии! После шести партий у соперниц всего одна ничья. Вот это борьба! Вот это мужская игра! Может быть, тбилисский опыт будет использован Спасским и Петросяном?

Сделан очередной ход.

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 27.

ТАЛЛИН

Не люблю я на самолетах летать. Стыдно признаться: побаиваюсь. Я, конечно, знаю, что жертв в авиакатастрофах в шесть раз меньше, чем на железных дорогах, и в поезде тебе не принесет лимонада с конфетами стройненькая стюардесса. И все-таки в тот момент, когда самолет, напряженно содрогаясь, отрывается от надежной бетонной земли, у меня всегда появляется мыслишка: а вдруг сейчас клюнет носом? Чушь, конечно. Паровоз тоже может свалиться с рельсов. Но вот в поезде — спокойно. А здесь — нет. Единственное, что меня утешает,— это неестественно веселые, возбужденные или нарочито сосредоточенные лица соседей. Они наверняка думают о том же, но, естественно, не подают вида. И мне легче хотя бы оттого, что не один я такой трусишка.

И когда я спустился по трапу на поле Таллинского аэродрома, мне как-то сразу стало веселей.

Было три часа дня, шел дождь, и дул сильный, пахнущий рыбой ветер с моря. Я поехал в гостиницу «Тоом». Я люблю этот старый дом с полутемными лестницами и крошечными холлами, с деревянными панелями и резными филенками дверей. Здесь всегда как в коммунальном многоквартирном доме. По части вкуса я ретроград. Не люблю весь этот домашний модерн, смешные геометрические комнаты, по сантиметрам заставленные микроскопической мебелью. Мне всегда хочется в квартирах чего-нибудь старого, нелепого — часы с боем, рассохшийся буфет. А лучше всего фикус.

Магда, администратор в «Тооме»,— моя старая знакомая. Она радостно заулыбалась мне, светясь своими большими белыми зубами.

— Оставьте чемодан, приходите к вечеру — номер будет,— шепнула Магда.

Мне стало совестно перед терпеливой очередью, покорно взиравшей на типографски отпечатанный трафарет «Мест нет».

Но Магда — одна из немногих женщин, которым я нравлюсь. Было бы просто преступно не воспользоваться ее симпатиями. И, кроме того, у меня на сегодня намечено сделать несколько дел часов до двенадцати ночи.

Я вышел на улицу и отправился в бассейновую поликлинику пешком. Дождь накрывал серой вуалью кирпичные стены и башни, здесь уже чувствовалась настоящая осень.

В регистратуре поликлиники я показал сильно увеличенный фотоснимок подписи на рецепте, и мне сразу сказали:

— Это хирург Аар...

Хирург Тийт Аар, старый, элегантный, невыразимо чистый, подержал в руках мое удостоверение, иронически глянул на меня светлыми умными глазами из-под золотых дужек очков, сказал:

— К вашим услугам...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—16.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Тийта ААРА

«...Осмотрев предъявленный мне обрывок рецепта, заявляю: он написан и выдан мною, подпись на нем моя. Поскольку рецепт выписан на лекарство, являющееся сильнодействующим средством, он должен быть зарегистрирован в специальном журнале. Из записей в этом журнале за 20 августа видно, что рецепты с аналогичной прописью были выданы мною трем больным: Пяртсу А. А., Корецкому Е. К. и Пименову А. В. Адреса этих больных можно получить в регистратуре...»

— ...Доктор, посмотрите, пожалуйста, не был ли этот молодой человек среди ваших больных?

Хирург взял фото, внимательно всмотрелся в него, покачал головой.

— Не помню. Быть может.— И, будто оправдываясь, добавил:— У меня ведь на приеме до пятнадцати человек бывает. Ежедневно...

ЛИСТ ДЕЛА 28.

Я не верю в случайные совпадения. И не зря. Обычно они играют против меня. Так было и сейчас. Из истории болезни я узнал, что Пименову — 27 лет, Корецкому — 29, Пяртсу — 32. И если убитый на шоссе парень — один из этих троих, то по возрасту они подходят все. Ну, что стоило бы случайности свести в тот день пациентов так, чтобы Пименову было девятнадцать лет, а Корецкому — пятьдесят шесть? Искать пришлось бы только Пяртса.

Но случай всегда играет в другой команде. Поэтому мне пришлось в этот вечер объехать всех их по домам, потом — по аптекам. А Корецкого вовсе на месте не было...

СПРАВКА

Больной, получивший интересующий следствие рецепт,— Корецкий Е. К.,— по данным регистратуры проживает не в Таллине, а в Ленинграде, и служит в Таллинском морском пароходстве.

Зам. начальника пароходства Линнамяги Ф. К. в разговоре по телефону № 47-45 сообщил, что Корецкий является штурманом рыболовецкого сейнера РС-4. Вчера, т. е. 11 сентября, в 19 час. 10 мин. сейнер РС-4 с полным составом команды вышел в море после ремонта двигателя.

12 сентября 196* г.
гор. Таллин.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 29.

Перед вечером в клочьях сизых дымных облаков мелькнуло багровое воспаленное солнце, но дождь не угомонился, и весь Таллин погрузился в фиолетовый мягкий сумрак. Я шел по Ратушной площади, слушая, как цокают на тяжелых, влажно мерцающих плитах подковки, заглядывал в теплые желтые окна, заштрихованные дождем, как на старых гравюрах, и пытался найти выход из положения.

Зашел в небольшое кафе. Всего несколько человек сидело за дубовыми столами на широких деревянных скамьях. Яростно гудел камин. Я сел поближе к огню, взял густого, ароматного кофе и стал прикидывать свои варианты.

Надо было сосредоточиться, собраться с мыслями. Я вдруг почувствовал себя муравьем, суматошно бегающим по столу. У детей есть такое развлечение: муравей уже почти добежал до края стола, сейчас нырнет вниз и — свободен! Но упрямая рука ставит перед ним спичечный коробок, который превращается в непреодолимую стену. И муравей покорно бежит в другую сторону. Но там снова препятствие, и так без конца. В детективах эта роль всегда отводится преступнику, обложенному со всех сторон сыщиками. Но убийца, которого искал я, мог покуда не волноваться. Пока что я сам бегал, как муравей, пытаясь установить хотя бы имя убитого...

Похоже, я снова зашел в тупик. Пименов и Пяртс преспокойно отдыхали дома, Корецкий вчера ушел в плавание. Рецепты, выданные Пименову и Пяртсу, лежали передо мной на столе. Оставалась последняя крошечная лазейка: Корецкий мог помнить, кому и зачем он отдал свой рецепт.

Я положил на стол блестящий новенький полтинник и вышел. Из первого автомата я позвонил в пароходство и продиктовал радиограмму...

Таллинское морское пароходство
РАДИОГРАММА
Таллина 7/12.7.19.15.
Сейнер РС-4. Первому штурману
КОРЕЦКОМУ

СВЯЗИ УГОЛОВНЫМ ДЕЛОМ СРОЧНО СООБЩИТЕ В АДРЕС ТАЛЛИНСКОГО ГОРОТДЕЛА МИЛИЦИИ КОМУ зпт ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВЫ ПЕРЕДАЛИ РЕЦЕПТ зпт ПОЛУЧЕННЫЙ ВАМИ ДВАДЦАТОГО АВГУСТА БАССЕЙНОВОЙ ПОЛИКЛИНИКЕ ХИРУРГА ААР тчк

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 30.

Я проснулся рано и удивился, что из горотдела милиции еще не звонили. Радиограмма с сейнера должна была прийти давным-давно. Я набрал номер дежурного.

— Нет-нет, ничего не передавали. У меня записан ваш телефон — как только что-нибудь будет, сразу извещу.

Тогда я позвонил заместителю начальника пароходства. Он был очень вежлив, но мне показалось, будто он чего-то недоговаривает и старается поскорее от меня отделаться. А может быть, показалось. Связь, мол, ночью была плохая. Тогда я сказал железобетонным голосом:

— Попрошу вас ускорить это дело. Оно не терпит отлагательства. А если с сейнером плохая связь, можно запросить через базовое судно...

На улице по-прежнему шел холодный дождь. Делать мне было нечего. Я завалился на диван, взял забытую кем-то в номере книжку о Фламмарионе и стал читать. «Искать звезды — работа приятнее, чем искать убийц. А главное — почище»,— завистливо подумал я. И заснул. А в четверть двенадцатого меня разбудил звонок:

— Говорит дежурный горотдела милиции капитан Антсон. На ваше имя поступила телефонограмма.

— Читайте,— сказал я, и мне все еще казалось, что сон продолжается...

ТЕЛЕФОНОГРАММА
13.9. 11.00. Исх. № 76/э

Сообщаю, что первоначальные сведения о выходе сейнера РС-4 в рейс с полным составом команды по вине капитана судна оказались ошибочными.

Сегодня капитан РС-4 сообщил, что первый штурман Корецкий Е. К. находился в отпуске до восьмого сентября и по неизвестной причине из отпуска не возвратился, в связи с чем судно вышло в море без него. Местонахождение Корецкого в настоящее время неизвестно.

Подписал: Зам. нач. пароходства ЛИННАМЯГИ.
Передала: Секретарь А. ГАВАРС.
Принял: Дежурный АНТСОН.

ЛИСТ ДЕЛА 31.

— Включите сирену! — сказал я шоферу, и хриплый горловой визг располосовал дождливую туманную тишину. Машины впереди удивленно, неуклюже отворачивали в сторону, пропуская нас.

— Если можно, то еще быстрее,— сказал я. Шофер кивнул. Энге покосился на меня.

— Не правда ли, Томас, в этом городе неуместны подобные звуки? — сказал я ему.

Он еще раз глянул на меня из-под своих белесых ресниц, потом серьезно сказал:

— Это звуки беды. А беда везде неуместна.

— Значит, и мы, Томас, везде неуместны? — усмехнулся я.

— Не-ет,— Энге снял фуражку и пригладил соломенные волосы.— Ведь мы не беда. Просто мы ее встречаем первыми.

— Вторыми,— сказал я.— Первыми ее встречают те, к кому мы не поспели...

Машина с визгом затормозила около пароходства. Я бегом поднялся на второй этаж, прямо в приемную заместителя начальника.

Секретарша — вся любопытство — сказала:

— Заходите, вас ждут...

СПРАВКА

гор. Таллин.

Заместитель начальника Таллинского морского пароходства ЛИННАМЯГИ, а также вызванные им сотрудники пароходства БАРАНОВ, ТАЛСЕПП, ГУРВИЧ и КОЛОКОЛЬНИКОВА, осмотрев предъявленную им фотографию мужчины, погибшего четвертого сентября на 38-м километре Ялтинского шоссе, категорически и безусловно опознали в убитом штурмана рыболовного сейнера РС-4 КОРЕЦКОГО Е. К.

ЛИСТ ДЕЛА 32.

— Как мне допросить капитана сейнера?

Линнамяги понимал, что они попали в неприятную историю. Он растерянно развел руками.

— Мы можем вызвать сейнер в Таллин. Но сейчас самая путина — план не выполнят. Да и люди ничего не заработают — и так месяц на ремонте простояли. Вот если бы...

— Что «если бы»?

— Вас не затруднит добраться до рыббазы на вертолете? А капитан Астафьев прибудет туда катером.

— Не затруднит.

Линнамяги обрадовался:

— Тогда мы это мигом организуем. А капитану я дам!..

— Подождите давать. Надо выяснить сначала, в чем там дело...

...Энге сочувственно похлопал меня по спине:

— Ничего, ничего, дружок. Облачность низкая — качать будет не слишком.

Энге не выговаривал шипящих, и слова у него получались совсем смешные: ницего, облацность, кацять будет не слиском. Я хотел сказать, что как раз самая сильная болтанка при низких облаках, но раздумал и пошел к вертолету. Какая разница? Энге же не подымет облака выше.

Я сел в кресло и подумал, что с меня достаточно. Таких приключений хватит для двухсерийного фильма. Но я ведь не герой и не искатель приключений. Если говорить честно, то я и стрелять из пистолета толком не умею. А после того, как один барбос умудрился прострелить мне правое легкое, врачи предписали мне «щадящий режим». Это же надо! Слово какое красивое — «щадящий»! Короче говоря, ко всем моим замечательным победам — чует мое сердце — я, вернувшись домой, смогу говорить знакомым: «От меня жена ушла!» И никто даже не скажет: «От всех жена ушла»,— потому что от нормальных мужей жены не уходят.

Я еще долго забавлял себя этими размышлениями, стараясь не думать о разговоре с капитаном. А потом мне стало по-настоящему плохо. Я сидел, вытянув ноги и запрокинув голову на спинку кресла, и смотрел в белый потолок. Как только я бросал взгляд в иллюминатор на кипящие внизу волны, к горлу подкатывала тошнота. И это было ужасно. Особенно, когда вертолет проваливался в воздушные ямы. Я закрыл глаза и стал считать до тысячи, потом до двух, до трех...

С трудом разжимая сведенные скулы, я спросил у пилота:

— Скоро?

Он не услышал за грохотом мотора, но, видимо, по выражению лица понял и ободряюще подмигнул:

— Скоро...

Плавбаза сверху казалась крошечной, как детский кораблик, свернутый из газеты. Только плавал он не в луже, а в настоящем море, свинцово-сером, с белыми барашками, от одного вида которых меня воротило с души. Я себе не представлял, как вертолет сядет на эту скорлупку. Поэтому я просто закрыл глаза и снова стал считать до тысячи.

Потом вертолет подпрыгнул, и сразу смолк двигатель, только кабина еще слабо дрожала — винт медленно крутился по инерции. Я выпрыгнул на палубу и удивился, как огромна была база. Но раскачивало ее сильно. А может быть, это у меня ноги подгибались. На шкафуте стояло несколько моряков в клеенчатых регланах. Я направился к ним.

Капитан Астафьев смотрел на меня красными, запавшими глазами. Радиограмму он получил двадцать часов назад.

— Если меня собираются освободить от должности, предупредите сразу. Мне надо сделать кое-какие распоряжения на судне...

Я вытер лицо платком и сказал извозчичьим голосом:

— Этот вопрос в мою компетенцию не входит...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
капитана АСТАФЬЕВА

...Вопрос: — Почему вы не сообщили в пароходство о том, что Корецкий не вернулся из отпуска и судно выходит в море без него?

Ответ: — Когда Корецкий не явился из отпуска, я очень забеспокоился. Ведь, если бы он даже не заболел, то и в этом случае мог бы меня известить телеграммой. Так как он этого не сделал, я предположил, что с ним что-то случилось. При этом я не исключал, что Женя по молодости попал в какую-нибудь историю, которая его и задержала. Я ждал его возвращения до самого отплытия судна, но он не явился, а сообщать об этом было уже поздно — я должен был это сделать заранее — да мне и не хотелось. Я все надеялся, что Корецкий перехватит нас где-нибудь в плавании. Я полностью осознаю свою вину и готов нести ответственность.

Вопрос: — Куда, зачем собирался Корецкий в отпуск?

Ответ: — В Ленинграде у Евгения подошла очередь на автомашину, о которой он давно мечтал. Он терпеливо копил деньги, отказывая себе во многом. Правда, у него все равно их не хватило, и я ему добавил необходимую сумму.

Вопрос: — Какую?

Ответ: — Тысячу шестьсот рублей. Кроме того, он, наверное, хотел повидаться и со своей девушкой, хотя я, к сожалению, о ней почти ничего не знаю. Женя не любил говорить на эту тему.

Вопрос: — Координаты этой девушки?

Ответ: — Я знаю только, что она студентка-географичка и ее зовут Тамара. Больше ничего...

...Я задал ему традиционный следственный вопрос:

— В каких отношениях вы находились с Корецким?

Астафьев сильно волновался и все время говорил каким-то казенным протокольным языком.

— Отношения между нами очень хорошие и выходят за рамки чисто служебных. Корецкий — хороший человек и специалист. За короткий срок службы на моем судне он вырос от рядового члена команды до должности первого моего помощника. Помимо четкого служебного взаимодействия, мы связаны личной дружбой.

Еще не зная толком Астафьева, я не мог сказать ему, что Женя Корецкий погиб. А капитан, видимо, и не помышлял об этом. Он был уверен, что Корецкий попал в какую-то скверную заваруху. И мне было очень важно узнать мнение о мертвом Корецком из уст человека, уверенного, что Женя жив. Люди крепко проверяются в таких ситуациях.

...Вопрос: — Прошу подробно охарактеризовать Корецкого. Нам следует знать мельчайшие детали личности Евгения, его образа жизни, круг его интересов, связей, друзей и врагов.

Ответ: — Да, я понимаю. Я постараюсь вспомнить все, что я знаю о Жене. Если я упущу что-нибудь, прошу поставить мне дополнительные вопросы. Прежде всего Женя — очень хороший парень, добрый и доверчивый человек. Он ведь прекрасный работник. Все время что-нибудь узнает, никогда не стесняется спрашивать: у меня ли, у боцмана, у простого матроса — все равно. За свой авторитет не боится — он вообще, по-моему, об этом не думает. Под любую тяжесть первый руки свои подставляет. Характер у него легкий, на жизнь он смотрит весело, быстро сходится с людьми. Врагов в команде у него нет, хотя, когда требуется, он службу спрашивает по всей строгости.

Вопрос: — С кем, кроме вас, особенно дружен Корецкий?

Ответ: — На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Корецкий тепло и ровно относится к большинству членов команды. И они его любят...

Я спросил Астафьева, как получилось, что Корецкий получил отпуск в разгар навигации. Капитан сумрачно пояснил:

— В середине августа у нас вышел из строя двигатель. Ремонт планировали недели на три, не менее. Женя попросил дать ему отпуск. Он много трудился перед этим, а работ по его специальности фактически не предвиделось. Поэтому я дал ему отпуск с 21 августа по 10 сентября...

...Вопрос: — Ваши соображения о том, как мог Корецкий оказаться в Крыму?

Ответ: — Абсолютно не представляю себе. Корецкий, по-видимому, выехал туда неожиданно, иначе я бы знал, что он собирается в Крым. В лучшем случае об этом знает Тамара или кто-нибудь из тех, с кем он встречался в Ленинграде.

Вопрос: — А с кем он мог встречаться в Ленинграде?

Ответ: — Этого я не знаю. Но знакомые у него там, безусловно, были...

ЛИСТ ДЕЛА 33.

Еще не открыв глаза, я с нежностью прислушался к стуку колес. Слава богу, что все это наконец окончилось! Не будет раскачивающейся под ногами палубы, проваливающегося вертолета и воспаленных, налитых болью глаз капитана Астафьева.

Глухо и часто пыхтел впереди тепловоз, под ногами дробно взыгрывали на стрелках колеса. Поезд подходил к Ленинграду. И все, что было еще только вчера, казалось мне далеким, почти забытым прошлым. Лишь ладонь хранила крепкое пожатие Энге, невозмутимо мокнувшего вчера ночью на осклизлом холодном перроне, и его ласково-детское:

— Ницего, сейцяс ты на цёрной полосе. Пройдет.

— На какой полосе? — переспросил я.

— На цёрной. Жизнь, как матрас,— вся полосами...

А потом экспресс помчал меня в Ленинград. На площади у Балтийского вокзала я сел в такси и сказал сонному шоферу:

— Петроградская сторона.

Я ехал на квартиру Жени Корецкого, в дом, оставшийся теперь навсегда без хозяина...

Дверь открыла старушка с забинтованной рукой. Она строго спросила:

— Кого надо?

Я вдвинул ногу в дверную щель и беззаботно сказал:

— К Жене Корецкому, по делу. А что с рукой-то?

— Да старая я, видать, совсем стала — руки трясутся. Намедни кастрюлю с горячим молоком на себя вертанула. Дегтем бы намазать, да где его сейчас возьмешь-то в городе, деготь? Вот докторша прописала мазь какую-то, да толку с нее — как с козла молока.

— С докторши? — пошутил я.

— Да не-е, докторша у нас хорошая. Мазь не помогает. А чего это я тебя ране у Женьки никогда не видела? Друзья новые вы, что ль? У него каждый день новые приятели. Полгорода к нему таскается. И жрать все здоровы. Мне-то, соседке, это, конечно, без дела, но очень он уж легкий человек.

— Как это, легкий? Легкомысленный?

— Не-е! Ты что, милый! Женька — парень серьезный, самостоятельный, толк в нем человеческий на троих заложен. Только доверие у него к людям легкое, как у мальца мелкого. А люди-то, сам знаешь, разные бывают. Один — на́, а двое — дай. Вот и денег у него всегда нет. «Тетя Катя, десятку бы до получки?» У меня-то пенсия — 52 рубли, а он жалованье получает хорошее. Но даю, потому как он гордый: у чужого — брюхо пускай подведет, а не попросит. Я-то ему все как мать. Двадцать лет знаю.

— А давно Жени нет дома?

— Да числа с тридцать первого, а то первого. Примчался из Таллина, купил машину в магазине, покрутился пару дней и укатил куда-то. Да вот записку мне на кухонном столе оставил...

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО № 2

Тетя Катя! Мы поехали на Кавказ, обкатывать мою технику. Числа 12-го вернусь, не беспокойся. Уплати за квартиру, приеду — отдам. Целую.

Женька.

— Вот те на! — сказал я.— А что, он заранее не говорил, что на юг собирается?

— Не.— Старуха, видимо, истомленная одиночеством, беседовала со мной все охотнее. Она даже впустила меня в коридор.— Я чаю, он и ехать-то решил в одночасье, а то бы знала я. Сказал бы он мне об этом непременно, как есть сказал бы.

— Так вы не знаете и с кем он поехал?

— То-то и оно,— пожала старуха плечами.— Отобьется парень от рук, боюсь. Даже не сказал, что едет в даль такую! Оттуда, от Кавказа, почитай и до Турции рукой подать? Ты как думаешь?

— Думаю, что так оно и есть,— кивнул я.

— Вот про то я и говорю! В такую даль укатил, а я от Зинки-дворничихи узнавать об этом должна.

— А Зинка-то откуда знает?

— А ей как не знать — убирает она утром участок, вот и видела, как он со двора подался...

ЛИСТ ДЕЛА 34.

Когда я учился на четвертом курсе университета, нас послали на производственную практику. Я, естественно, опоздал к распределению, и все хорошие места — в Следственном управлении, в МУРе, в УБХСС — были розданы. И послали меня практиковаться в группу розыска, ту, что ищет алиментщиков, пропавших родственников и так далее. Пришел я в полнейшем унынии к начальнику группы. Толстый такой, седоватый дядя с узкими глазками. Повертел он в руках мое направление, похмыкал, говорит:

— Следователем, наверное, собираешься стать?

— Собираюсь,— сказал я.

— А работать как будешь, следователь?

— Ну, как у вас тут, «собирать факты по крупицам»,— заявил я.

— Ну и дурак,— спокойно сказал он.— Много ты по крупицам насобираешь в нашей толчее! По молекулам собирать надо, атомам отдельным радоваться! Скидай свой пиджачок, иди сюда...

Это был мой первый настоящий учитель следственного поиска...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
дворника КУЗЬМИНОЙ З. В.

...В конце августа или начале сентября — даты точно не помню — я вышла убирать территорию. Времени было около шести утра. Через несколько минут во двор вышел Женя Корецкий и подошел к своей машине, которую держал во дворе, под своим окном. В руках у него был большой портфель. Он торопливо кинул его в машину, завел мотор и поехал. Проезжая мимо меня, поздоровался. Я еще спросила: «Далеко ль, мол, в такую рань собрался?» Он ответил: «Далеко, семь тысяч верст...» — махнул рукой и умчался.

Никого в машине его не было, и около дома его никто не ждал. В этот его приезд в Ленинград я его видела два раза, и оба раза он был один. Некоторых его знакомых я знаю в лицо, но как их зовут и где они проживают, мне неизвестно...

...Так. В шесть утра, с портфелем, один — и за «семь тысяч верст». Я должен радоваться и этим атомам. Сложатся ли они в молекулу и в какую?..

ЛИСТ ДЕЛА 35.

В помощь мне выделили оперуполномоченного ленинградского уголовного розыска Леонидова. Маленький, круглолицый, все время улыбающийся, Леонидов был заряжен гигантским оптимизмом. Коротко разъяснив ситуацию, я сказал ему:

— В деканате возьмете списки студентов всех курсов и прямо подряд прорабатывайте. Впрочем, первый курс можете не смотреть. Запомните: ее зовут Тамара. А больше ничего я и сам не знаю. Сколько вам понадобится времени?

— А кто его знает!— развел руками Леонидов.— Допустим, что всех Тамар я отберу за час. А ведь потом с ними со всеми поговорить надо. Но к вечеру, думаю, управлюсь.

Вот действительно задачка на сообразительность: сколько Тамар может оказаться на одном факультете университета? Имя ходовое. И еще: ведь многие называют себя иначе, чем в паспорте,— Асей, скажем, вместо Насти. А ведь Леонидов по документам смотреть будет. Но о таком варианте мне даже думать не хотелось...

Хорошо хоть, что первый курс можно отбросить. Ведь последний раз Тамару видели с Корецким летом. И уже тогда было известно, что она учится на географическом факультете...

Эх, забыл подсказать Леонидову: по адресам тех Тамар, которых он не застанет в университете, надо ездить не по очереди, а составить единый маршрут.

Тамара, которую мы искали, оказалась в списке шестой. А всего их было...

СЛЕДОВАТЕЛЮ
СПРАВКА

По Вашему заданию мною установлены четырнадцать студенток географического факультета Ленинградского университета по имени Тамара.

В результате бесед с ними выяснилось, что знакомой Корецкого является студентка IV курса РАТАНОВА Тамара Иосифовна.

Ратанова явится к Вам для допроса сегодня в 18 часов.

Оперуполномоченный Ленинградского уголовного розыска (ЛЕОНИДОВ).

ЛИСТ ДЕЛА 36.

В кабинете напротив моего стола висели на стене электрические часы. Каждую минуту в них что-то негромко щелкало и стрелка прыгала на деление вперед. Вот еще тридцать раз тихо щелкнет и придет Тамара Ратанова. И мне надо будет рассказать, что ее любимого человека убили.

Я часто думаю о том, что же является настоящим профессионализмом. Как-то написали обо мне статью в газете. Пришел к нам домой корреспондент, хороший веселый парень, и мы с ним здорово и очень откровенно говорили целый вечер. Бутылку коньяка выпили. А через несколько дней появилась статья. Я прямо зубами скрипел от злости. И все не мог понять: то ли я неправильно говорил, то ли он неправильно понял. Получился я у него этаким горластым чахоточным стражем закона. «Сердце, пылающее ненавистью ко всякой нечисти, смысл и содержание жизни — в борьбе с преступностью». И было мне как-то не по себе. Не может сердце пылать по поводу всякой нечисти, поскольку нечисти много еще, и сердце, попылав, попылав, попросту перегорит. Вовсе не это составляет профессиональную черту людей Закона. Ведь всякий человек, даже если сердце у него и не пылает, бросится, например, защитить женщину от хулигана. Но это эпизод, мгновенный нервный толчок, почти эмоциональный порыв. А вот каждый день, каждую неделю, месяцы, годы идти вброд через поток человеческих страданий, боли, крови, обид, разбитых мечтаний и нечистот — вот это действительно трудно. Потому что надо сохранить при этом веру в человека.

Наташа часто упрекает меня в черствости. Я с ней не спорю, хотя и не согласен с этим. Неделю назад человек, толкнувший на моих глазах старика, вызывал у меня гораздо более сильные чувства, чем убийца Жени Корецкого. Потому что убийца был злом беспредметным, отвлеченным, для меня — практически бесплотным. И сейчас он где-то ходит в несметном человеческом сонмище, возможно, отделенный от меня сотнями километров, тысячами событий, миллионами людей. И вся эта цифрь называется загадкой. Но загадку нельзя ненавидеть, даже если она убивает людей. Ненавидеть можно конкретного человека. А этого человека нет. Пока нет. Из атомов, из слов, из случайных встреч я должен воссоздать этого человека, как бог сотворил Адама из праха. А для этого не нужно пылающее сердце. Просто надо помнить, что тебе люди поручили сказать «Аз воздам». А воздать ему я должен и за себя тоже. За то, что, осматривая тело Жени Корецкого, я больше думал о пригодных для розыска следах, чем о том, что убит молодой парень и для него не будет больше весны, травы, нежности, что кто-то далеко отсюда уже стал несчастен и еще не знает об этом. Меня убийца тоже обделил в жизни, потому что такие, как он, сделали меня профессионалом в познании человеческого горя.

Профессионализм многолик. Но в одном он всеобъемлющ: все, не имеющее отношения к работе, уходит на второй план.

Мое сердце не имеет права пылать. Оно должно стучать ровно и сильно. И долго. Чтобы я, покуда оно стучит, мог превращать фантомы в реальное зло и карать его. Потому что мое сердце — сердце профессионала — тоже ломает свой ритм и вбивает молотом кровь в виски, когда я говорю чуть слышно:

— Тамара, Женя Корецкий погиб...

Она кивнула, как будто давно уже знала об этом, и закусила до крови нижнюю губу.

Она смотрела мне прямо в переносицу, и я хотел влезть под стол, провалиться сквозь землю, испариться — только бы не чувствовать на себе этот слепой, обращенный внутрь взгляд. А еще мне хотелось подойти к ней, обнять ее за плечи, чтобы она уткнулась мне лицом в грудь, и сказать шепотом:

— Ну, поплачь, маленькая, поплачь. От слез становится легче. Поплачь, я буду рядом и буду ждать.

Но она не плакала. Сидела на стуле очень прямо, серая, холодная. Так мы и сидели молча. Долго-долго.

Потом она вдруг сказала растерянно, и я вздрогнул от неожиданности:

— А он мне говорил, что мы проживем сто лет и умрем в один день...

Она по-прежнему смотрела прямо на меня и видела, как в камере-обскуре, только то, что происходило внутри нее вчера, месяц назад, давно.

— Когда я осталась у него дома, то среди ночи проснулась. Женя не спал, он смотрел мне в лицо. Я погладила его по голове и спросила: «Это очень плохо, что я не плачу?» «А зачем тебе плакать, родная?» «Говорят, что в эту ночь девушка должна плакать». «А тебе хочется плакать?» «Мне хочется петь. Мы ведь проживем сто лет...»

Я встал и отошел к окну.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Тамары РАТАНОВОЙ

...Вопрос: — Когда Вы виделись с Корецким в последний раз?

Ответ: —. Мы не виделись с июня, и встречи не предвиделось до октября, разве что я приехала бы в Таллин. Но в двадцатых числах августа я получила телеграмму, в которой Женя сообщил о неожиданном отпуске. Он приехал 21 августа. Перед этим Женя получил из автомагазина открытку на «Волгу», за которой долго стоял в очереди. На другой день мы поехали в автомагазин и Женя выбрал машину голубого цвета. Потом в ГАИ ему выдали номер на машину. Какой номер, я не помню.

Через пару дней из Москвы приехал друг Жени, с которым они вместе служили в армии. Друга зовут Отари, фамилию его я не знаю. Он грузин, живет в Москве, работает где-то стоматологом. Видела я его всего два раза. Женя говорил, что он хороший товарищ и у него с ним связаны самые лучшие воспоминания. Останавливался Отари в гостинице «Астория».

Числа 25 августа мы втроем — Женя, Отари и я — были в ресторане при этой гостинице, отмечая приезд Отари и покупку машины. А еще через несколько дней — по-моему, это было 30 августа — Женя заехал ко мне домой поздно вечером (у меня нет телефона) и сказал, что уезжает с Отари на несколько дней в Грузию, чтобы обкатать машину. Я с ним поехать не могла, потому что у меня начинались занятия в университете. Больше я его не видела...

Продолжение следует.

Бег и Мотылек

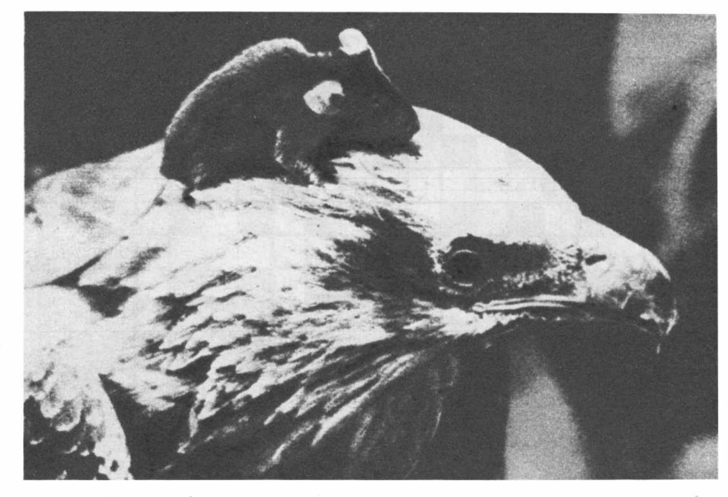
В селении Данки, что неподалеку от Серпухова, в небольшом домике живет Сергей Михайлович Нестеров. Работает он в Приокско-Террасном заповеднике конюхом, а все свободное время отдает лепке.

Берет он толстую проволоку, изгибает, режет, укрепляет на подставке — это скелет животного. Разводит глину и легкими мазками накладывает пласт за пластом. Ловко орудуя перочинным ножом, он снимает лишнюю массу, и вот скульптура в основном готова.

В 1967 году С. М. Нестеров был участником XI областной юбилейной выставки в парке имени Горького в Москве. За работу «Зубр Мотылек» и «Зубр с зубренком» Сергей Михайлович получил почетную грамоту и диплом I степени.

Сейчас Сергей Михайлович занят новыми работами. Мечтает вылепить дерущихся животных, показать их силу, мощь и красоту. Уже вырисовываются контуры будущей скульптуры. Два зубра сцепились в яростной схватке. Моделью служат зубры Бег и Мотылек — красавцы заповедника.

Т. БУЧ

Запанибрата с орлом

Черная мышь бесстрашно гуляет по спине орла. Этих животных приучил друг к другу один английский лесничий.

Полет на зебре

Циркачка Кристин Эвери, живущая в США, четыре раза в день совершает прыжки верхом на зебре в бассейн.

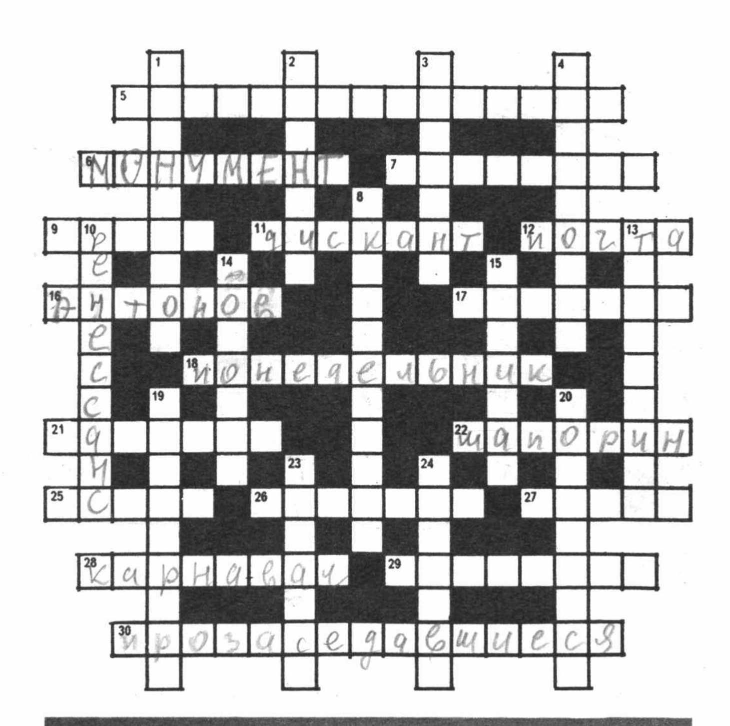
Рыболов-акустик... Хорошо ли?

Американские конструкторы изготовили чувствительный звукоулавливатель, позволяющий подслушивать разговор рыб. Как видите, рыболов, вооруженный таким аппаратом, очень доволен своей добычей.

Чемпионат по чистописанию

Ежегодно в Японии проводится конкурс по каллиграфии. Обычно в нем принимают участие свыше тысячи художников всех возрастов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Антарктическая прибрежная научная станция СССР. 6. Скульптурное изображение. 7. Остров вблизи Очакова. 9. Приток Куры. 11. Высокий детский голос. 12. Учреждение связи. 16. Советский авиаконструктор. 17. Болгарский народный музыкальный инструмент. 18. День недели. 21. Русский архитектор XVIII века. 22. Автор оперы «Декабристы». 25. Река, берущая начало со Среднерусской возвышенности. 26. Птица семейства ястребиных. 27. Спутник планеты Сатурн. 28. Костюмированный бал. 29. Роман Ф. Купера. 30. Стихотворение В. Маяковского.

По вертикали:

1. Работник издательства, типографии. 2. Тонкая ткань. 3. Фруктовое дерево. 4. Горная система в Азии. 8. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 10. Эпоха Возрождения. 13. Отрасль геологии. 14. Игра с пением и пляской. 15. Французский писатель. 19. Столица Чувашской АССР. 20. Грузоподъемное устройство. 23. Город в Московской области. 24. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16.

По горизонтали:

5. Гурзуф. 6. Фланец. 9. «Женитьба». 11. Патиссон. 12. Трике. 13. Тургенев. 15. Арканзас. 17. Треугольник. 20. «Калевала». 23. Светофор. 25. Токио. 26. Секретер. 27. Мармелад. 28. Бархат. 29. Кошкин.

По вертикали:

1. «Пуритане». 2. Курчатов. 3. Клайпеда. 4. Лезгинка. 7. Нептун. 8. Формат. 10. Широконоска. 14. Нерча. 16. Клише. 18. Ласкер. 19. «Корсар». 21. Ватерпас. 22. Астрагал. 23. Скоморох. 24. Трамплин.

На первой странице обложки: Ансамбль гармонистов саратовского Дома культуры профтехобразования (см. в номере репортаж «Саратовская, с колокольчиками»).

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00079. Сдано в набор 8/IV-69 г. Подписано к печ. 21/IV-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 794. Заказ № 1172.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Жалею тебя

Музыка Алексея Экимяна. **Слова Феликса Лаубе.**

Встало над речкой село наше русское:
Крыши покатые, тропочки узкие,
Где до седин все теплей и нежней
Жены всем сердцем жалеют мужей...

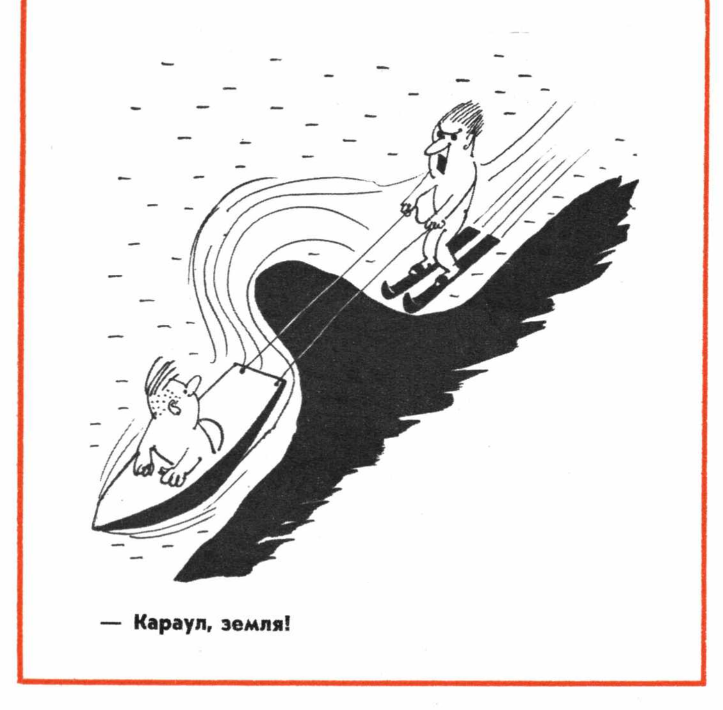
Припев:
В селах Рязанщины,
В селах Смоленщины
Слово «люблю»
Непривычно для женщины.
Там, бесконечно и верно любя,
Женщина скажет:
— Жалею тебя.

Сколько тепла в каждом женском характере,
Как нас жалеют усталые матери!
Как до сих пор вечерами грустят
Вдовы, жалея погибших солдат...

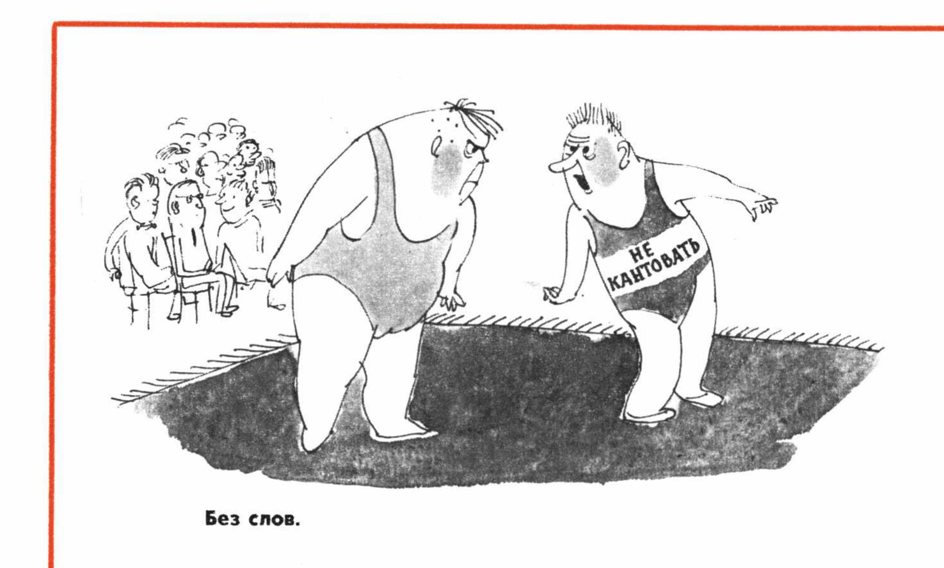
Припев.

Годы идут, наши матери старятся,
Ласка внучатам родившимся дарится...
Женщины вечно добры и нежны.
Как же мужчины жалеть их должны!

Припев.

— Караул, земля!

Без слов.

— Сейчас бы бутылочку сухого.

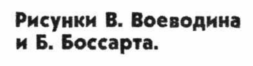

— Что-то жена перестала за тобой присматривать!
— Завели мы телевизор.

— Ты не знаешь, где мой диплом мореходного училища!

Рисунки В. Воеводина и Б. Боссарта.

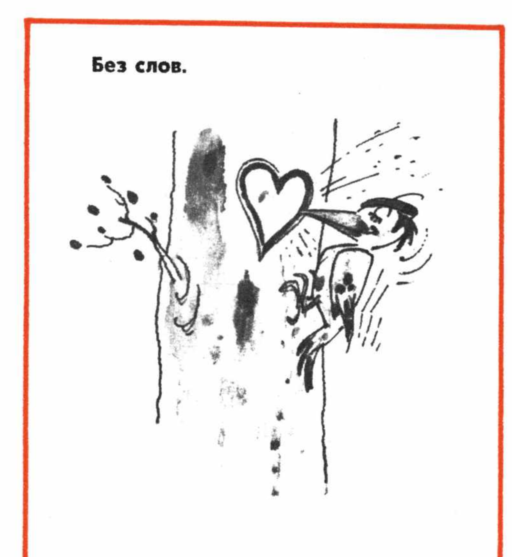

— Говорила же, перестань накачивать!

— Мне пить нельзя, я за рулем.

Без слов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

НАВИГАЦИЯ ОТКРЫТА!

Началось пассажирское сообщение по Волге, Каме, Белой, Оби, Енисею и другим рекам Российской Федерации. На транзитных и местных линиях курсируют комфортабельные теплоходы и пароходы с удобными каютами, салонами отдыха, ресторанами, прогулочными палубами.

На весенний и осенний периоды навигации стоимость билетов на суда отдельных транспортных линий в каюты 1 и 2-й категорий снижается на 20—30%.

Речфлот приглашает вас совершить деловую поездку, увлекательное путешествие, экскурсию или прогулку на речных судах.

Об условиях проезда и интересных маршрутах вы можете узнать в пассажирских агентствах, туристско-экскурсионных конторах, на речных вокзалах и пристанях.

